

Ф 884670
А 84
П 75

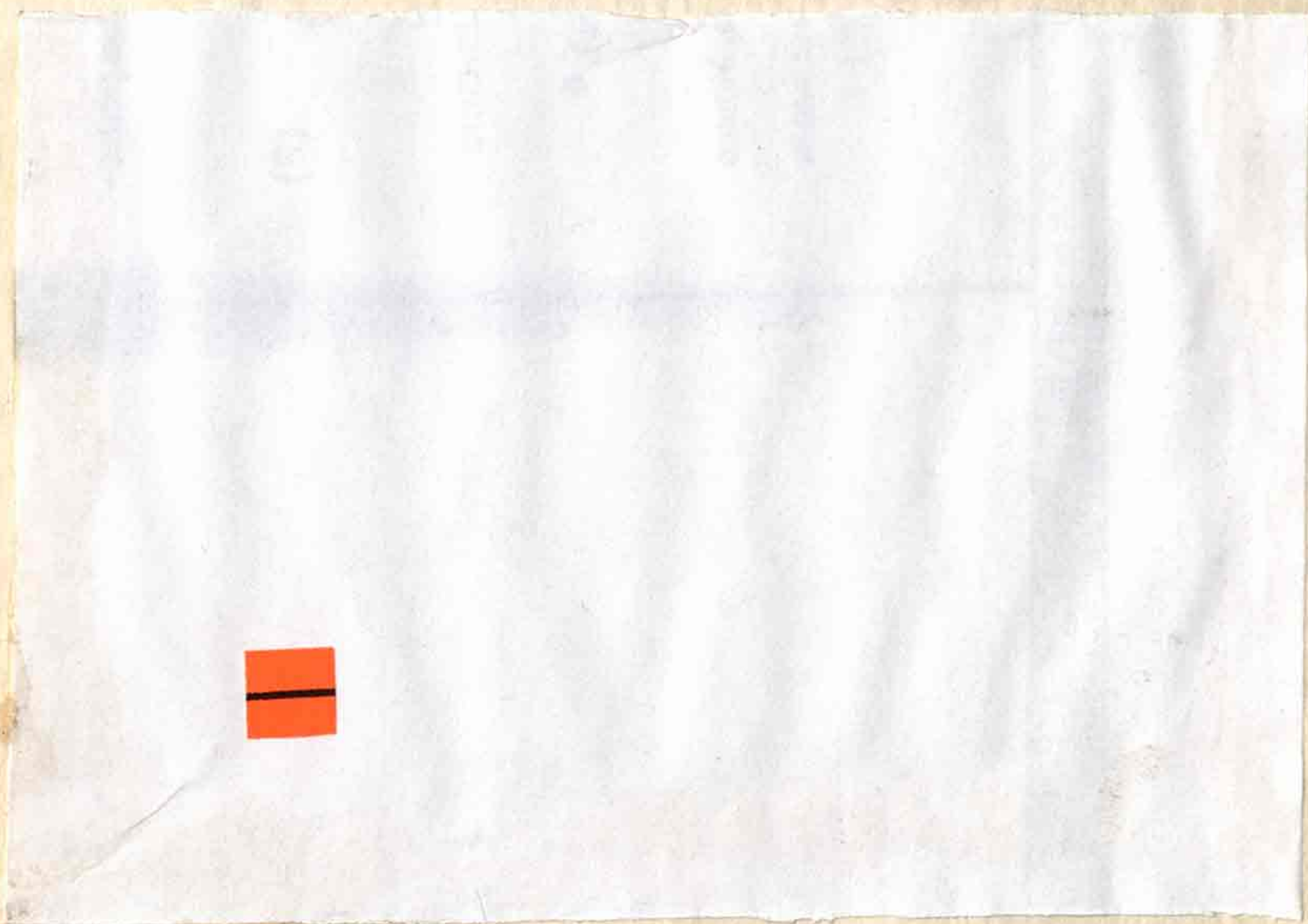

Триумф

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИК

94

Управление культуры
администрации
Амурской области

Амурская организация
Союза писателей
России

ПРОЗА

ПОЭЗИЯ

ИСКУССТВО

СТРАНИЦЫ
ПРОШЛОГО

Благовещенск
1994

Амурская мушкетерская — 94

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК

А847
1175

Ф. 884.670

04
09

+ 84/2 рое-рус/о

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Светлана Борзунова. На земле незаселенной — я и ты... Стихи	3
Александр Калинин. Пройди и оглянись. Главы из романа	5
Геннадий Хорошавцев. Грибы. Стихи	43
Игорь Файнфельд. Стихи	44
Александр Маликов. Завтрак аристократа. Повесть	45
Оксана Розум. Стихи	55
Олег Суриков. Стихи	57
Дмитрий Клоков. Стихи	57
Анатолий Кайда. Крыло самолета. Вышка. Воздушные мосты. Рассказы .	58
Константин Дмитриенко. Сказки на берегу. Стихи	70
Станислав Демидов. Голоса друзей. Переводы стихов китайских поэтов .	76

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

А. Иванов. Пионеры амурского театра	80
--	----

ИСКУССТВО

А. Тихомиров. Многие о его листочки спотыкаются	73
Репродукции графических работ Николая Савченко	72—75

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

**Т. Ф. БЕДИНА, В. В. ИЛЮШИН,
Б. А. МАШУК, С. П. ФЕДОТОВ**

Художник — Александр Тихомиров

Изд. N 73. Заказ № 0077.
Формат 60x84/8.
Усл.-печ. л. 10,23.
Тираж 10000.

Государственное
редакционно-издательское малое
предприятие "РИО".

Производственно-
коммерческое
издательство
"Зея".
675006,
г. Благовещенск,
ул. Калинина, 10.

Приамурье-94. Литературно-художественный
сборник. — Государственное редакционно-изда-
тельское малое предприятие "РИО". Благовещ-
енск, 1994. — 88 с.

Амурская областная
библиотека

НА ЗЕМЛЕ НЕЗАСЕЛЕННОЙ — Я И ТЫ...

■
Зима снегами белыми цвела,
метель неуголенная кружила,
когда я плод запретный сорвала
и на двоих его переломила.
Вход в нищий рай, лишенный шалаша,
открытый всем ветрам и всем напастям.
И жизнь спустя в изгнании душа
не позабудет терпкий привкус счастья.
Мои слова — от нежности — тихи,
но одолеют холода и вьюгу.
Суровый бог отпустит нам грехи
за то тепло, что дали мы друг другу.

■
Будет то, чего не ждешь —
черный день, пресветлый вечер.
Неисполнившийся дождь
напророчит нашу встречу.
Две печали, две беды,
два утаянных испуга,
двух детей полуседых
шаг доверчивый друг к другу.
Душ больных больная связь,
как былинка в чистом поле,
затрепещет, не боясь
предстоящей смертной боли —
одинокость свое
разделяя приумножить.
Будто скрипка запоет,
задыхаясь в нежной дрожи.
Услышать, узнать, забыть
голос некогда любимый,
В грозном грохоте судьбы
еле-еле различимый.

■
Цвет багульника, дымка,
лиловый летучий огонь,
почему мне так жутко
от дикой твоей красоты?
Мне холодное пламя его
обжигает ладонь.
Страсть и нежность земли,
а совсем не лесные цветы.
Так не дарят букеты —
так носят в охапке дрова,
чтобы пламя костра,
завывая, взвилось до небес.
Расцветает багульник.
Кружится моя голова.
Разбежался по сопкам,
притих настороженный лес.

■
Просто — как сердца стук.
Это бывает так:
Всякий малейший звук
сам попадает в такт.

Струны созвучны — тронь,
вслушайся не спеша.
Просто — ладонь в ладонь,
просто — к огню огонь,
просто — к душе душа.

■
Будет время — еще покаюсь
в том, что жизнь прожила сполна.
Но пока что не зарекаюсь:
Слава богу, еще грешна.
Что ж, сыграй со мной в чет и нечет,
чую жар твоего угля.
Новой страсти своей навстречу
поднимаю тяжелый взгляд.

■
Еще придет черед для порицаний,
но судьи благосклонны до поры.
Вот я, дрожа, сажусь в чужие сани
и, захлебнувшись ужасом, — с горы!
Все круче спуск. Пейзаж неразличаем.
Летящая цветная пелена.
Лай ветра вслед отрывист и отчаян,
острее ликование и вина.
Полет? Погибель? Я не понимаю.
Но бесполезно жать на тормоза,
когда ты мне навстречу поднимаешь
смеющиеся радостью глаза.

■
А когда судьба отсеет сор случайный,
мелкий мусор повседневной суеты,
мы останемся, как были изначально,
на земле незаселенной — я и ты.
Да неведомые звери в скалах диких,
не имеющих названия пока.
В океан, еще не названный Великим,
путь направит безымянная река.
Вдоль по небу, не запятнанному дымом,
поплывут к закату птицы без имен...
И тогда я прошепчу тебе: "Любимый" —
слово первое всех будущих племен.

■
Разве ведает о горе
эта полночь молодая?..
Как река впадает в море,
я в любовь к тебе впадаю.
Меж обвалов и порогов,
между скал, нависших густо,
все равно пробьет дорогу
переменчивое русло.
У суровых побережий
растечется мягким устьем.
Берега отступят нежно
и поток в пролив допустят.
Позади пески и мели.

Горько-сладок миг слиянья.
...А река дойдет до цели,
и реки совсем не станет.

Рот пересохнет в предчувствии этой минуты,
выпадет сам из дрожащей руки карандаш.
Что мне ответить судьбе, обернувшейся круто?
"Я не предаю". И спросить: "Ты меня не предашь?"
Небо в алмазах, которое нам не увидеть.
Чьи-то столицы, в которых вовеки не жить, —
знаю, не сбудутся. Я на судьбу не в обиде.
Ей наплевать на изжившие срок миражи.
То, что дала она, помню, никто не отнимет.
То, что пошлет она, твердо и честно приму.
Верю в любовь. А она не нуждается в гриме,
вечно прекрасна, хотя неподвластна уму.
Будет — что будет. Я шла к тебе десять столетий.
Я за тебя умирала не раз и не два.
Вот и свершилось. Сомкнулись незримые сети.
Вот мы и вместе. И тут иссякают слова.

И где бы мы ни были вместе,
к нам ангел спускался на зов.
Дрожа, замирали на месте
спешащие стрелки часов.
Срываясь от нежности, пело
извечное таинство двух:
душа, претворенная в тело,
и плоть, воплощенная в дух.

Ни о чем грустить не надо —
этот час еще придет —
листопада, снегопада.
А пока что — ледоход!
Ветер влажен и неровен,
и несет в себе река
глыбы льдин, обломки бревен,
молодые облака.
Годы — мимо, горе — мимо,
впереди певучий май.
Поцелуй меня, любимый,
да покрепче обнимай.
День умыт и приукрашен.
И я точно знаю, да,
непременно будет наша
вся черемуха в садах,
весь багульник на пригорке,
вся лесная сарана.
Это после будет горько...
А сейчас еще весна.

Зея берег обнимала
нежно, вкрадчивей греха.
Я в верховьях не бывала,
а внизу вода тиха.
Так и стелется по пляжам,

так и ластится волна.
Молчалива — не рассекает
то, что видела она.
Унесет, упрячет в иле,
скроет донною травой
все слова, что говорились
для тебя для одного.
Все, что было, все, что будет,
что потом произойдет,
речка Зея не забудет,
все с собою понесет:
как она, шурша о гравий,
нас венчала в синеве,
возле берега расставив
золотые свечки верб.

Все началось — за десять тысяч зим,
тому назад три тысячи черемух.
Ты так же был — и узан, и любим,
и так же я — чужда и незнакома.
Старо как мир. Как псевдосоловьи,
что запевают в пригородном сквере.
Кто, скажешь ты, измерит срок любви?
Давным-давно кукушками измерен.
Не удержать минуты на руке,
разводит время полюса магнита.
Нам вечно на вселенском сквозняке
скользить по полупознанным орбитам.

Паруса октября, хоть и рваны, натянуты туго.
Осень листья осин убирает в свои закрома.
На скамейке холодной присяду в минуты досуга,
буду думать и помнить: учиться тебя понимать.
От несказанных слов, повторенных в душе
не однажды,
перехватит мне горло голодная злая тоска.
Утолить ли слезами души неуемную жажду?
Я не смею тебе ни писать, ни звонить, ни искать.
Ты молчанье мое, несомненно, припишешь капризу.
Ты, конечно, решишь, что все бывшее было зазря.
Тебя в городе нет. Город пуст и ветрами пронизан.
Надорвавшись, опали в снега паруса октября.

И — ненависть в крови — итог тысячелетья.
Век входит в души к нам, как нечестивец в храм.
Промотано дотла богатое наследье:
смятение теней и плесень по углам.
О вере и любви не поминайте всуе —
каменьями побьют рискнувшего сказать.
Презрение и смех — ответ на поцелуи,
кровавой пеленой застелены глаза.
Безумен этот мир. Безумна и сама я —
тянуться за теплом к сгоревшему углю.
Пока еще люблю. Уже не понимаю.
Пока еще люблю, пока еще люблю...

ПРОЙДИ И ОГЛЯНИСЬ

Главы из романа

ТАШКЕНТ — КАБУЛ — ЧАРИКАР

Саша Карасик прилетел в Ташкент рано утром. Хотелось пить, но больше всего — добраться до “пересылки”, устроиться, отдохнуть с дороги. Аэропорт, по-восточному шумный и многоголосый, впечатлял. Такси на жаре ждать не хотелось, поэтому с друзьями взяли частника. Не прошло и полчаса, как оформились на КПП, определились в комнату на восемь коек, побросали чемоданы и двинули на базар.

Узбеки в халатах стояли вдоль торговых рядов, наперебой предлагая виноград, яблоки, дыни, изюм. Дымили мангалы. Фрукты, овощи, по сравнению с Дальним Востоком, были фантастически дешевыми, да еще со спиртным — без проблем. Поэтому в самом наилучшем расположении духа, таща сумки с гремящими бутылками, пошли мимо надписи на КПП “Прносить и распивать спиртные напитки категорически запрещается”, не без опаски поздоровавшись с дежурным, который равнодушно взглянул на сумки, и, весело балагуря, ввалились в комнату.

— Ну-с, — обратился длинный рябоватый прапорщик. — Командуйте, товарищ старший лейтенант!

— Вначале перестань “выкать”! — Карасик сделал свирепое лицо, но глаза продолжали добродушно улыбаться. — А теперь наливай!

Веселый шум и гомон, а также лязг сдвинутых стаканов стояли до поздней ночи. В комнату заходили незнакомые офицеры, поселившиеся по соседству. Находились земляки, кто-то служил рядом, кто-то жил, сейчас всех их вместе объединил тот путь, по которому придется пройти...

Оставшиеся с дороги деньги тратились быстро, легко, их никто не жалел. Особенно внимательно Карасик присматривался к тем, кто возвращался с отпусков, — и держались они несколько иначе, хотя с первого взгляда не отличались от тех, кто ехал в Афган впервые. Они так же пили, смеялись, вспоминая отпуск, но ощущалась в их поведении некоторая нервозность, их мысли, похоже, были уже по ту сторону границы. На вопросы: “Как там?” — многие отвечали неохотно, уклончиво:

— Прилетите, увидите.

...Вылетали рано утром. Самолет был огромный, грузовой, сиденья располагались только вдоль бортов, поэтому Карасик, как и другие, примостился на собственном чемодане. “ИЛ-76” шел ровно, ничто не нарушало равномерный шум двигателя. Знакомые по пересылке летели другим бортом, поэтому он скучал и разглядывал пассажиров. Невдалеке жались друг к другу две девушки.

“Медсестры, что ли? — подумал он. — И чего им дома не сидится? Мне-то ладно, сказали — меняй, дескать, место службы, я и сменил, а эти... И в иллюминатор не заглянешь, черт меня дернул сесть в самый хвост, скорей бы Кабул...”

Александр Калинин родился в 1952 году в Хабаровском крае. В 1973 году окончил Тюменское высшее военное инженерно-командное училище. Служил в Чехословакии, на Дальнем Востоке. С июля 1986 по ноябрь 1988 года находился в составе советских войск в Афганистане. С октября 1990 года — офицер запаса.

Награжден орденом Красной Звезды, четырьмя советскими и двумя афганскими медалями, знаком Министерства обороны “За разминирование”.

Впервые напечатался, будучи семиклассником, в местной газете “Искра Хингана” города Облучье. Был внештатным корреспондентом военных газет.

Роман “Пройди и оглянись” задуман в трех книгах. Книга первая, “На изломе”, главы из которой печатаются здесь, охватывает события 1986 — 1987 годов в Афганистане. Фамилии многих действующих лиц подлинны, как и описываемые события. Однако это художественное произведение, и на документальную точность деталей оно не претендует.

“На изломе” выходит в этом году в свет отдельной книгой в производственно-коммерческом издательстве “Зея”.

Сейчас автор работает над второй книгой романа и просит бывших однополчан, присылать свои отклики и замечания по адресу: 675000, г. Благовещенск, ул. Комсомольская, 87, кв. 13, Калинин Александр Николаевичу.

Неожиданно самолет вздрогнул, как от удара. Он с испугом огляделся, но лица пассажиров оставались невозмутимыми. “Неужели обстреляли самолет?” — он напрягся. Стало как-то тоскливо. Вдруг собьют?

Самолет продолжал равномерно вздрагивать от непонятных ударов, затем резко пошел на снижение. Живот подполз к горлу, от изрядно выпитого вчера раскалывалась голова, тошнило. Наконец “Ил-76” затрясся по бетонке, задрожал, стал резко тормозить. Когда опустился трап, в салон дохнул жаркий сухой воздух.

— Извините, — обратился Карасик к стоящему рядом майору, когда все вышли, — а кто это бил по нам при посадке?

— Впервые? — майор усмехнулся.

Александр утвердительно кивнул головой.

— Это сам самолет отстреливался тепловыми ракетами, чтобы его не подбили.

Поймав недоуменный взгляд Карасика, майор пояснил:

— Ракеты идут на цель по теплу, а отстрелом сбивают их с курса, понял?

— Конечно. Нормально придумали... — Карасик отвернулся от его насмешливого взгляда, по-досадовав на свое любопытство.

Молодой, в чистой “эксперименталке” капитан, судя по щеголеватому виду — из штабных работников, равнодушно оглядел пассажиров, нагруженных чемоданами, небрежно махнул рукой: “Следуйте за мной”.

Двигаясь к одноэтажным деревянным домикам, Карасик косился на конец летного поля, где огромной металлической горой громоздились подбитые самолеты и вертолеты. Оглянувшись назад, Карасик увидел, что их мощный “Ил” уже поднялся в воздух и от него красивыми огнями уходят сверкающие полосы. А в небе над аэродромом кружились вертолеты.

— Слышь, капитан, — Александр догнал встречающего, — какого черта вертолеты круги накручивают? Тренируются, что ли?

Капитан окинул взглядом шуплую фигуру старшего лейтенанта и усмехнулся.

— В случае обстрела они принимают удар на себя.

— Понял. Смертники, значит? Камикадзе...

— Смертники, говоришь? А ты, судя по эмблемам, сапер? Так по риску ты недалеко от них ушел.

Страшно хотелось пить от всей этой жары...

“Ну, ничего, здоровей буду!” — подбодрил себя Александр, вспомнив, как на медицинской комиссии пожаловался врачу, что у него радикулит и полиартрит.

— Вот и хорошо! — заявил тогда врач, черкнув в медицинской книжке: “Годен для службы в ДРА”. — Там и погреешь свои суставы!

— Как в академию поступать, так кучу болезней найдет, а тут все здоровы, — пошутил кто-то.

— Это что! — хохотнул другой. — Неделю назад я у этого самого окулиста очки выписывал, а сегодня оказалось стопроцентное зрение...

— Ты что? — встречавший его капитан оглянулся: Карасик уткнулся чемоданом в его спину. — Уснул, что ли? Пришли!.. Вещи занеси вон в тот модуль.

— Куда? — не понял Карасик.

— Вот эти сборные деревянные домики называют “модулями”, — пояснил капитан.

...И снова, как в штабе округа, нужно было заполнить анкету с вопросами: куда желаешь попасть служить после Афгана, сколько лет и в какой должности служил последнее время...

— А если был перерыв в должности? — спросил Карасик у капитана.

— Какой перерыв?

— Я десять лет был взводным, затем восемь месяцев — командиром роты, а сейчас снова взводный...

Последние слова Карасика утонули в хохоте.

— Так тебе когда капитана-то получать? — спросил какой-то майор с танковыми эмблемами.

Шурка пожал плечами:

— Не знаю... По выслуге еще в прошлом году должен быть подполковником...

Снова последовал взрыв смеха, все сразу стали как-то ближе друг к другу.

Заполнив анкету, побрели в модуль... В помещении, увидев бачок, он попробовал попить воды, но, сделав несколько глотков, с отвращением сплюнул.

— Где здесь можно попить человеческой воды? — спросил Карасик у офицера, наполняющего пустую бутылку.

— Сейчас должен открыться магазин, там можешь взять “Си-си” или мандариновый сок. Есть и “Боржом”.

— Не-е, мне бы водички, пусть теплой, но без этой противной хлорки.

— Так ты в первый раз? — офицер уже с вниманием посмотрел на Карасика.

— Ага.

— И чеков у тебя, конечно, нет?

— Совершенно верно, а посему, видать, придется довольствоваться этой хлорочкой.

Офицер протянул Карасику несколько бумажек: “Возьми на первый случай, а в части тебя твой сменщик от радости завалит не только чеками, но и местными деньгами — “афошками”.

В модуле Шурка попробовал уснуть, но громкоговоритель мешал. Только задремлешь, тут же просыпаешься: “Борт-171 — Джелабад — на выход! Рейс 55 — Кандагар — на выход!”..

— А тебе куда? — спросил сосед по койке.

— А черт его знает, даже в штабе не знают. Получу предписание, там видно будет. Но уверен, что это будет дыра.

— Почему? — удивился сосед.

— А я всегда по дырам служу, так что на хорошее место не претендую. Давай спать.

Ранее утро над Кабулом...

Карасик с Никитиным вышли из душного модуля и решили немного пройтись. Возле выхода на полосу их остановил часовой. Дальше — нельзя. Офицеры, прислонившись к металлическому забору, стали наблюдать как идет посадка на АН-24.

— В Союз летят, — тихо проговорил Сашка, провожая завистливым взглядом садящихся в самолет военных.

— А ты что, уже соскучился по дому? — Игорь вертел головой, разглядывая вертолеты, которые, казалось, играли в догонялки, порхая по кругу. Неожиданно от трапа побежала девушка, что-то крича и размахивая руками:

— Оля! Оля! Я сумочку с чеками забыла!

— Я сейчас! — услышал Карасик рядом звонкий девичий голос. Обернувшись, он увидел, как

еще одна девушка побежала в модуль и, сразу же вернувшись, просунула сумочку сквозь металлическую ограду.

— Держи, Наталка! Ну ты и растяпа... Смотри! Самолет тебя не дождался!

Но девушка рванулась наперерез самолету:

— Стойте, возьмите меня! Там мои вещи!

Самолет притормозил, открылась боковая дверь, и несколько рук затащили девушку вовнутрь. Игорь с Александром переглянулись.

— Отчаянная девчонка, даже самолет не побоялась остановить! — Игорь достал сигареты. — Угощайся, знакомый дал пачку.

— Я бы даже "ИЛ" тормознул, если бы пришлось лететь домой, — Карасик с удовольствием затыкнулся "Явой".

— Смотри! — закричал кто-то, указывая на самолет.

...Он увидел, как к самолету приближается огненная полоса, сверкая в лучах восходящего солнца. Через несколько секунд яркая вспышка ударила по глазам, и монотонный шум Кабульского аэропорта разорвал грохот.

— Наташа-а-а! — душераздирающий крик вывел Карасика из оцепенения. — Да что же это делается?! О-о, господи!

Какой-то офицер придержал девушку.

— Сестреночка моя! Что я маме скажу? О, господи-и-и-и!

Девушку окружили подруги, кто-то успокаивал, кто-то плакал... Игорь тронул Карасика за плечо, и они медленно отошли от ограждения.

А в небо поднимались еще и еще вертолеты, заработала артиллерия. Вскоре со стороны гор донесся глухой шум рвущихся снарядов...

Офицеры подошли к баку с питьевой водой. Не ощущая запаха хлорки, Карасик залпом выпил два стакана.

— Не могут даже оснастить все самолеты противоракетной системой, — со злостью проговорил Игорь, закуривая следующую сигарету и выматерившись.

— А у нас всегда так, на чем-нибудь да сэкономят... Подожди, — кажется, нас по репродуктору вызывают.

"Карасик и Никитин, срочно прибыть на КПП!" — снова донеслось из соседнего модуля.

— Пошли...

У модуля их встретил капитан с инженерными эмблемами.

— Солдатов, — назвался он, пожав всем руки. Друзья представились и, по приглашению Солдатова, сели в санитарную машину. "Уазик" помчался по улицам Кабула.

— Смотри-ка! — восклицал Карасик. — Как у Сенкевича в "Клубе путешественников"! Женщины в парандже, мужики в чалмах, а кругом одни базары. Они торгуют полным ходом, а мы — воюем. Оригинально...

Машина, выезжая то на левую, то на правую сторону, маневрируя между пешеходами и техникой, приближалась к центру города. На площади стоял афганец в форме с автоматом Калашникова, кажется, регулировщик. Но регулированием он особенно не занимался. Машины двигались, объезжая пешеходов, которые ходили прямо по проезжей части.

Внимание офицеров привлекли две девушки без паранджи. В красивых платьях, обвешанные

фальшивой бижутерией, они поразили тем, что у обеих на плечах висели автоматы. С интересом поглядывая на машину "шурави", прошла группа подростков с оружием. Впереди показался красивый дворец, стоявший на высоком холме.

— Бывшая резиденция Амина, а теперь штаб 40-й армии, — пояснил Солдатов.

Машина повернула налево и остановилась у модуля. Вход в здание прикрывал навес из маскировочной сети.

— Начальник инженерных войск армии не может вас принять, — сообщил высокий подполковник, когда друзья вошли в кабинет, поразивший своей прохладой. Здесь работал кондиционер. — Инструктировать буду я.

Он, вздохнув, будто на политзанятиях, начал рассказывать об особенностях службы в условиях горно-пустынной местности с жарким климатом, но Карасик его почти не слушал, разглядывая в окно штаб армии. ...Так вот он какой, тот дворец, который в декабре семьдесят девятого года штурмовали наши десантники. Здесь убили Амина, отравившего своего предшественника Тараки. А ведь все они были когда-то нашими друзьями...

— Вы, товарищ Карасик, будете служить в Герате. Это вот здесь, — подполковник ткнул карандашиком на запад Афганистана. — А вы, товарищ Никитин, — в Кандузе, это на востоке страны.

— Дан приказ ему на запад, мне в другую сторону, — проговорил Игорь.

— Что делать, мужики! — уже дружелюбнее сказал подполковник, — я бы рад отправить вас в одно место, но сие не зависит от меня. Ну, а пока некоторое время побудете вместе. Прежде чем разъехаться по своим полкам, вы пройдете доподготовку в саперном полку. Изучите мины иностранных армий, которые применяются здесь мятежниками, а также ознакомьтесь с новыми минами Советской Армии. Да и акклиматизацию надо пройти. Ранее таких сборов не было... Вам, я вижу, невтерпех, сразу в бой надо рваться, — а знаний-то маловато! Ну это, так сказать, небольшое отступление, а сейчас — обедать! И потом Солдатов отвезет вас на диспетчерский пункт, а далее на попутных БТРах доберетесь до Чарикара, — это на всякий случай, если я не смогу вызвать за вами БТР.

На посту, в ожидании машины, офицеры разглядывали окраину города. Здесь, в северной части Кабула, было меньше развалин, но, тем не менее, попадались разбомбленные, разграбленные дома — чьи-то недавние жилища, глядящие с укором.

Мимо проходили машины афганцев, ярко расписанные, загруженные под завязку различными товарами. В кабину машины набивалось по пять—шесть человек, некоторые стояли на подножках, висели сзади на лесенках.

— Сюда бы наших гаишников! — улыбнулся Никитин.

— Да они чекнулись бы! — помотал головой Карасик, глядя на старцев, которые с задумчивым видом покуривали трубки, сидя на самом верху тюков. Машина, покачиваясь, медленно проехала мимо. Как сумасшедшие, промчались два наших БТРа.

Подошел летчик с коротким автоматом. Такое оружие Карасик видел впервые. К автомату были

пристегнуты два больших, перевязанных изолен- той магазина.

— Привет, славяне! — поздоровался он. — В Баграм?

— Нет, в Чарикар.

— Ну что? — с иронией спросил он. — Небось завалили штабы рапортами с просьбой послать в Афган?

— Да нет, мы без рапортов, — ответил Игорь.

— Ого! — усмехнулся летчик. — Появилась, значит, четвертая группа!

— Это как? — не понял Карасик. — Что за четвертая группа?

— Объясняю! — Летчик поправил автомат. — Слушай: кто едет в Афганистан? Храбрый — за орденами, жадный — за деньгами, а дурак — пострелять. Понял?.. Ты — четвертая категория. Не знаю за что, не знаю зачем.

— Вполне! — Карасик рассмеялся.

Из-за поворота вылетел на бешеной скорости БТР и остановился, заскрипев тормозами, подняв облако пыли.

— Кто здесь ожидает такси до Чарикара? — сверкнув белоснежными зубами на пыльной физиономии, громко спросил молодой прапорщик, упершись ногами в открытый люк.

— Мы! — Карасик подбежал и, забросив чемодан, первым спустился в люк. Внутри было душно. Механик-водитель подложил им под сиденье коробку из-под патронов, и они тронулись. Все ехали сверху, только Карасик с пулеметчиком да водитель были внутри машины. “Подумают еще, что испугался”, — подумал Карасик и вылез наверх.

БТР несся по бетонке, в лицо упруго ударял ветер — он был теплый, но действовал освежающе. Слева и справа торчали скелеты обгоревших машин, в основном КамАЗов, брошенные, разрушенные кишлаки... Афган...

В полку их встретил майор в выцветшей форме.

— Занятия начнутся завтра, а сегодня устраивайтесь, осмотритесь, ознакомьтесь с расписанием занятий. Да не прозевайте баню, — начальник штаба понимающе улыбнулся.

На следующий день началась предварительная подготовка. Занятиями особенно не нагружали, поэтому оставалось время почитать, посмотреть телевизор, написать письма, а то и сразиться в карты.

— Ну чем не курорт! — восклицал Карасик, сидя на кровати и раскидывая колоду карт. — Вечером даже хожу любоваться на светомузыку!

— Это где ты откопал светомузыку? — Никитин удивленно поднял брови.

— А ты сходи вечером, когда стемнеет, в курилку за модулем. Трассирующие пули веером рассыпаются по небу, звучат автоматные очереди, бухают пушки... Чем не светомузыка!

— Слушай, дорогой, не шастай ты поздно в эту курилку, — покровительственно сказал высокий светловолосый старший лейтенант Непашин. — Не все трассеры пролетают мимо.

У Карасика вытянулась физиономия: “А я думаю, почему это вечером там никого нет? Сижу, понимаешь ты, мечтаю. Все, теперь меня даже днем туда не загонишь...”

...Карасик еще не знал, что через полгода в Шинданде Непашин, попав в госпиталь, полетит в Джелалабад к друзьям, и их самолет будет сбит.

А молодой лейтенант, недавно из училища, проходящий вместе с Карасиком сборы, будет отправлен газом при прочесывании “зеленки” и инвалидом вернется домой.

А БТР Карасика подорвется на mine под Гиришками, и сам он, оглохший, контуженный, размазывая кровь из ушей и носа, отхаркиваясь и рыгая, будет отдавать приказания на объезд опасного участка... Афган. Светомузыка...

ЧАРИКАР — ШИНДАНД — ГЕРАТ

Ну и баня! Это была настоящая сауна. В парилке дышать невозможно, раскрываются поры не только тела, но и души. Карасик был в восторге. “Красота! И ташкентская грязь вымывается, и дальневосточная! Как младенец буду!” — восхищался он, сидя на полке, затем выскакивал окунуться в бассейн — и снова нырял в парилку.

— Пошли к ребятам, чайку попьем, — предложил после бани Никитин.

Они не спеша шагали по вечернему городку. Пулеметные очереди в отдалении перекликались с одиночными выстрелами часовых. По дороге за городом неторопливо ползли два танка, периодически постреливая в сторону “зеленки”.

— Патрулируют... — сказал Никитин. — А пулеметы — это перестрелка между двумя кишлаками. Мне сказали: у них кровная вражда. Вроде бы уже двести лет между собой бьются. Начали с кремневых ружей, а теперь лупят друг друга из безоткатных орудий...

В модуль они успели вовремя.

— Выступление Горбачева передают! Тихо! — зашикали на них. Все, кто был в модуле, сидели перед телевизором, кто на койке, кто на стульях. С экрана смотрело знакомое лицо с характерным пятном на лбу. Карасик с Никитиным пристроились поближе и, затаив дыхание, стали слушать.

“...в октябре 1986 года запланирован вывод шести полков из Афганистана...”

Впервые прозвучало это долгожданное слово: “Вывод”.

— Интересно, какие полки будут выводить? — обратился Карасик к майору Кольванову, начальнику инженерной службы полка. Он, как и Карасик, получил назначение в Герат, но только в соседний полк.

— По идее, должны вывести твой полк, потому что он вошел в прошлом году и не успел отстроиться, — заявил Кольванов.

Карасик ходил возбужденный. Он уже мечтал о том, как вернется в семью, обнимает своих мальчишек, будет спать с женой.

В этот вечер долго не могли уснуть.

И вот экзамены. Рассказав устройство мины, Карасик выжидательно посмотрел на полковника, принимавшего проверку. Взгляд у того был грустный, усталый.

— Скажите, пожалуйста, на какой должности вы служили и чем занимались в последние два года? — неожиданно спросил полковник.

— Последняя должность — командир инженерно-саперного взвода мотострелкового полка, а фактически, последние два года был начальником котельной.

Полковник почему-то не удивился, а только вздохнул. Сашка и сам знал, что специалисты инженерных войск во всех регионах страны привлекаются к любым, в основном к строительным, работам, а не используются по своему прямому назначению. Командиры полков, дивизий видят в саперах прежде всего строителей. С легкой руки полковника Поварчука, начальника инженерных войск 40 армии, офицеры инженерных войск, прежде чем прибыть в боевые части, проходили здесь подготовительные сборы. Это уменьшило гибель саперов.

— Вот, товарищ Карасик, вы повстречали эту мину, — полковник ткнул указкой в “итальянку”. — Ваши действия?

— Сбоку 400 грамм тротила, вставляю зажигательную трубку — и ходу, нечего в ней ковыряться!

— Совершенно верно, — полковник улыбнулся, — а сейчас я вам зачитаю приказ командующего 40 армии:

“Запретить извлечение, обезвреживание мин, фугасов вручную, а уничтожать их на месте накладными зарядами”.

Этот приказ в дальнейшем нарушал не только Карасик, но и многие другие саперы. Нужны была учебно-материальная база для прибывающих солдат и офицеров, поэтому снимали, разбирали мины, вытряхивали взрывчатое вещество, выкручивали химические замедлители, а итальянские мины пускали даже на оформление светильников, иногда подрываясь на них. А это значит, где-то далеко в Союзе, в одном из домов раздавался крик и билась в плаче чья-то мать.

Офицеров, прошедших сборы, отправляли вместе с солдатами и сержантами, которые уезжали домой. В новеньких “экспериментальных” формах, с орденами, медалями, знаками “За разминирование” они вызывали восхищение и зависть.

Карасик с уважением оглядел строй, особенно ему понравился сержант, невысокий, шуплый, с простодушным лицом, но на груди — орден Красной Звезды, медаль “За боевые заслуги”, знак “За разминирование”.

Он от души завидовал этим молодым ребятам.

Команда “По машинам!” — и снова, после трехдневного перерыва, Кабульский аэродром, пересылка, вода, перенасыщенная хлоркой, но Карасик чувствовал себя уже немного старожилем, охотно отвечал на вопросы вновь прибывших. Рядом был Николай Егорович Колыванов, и Карасик чувствовал себя уверенней — вместе через Шинданд добираться до Герата.

Их “борт” летел по маршруту Джелалабад — Кандагар — Шинданд. А это значит — три взлета, три посадки. К тому же самолеты не опускались, как в Союзе, а “падали”, делая несколько кругов над аэродромом. Народу было мало, человек десять.

“Гоняют пустой самолет по кругу, — делать им, что ли нечего”, — ворчал про себя Карасик, но лезть с расспросами ни к кому не стал, а занял место возле иллюминатора и попробовал вздремнуть.

В Джелалабаде к самолету подкатила машина, загрузили свертки, обернутые в блестящую фольгу, и — на Кандагар. Все отодвинулись от свертков, только один Карасик остался сидеть рядом с ними, даже оперся об один из них ногой. От сверт-

ков шел неприятный запах, на полу самолета появилась лужица, Карасик начал читать бирку на свертке и вздрогнул, стало жарко. На бирке кричала и резала глаза надпись “Рядовой...”

Эти, как и те, веселые, в чистой форме, которых вчера видел Карасик, тоже летели домой...

Стало плохо полковнику, другие закрывали нос и рот платками, Карасик отвернулся к иллюминатору, разглядывая однообразные коричневые горы, ярко-зеленые островки оазисов...

Шинданд встретил жарой, сухим ветром. Затем тряска в машине по разбитой бетонке.

— Завтра за предписанием в штаб, затем на беседу с начинжем дивизии, — сообщил Николай Егорович, позвонив по телефону, — а пока отдыхать в гостиницу.

После беседы с начинжем дивизии Карасик и Николай Егорович не спеша шли по аллее. Остановились у водоема, в котором плавало несколько уток. Мимо проходил худощавый прапорщик, и Николай Егорович кивнул в его сторону:

— Это техник твоей роты. Узнай — может, он едет сегодня в полк.

Карасик окликнул прапорщика, представился.

— Я прибыл по замене вместо старшего лейтенанта Мутелюка. В полк не подбросите?

Прапорщика звали Анатолий Сарычев.

— Мы как раз в Герат возвращаемся с колонной, — сказал он. — Так что — пожалуйста! Только диспетчерский пункт проедете в БТРе, а потом — прошу ко мне в машину, поговорим по дороге. А сейчас... — он помялся. — Мне надо в штаб, решить один вопрос...

Что это был за “вопрос”, Карасик узнал позже, от сослуживцев.

...Дело в том, что при разведке дороги прапорщик вместе с Александром Мутелюком заехали в дукан, купив кое-что из вещей, “обмыли” это дело и, возвращаясь в полк, постреляли в воздух, угрожав на это мероприятие целый боекомплект. “Хадовцы” — афганские кагэбисты — позвонили в особый отдел полка, и когда друзья доехали до парка, их уже встречала комиссия народного контроля, провела расследование — и наши герои заплатили за истраченные патроны в десятикратном размере...

Наконец, прапорщик вышел из штаба. Карасик попрощался с Николаем Егоровичем, и они с Сарычевым отправились к колонне машин.

— А тут есть моя машина?

— Да, вот эта. А вот и водитель ваш, Степан Павлюх, хороший парень, правда, опыта еще маловато, прослужил только полгода.

Карасик забросил вещи в “Урал” и подошел к БТРу начальника автослужбы полка. Огромный плотный майор, разговаривавший с маленькой шуплой девушкой, махнул рукой на БТР: садись.

Карасик хотел ехать наверху, как все, но майор указал вниз. “Нет каски и бронежилета”, — ответил он на немой вопрос. Внутри кроме Карасика, ехали девушка и пулеметчик. Колонна двинулась на север. Молчали. “Интересно, кто она? Зачем здесь?” — но задавать вопросы Карасик не решался, а девушка, пару раз бросив на него взгляд, отвернулась. Пулеметчик дремал, прислонившись к пулемету, под монотонный гул двигателя.

Когда проехали диспетчерский пункт, Карасик запрыгнул в кабину к Сарычеву.

— Твой сменщик, — Сарычев повернулся к нему, перейдя на “ты”, — довольно халатно относился к технике, да и в ремонте практически участия никакого не принимал.

“Как в Союзе, — подумал Карасик, слушая техника, — там технические руководители обвиняют командиров в недостаточном внимании к технике. Тыловики — в слабой заботе об обеспечении, боевики — в подготовке личного состава. Интересно, а будут здесь авральные ночные работы по наведению внутреннего порядка перед приходом начальства?”

Карасик, по словам сослуживцев, не умел жить с начальством. Как результат — снятие с должности командира роты. “Не пришелся ко двору”, — так отреагировали офицеры-сослуживцы. “Был один порядочный командир — и того съели”, — поговаривали солдаты и сержанты.

— Вот и 10-я застава, — техник кивнул на показавшийся вдали маленький оазис и здание в нем. Если бы не окружение боевых машин и часовой на крыше, то можно было бы принять его за дачу.

— Это вилла, — как бы отгадывая мысли Карасика, пояснил Анатолий Сарычев. — Там мы попьем холодной воды, а полк через 10 километров, так что почти у цели.

— И много хлорки в этой воде? — спросил Карасик.

— Да ты что! Эта вода прямо из колодца.

— Вот это да! — обрадовался Карасик. — А я уже думал, что не придется попить настоящей воды до возвращения домой.

Трудно передать то ощущение, когда в 50-градусную жару утоляешь жажду ледяной водой из колодца. Карасик пил и не мог напиться, до того вода была вкусной. Теперь понятно, почему у этой заставы постоянно останавливаются машины.

— Вот и наш гвардейский полк, — указал на палатки Анатолий, — а напротив, через дорогу, — вражеский.

— А почему вражеский? — удивился Карасик. — Ведь это такой же мотострелковый полк, только вошел раньше.

— О! Это целая история. Когда в марте 1985 года мы входили в Афган, то к Герату колонна подходила ночью. Естественно, что по поводу нападения “духов” на колонны были проинструктированы, как говорится, насквозь. А когда подходили к заставе соседнего полка, то кто-то принял трассеры за обстрел — и саданул очередь. Застава огрызнулась, ну и началось... Кое-как разобрались, успокоились. Хорошо, что обошлось без потерь...

Ввалившись в палатку, где располагалась канцелярия роты, Карасик остановился. Прямо перед ним стоял стол, слева металлический ящик, рядом умывальник. Справа три кровати, на одной из которых лежал в обуви капитан и сладко похрапывал.

— Здравия желаю! — громко сказал Карасик. Капитан открыл глаза и, кряхтя, стал подниматься.

— Старший лейтенант Карасик прибыл для прохождения дальнейшей службы!

Капитан протянул руку, крепко пожал:

— Александр Николаевич Мазов, командир саперной роты.

Карасик улыбнулся:

— Я тоже Александр Николаевич.

Ротный рассмеялся:

— У нас командир 3-го взвода тоже Александр Николаевич, замполит — Александр Александрович, твой сменщик — командир инженерно-саперного взвода — Александр Александрович, так что в роте командный состав — одни Шурки. Ну хорошо, кровать занесем сюда. Пока поживешь здесь, а потом — в солдатскую палатку.

— Почему в солдатскую? — удивился Карасик.

— Разве нельзя здесь разместиться?

— Нельзя, приказ командующего армии.

— Не понял...

— Что ж тут непонятного? Командующий отдал приказ, в котором, в целях борьбы с неуставными взаимоотношениями, командирам взводов следует спать в одной палатке с солдатами. Даже перегородки делать не разрешается.

— Так это же неудобно! — возразил Карасик.

— А если после отбоя готовиться к занятиям?.. Да мало ли проблемы какие. Кстати, в саперном полку, где я был на сборах, тоже зачитали такой приказ, так начальника штаба завалили рапортами об увольнении. Это дело замяли, и командиры по-прежнему живут, как жили.

— Так это у саперов, а тут пехота, такой номер не пройдет, — возразил ротный, закуривая сигарету.

Резко распахнулась дверь, влетел старший лейтенант, стиснул Карасика в объятиях. Карасик растерянно смотрел на обожженное лицо незнакомого ему офицера, потом догадался: да это же и есть старший лейтенант Мутелюк! Радует, что замена пришла...

К вечеру собрались все офицеры и прапорщики роты. На столе появилась трехлитровая банка с брагой, закуска из “сухпая”.

— Разрешите представиться, — Карасик встал.

— Древний командир взвода, прошедший путь со дна реки до небес и спустившийся на землю, где предстоит перепахивать ее, родную. А если расшифровать, то был: командиром разведывательно-водолазного взвода, затем выплыл — стал командиром переправочно-десантного взвода, затем в небеса — командиром технической роты в ПВО и, наконец, — командир саперного взвода, так что сейчас на земле. Женат, двое пацанов; в Афган рапорта не писал, а так — вызвали, сказали: проходи медицинскую комиссию и готовься.

Карасик сел. “Деревянко Петр Васильевич — старшина роты”, — приподнялся старший прапорщик с проседью в голове, в выглаженной, выцветшей форме, которая сидела на нем элегантно. Представились остальные...

Лежа потом в кровати, Карасик долго не мог уснуть. Вспоминал, как прощался на перроне с женой и старшим сыном. Когда поезд тронулся, последние слова с надрывом сквозь рыдания жены долго звучали в голове: “Возвращайся живым! Живой, слышишь, вернись живой!..”

“Вот и адрес известен, теперь недели через две, возможно, получу от родных первое письмо, — думал Карасик под тихий храп ротного. — Это будет самый дорогой подарок к моему дню рождения...”

Жарким, знойным утром августа 1986 года началась служба Карасика на новом месте. Едва он вернулся к палатке из штаба, где доложил командиру полка о своем прибытии, как его позвал техник роты Сарычев:

— Пойдем посмотрим технику взвода!

— Да подожди ты! — послышался голос ротного из палатки, — дай человеку переодеться!

В “эксперименталке” было гораздо удобнее, чем в союзной форме. Никакой тяжелой фуражки, на голове легкая кепка, к куртке пристегнул звездочки, подшил подворотник — и готово. Правда, ботинки были тяжелые, но офицеры ходили в туфлях, простых ботинках, а это уже лучше.

— Ну вот и прибарахлился, — Карасик рассматривал себя в зеркало. — Как будто раньше нельзя было перейти на эту форму!

— Какой там “раньше”! — хмыкнул ротный. — Солдат не могут до сих пор обеспечить... Ну хорошо, иди в парк, а то Сарычеву не терпится технику показать.

В парке боевых машин длинный ряд техники смотрелся внушительно.

— Ого! — воскликнул Карасик. — Сколько техники! А где моя?

— Вот, — указал техник, — три БТРа, три “Урала”, а на инженерном складе три прицепных заградителя, которые неизвестно зачем притащили из Союза, ведь танков у “духов” нет. А также ГАЗ-66 с будкой и электростанцией. Содержимое покажет Мутелюк.

Возле одного БТРа копался солдат, услышав голоса, с интересом посмотрел на Карасика.

— Рядовой Крипас, — назвался он.

— Что у тебя с машиной?

— Да вот левая коробка хандрит, разобрал, надо менять шестерню первой передачи.

— Это надо менять коробку, — сказал техник, — не знаю, есть они на складе или нет.

— А как узнать? — Карасик вопросительно посмотрел на Сарычева.

— Начальник бронетанковой службы сейчас находится на контрольно-техническом пункте, можно узнать через него.

Карасик направился на КТП. Начальник пункта долго и детально расспрашивал о состоянии коробки. Вошел знакомый начальника автомобильной службы майор Даткаев, прислушался к разговору, внимательно осмотрел Карасика.

— Дай ты ему коробку, — приказал он капитану. Он исполнял обязанности заместителя командира полка по вооружению, пока тот был в отпуске.

— А ты, оказывается, молодец, — похвалил он Карасика. — С ходу берешь быка за рога, мне инициативные офицеры нужны.

Карасику понравился высокий, светлоголовый литовец Крипас, который не спеша устанавливал коробку передач на БТРе. В разговоре с ним Карасик чувствовал, что это серьезный парень, обладающий чувством собственного достоинства. Отвечая на вопросы взводного, не употреблял мата, как это водилось у многих. Карасик сам не любил материться, постоянно одергивал подчиненных и указывал на это даже начальству.

Кричать матом на солдат, разговаривать на высоких тонах, не стесняясь в выражениях, считалось в порядке вещей. Поэтому, как правило, солдаты и сержанты медленно привыкали к спокой-

ному, равномерному стилю работы своего нового командира, а, привыкнув, чутко реагировали на рассерженный или недовольный голос Карасика. Через полгода—год его подразделение успешно сдавало проверки, три года подряд взвод был отличным, обещали постоянно повышение, но... очередной конфликт с начальством — и все оставалось на старом месте.

— Это будет моя командирская машина, — сказал Карасик. — Ну, а как дела в Прибалтике? Знаешь, я ни разу не был там. Весь Союз объездил, а до Прибалтики так и не добрался.

Крипас с удовольствием рассказывал о своей деревне, семье, знакомых, когда подошел старший лейтенант Мутелюк с командиром взвода полевого водоснабжения прапорщиком Радченей. “Водяной” — так окрестили здесь его должность. Карасик даже его имя не запомнил, “водяной” — и все понятно.

— Жду замены! — похвастался “водяной” по дороге к складу. — Чемодан упакован, магнитофон купил, тряпок в дуكانе набрал.

Александр Мутелюк открыл дверь будки, и они полезли внутрь. Внутри, кроме положенного инструмента, все было заставлено ящиками, коробками, шлангами, шлемофонами...

— А это что? — Карасик указал на два бидона.

— А это то, что ты вчера пробовал. Давай еще по стаканчику?

— Можно и по два.

“Водяной” с готовностью разлил брагу в кружки.

Но было жарко, и пить теплую, мутную жидкость Карасику не захотелось.

— Ничего, привыкнешь! — “водяной” поглядел на него повеселевшими глазами. Затем, сославшись на дела, исчез.

— Вечером, в подвале буду самогонку гнать, а завтра отъезд. — Мутелюк, усевшись на ящики, закурил сигарету и вопросительно посмотрел на Карасика.

— По приему претензии есть ко мне? — серьезно спросил он.

Претензии, конечно, были, но, глядя на обожженное лицо бывшего командира саперного взвода, кавалера ордена Красной Звезды старшего лейтенанта Мутелюка, Карасик раздумал выкладывать подробности, только заметил, что на втором БТРе почти нет давления масла у двигателя.

— Ерунда! — Мутелюк махнул рукой. — Исправим. Хоть весь склад облажу, лишь бы быстрее уехать!.. А завтра утром я тебя проведу по маршруту, который в дальнейшем будешь проверять самостоятельно. А после обеда убываю в Шинданд. На самолет — и в Союз. Заедем по пути в дуكان (так называют частные магазины), посмотришь, что в них продают.

Утром, облачившись в бронежилет, надев каску, проверив патроны в магазине, Карасик ждал Мутелюка. Он удивился, когда его коллега вышел из палатки совсем налегке, уверенно запрыгнув в БТР, повернулся к саперам: “Ты присматривай за правой обочиной, а ты — за левой. Поехали”. Затем повернулся к Карасику: “Сними бронежилет и каску — жарко, а автомат повесь на люк, чтобы всегда был под рукой”.

— А им не жарко? — Карасик кивнул на солдат, которые сидели, свесив ноги в задний люк БТРа и

невнимательно, как отметил про себя Карасик, поглядывали по сторонам.

— Им не положено. Не разрешай никогда солдатам ходить без бронежилета и каски. Случится что — начальство сразу: а как был одет? Если по форме, то обойдется, а если, не дай бог, без бронежилета — тебя съедят с потрохами...

Перед Гератом БТР свернул с бетонки и, поднимая облако пыли, покачиваясь на полевой дороге, помчался навстречу дувалам и минарстам, которые красиво смотрелись на фоне гор.

— В этом месте... — Мутелюк повернулся к нему, стараясь перекричать шум двигателя, — ... колонны обходят бетонку — она разбита!..

На гератском мосту их остановили, заинтересовались, почему один БТР.

— Разведка дороги.

На другой стороне моста застава была более внушительной. На вышке из бетонных блоков стоял крупнокалиберный пулемет, от дороги вдоль реки шла траншея к минометной позиции. Карасик с удивлением рассматривал реку Герируд, которую можно перейти, закатав штаны, а ведь на карте она по размерам чуть ли не с Днепр.

— Обмелела, — сказал начальник заставы, выходя из комнаты, которая находилась в башне.

— Андрей, — протянул он руку Карасику. — Завтракать будем?

— На обратном пути, — ответил Мутелюк. — Будь здоров!

БТР не спеша двигался по улице Герата. Мимо проходили старики, мальчишки, погоня ослов, нагруженных травой так, что видны были только голова и ноги ишака. Навстречу пробегали повозки с маленькими лошадьми, а вдоль забора робко двигались женщины, как в кокон, завернутые с ног до головы, и только по походке можно было догадаться о возрасте, да приглядевшись, увидеть блеснувшие глаза.

Многие мужчины, и не только военные, были с оружием. А вот, не доезжая до полицейского на перекрестке, и дуканы.

БТР остановился, и сразу же налетела ватага чумазых мальчишек с горящими глазами.

— Командор, что хочешь? Что есть? Дай бакшиш!

— Бакшиш — это подарок, — пояснил Мутелюк, вдруг сорвавшись с места и догнав мальчугана, который уже успел стащить лопату с БТРа и убежал с ней.

Приказав солдатам получше смотреть за сохранностью габаритов и фар, офицеры вошли в дукан. Навстречу, дружелюбно улыбаясь, устремился владелец лавки: “Что хочешь?”

Карасик остолбенел. Ни один магазин в Союзе не мог бы сравниться с этим неказистым магазинчиком, построенным из глины. Часы самых различных марок со всех стран мира, музыкальные сервизы, украшения, дублински, варенки...

“Привести сюда женщину из Союза — она же с ума сойдет!” — подумал он.

А Мутелюк, поторговавшись с хозяином, уже тащил ошалевшего Карасика в другой дукан...

— Чертовщина какая-то! — недоумевал Карасик, когда они возвращались в городок. — Страна воюет, вон сколько брошенных кишлаков, — и такое изобилие товаров. Бери, что хочешь, командор!..

— Сегодня ничего хорошего, — хмыкнул Мутелюк. — Вот поедешь на кандагарский рынок, там,

точно, все можно купить. Как в песне “Каскада” — “Панасоник”, мумие, кольчугу и шлем, ятаган, мотор от вертолета...

— Завтра политзанятия, — сообщил замполит роты Александр Зубанов, или Сан Саныч, как называли его офицеры. — Вот “Коммунист Вооруженных Сил”, там тема расписана, законспектируй — и мне на утверждение.

Однообразные, из года в год повторяющиеся темы осточертели Карасику. Да еще приходилось диктовать: не дай бог, солдаты мало законспектируют — значит, плохо проводил занятия.

— Слушай, Сан Саныч, давай я лучше просто поговорю с людьми, познакомлюсь со взводом...

— Хорошо. Но когда появится проверяющий — переходи на конспекты. А то намылят нам холку.

Солдаты с любопытством рассматривали своего нового командира взвода. Лишь несколько человек не проявляли особого интереса, а потихоньку переговаривались. Дембеля. Их сверстники в Союзе еще весной демобилизовались, а они только ожидают, ведь до прибытия в Афган их три месяца “обкатывали” в горах Туркмении, а в счет службы это время не шло. Их медали, знаки “За разминирование” лежали в сейфе у ротного, а мысли были по пути домой.

— Я буду добиваться только одного, — начал Карасик. — Чтобы все вы вернулись домой живыми и здоровыми. А так как опыта “боевых” у меня нет, я прошу опытных ребят помочь мне в этом. Дисциплина, здоровье, жизнь — это три взаимосвязанные вещи. Надеюсь, мы пойдем друг друга. Я не хочу быть карающим мечом, но я не собираюсь прощать наглецов и хамов.

В палатку протиснулся парторг полка майор Куксин, и Карасик начал бодро диктовать о возрастной роли Коммунистической партии в современных условиях. Но конспектировали не все. У одних не было ручек, другие писали письма домой.

Выйдя из палатки, Карасик увидел знакомое лицо. Не может быть!..

— Валерка!

Тот обернулся. Да, перед ним, в союзной форме, стоял Валерий Зубарев, однополчанин. Они вместе уезжали с Дальнего Востока в Афганистан.

— Ты куда провалился? — Карасик обнял друга. — Где тебя черти носили?

— А я, — Валерий усмехнулся, — просто решил, что Афган от меня никуда не денется. Заехал на несколько дней к своим, в Одессу.

— Значит, снова служим вместе?

— Значит, вместе.

В палатке у Валерия проболтали часа два, вспоминая друзей, знакомых, Валеркины выступления в местном ансамбле...

— Ты где пропадал? — крикнул от командирской палатки Сан Саныч, когда Карасик вернулся в свой взвод. — На трубопроводе диверсия, пожар в районе девятой заставы. Ротный хотел взять тебя с собой... Беги, БТР возле насосной — возможно, еще не уехал.

Схватив автомат у дневального, Карасик бросился к насосной, но БТРа там не было.

В подавленном настроении он медленно побрел обратно. “Прошляпил! Первая серьезная работа — и надо же вот так... Что же теперь Мазову говорить, когда он вернется?..”

— Что ты переживаешь? — Сан Саныч воспринял случившееся спокойно. — Впереди — знаешь, сколько будет внезапных выездов?.. Пойдем-ка лучше, я тебе альбом покажу, подскажешь, как его дальше оформить.

У Карасика товарищеские отношения с замполитом роты постепенно перерастали в дружбу. Свою кровать Сан Саныч поставил в палатке рядом с кроватью Карасика.

“Наша родная боевая армия” — прочитал Шурка, открыв альбом. На второй странице было краткое описание истории Краснознаменного Туркестанского военного округа.

А вот и описание провинции Герат: “Военно-политическая обстановка в провинции Герат продолжает оставаться сложной и напряженной... Тактика действий мятежников не позволяет нанести им решительное и окончательное поражение в военном плане. Они разбиваются на мелкие группы, часто меняют места дислокации. Во избежании больших потерь от артиллерийских и авиационных ударов мятежники широко практикуют засадные действия.

В целях вызвать недовольство государственной властью, мятежники всеми средствами пытаются сорвать снабжение города Герат продовольствием, топливом. По-прежнему большая часть территории провинции и города контролируется мятежниками... Многие рядовые члены банд склонны сложить оружие, но террор со стороны главарей является для них непреодолимым препятствием.

Основные бандоформирования провинции Герат: 1. Туран Исмаил — 32 отряда до 900 человек...”

— Сан-Саныч, — Карасик оторвался от альбома, — а правда, что Туран Исмаил закончил нашу академию?

— Да, но что самое интересное, он в Москве учился вместе с командиром соседнего полка. Туран — в переводе капитан. Он был командиром батальона в армии ДРА, но по непонятным мотивам ушел в банду. Сейчас он в провинции — главный из главарей. А вот в “нашей”, восточной части Герата имеет вес главарь банды Асиф. Но он с нами на нейтралитете, поэтому считается “дружественным главарем”. Ты, может, даже увидишь его: он иногда заезжает к командиру полка. В общем, я сам толком не могу разобраться... То подразделения республиканских войск уходят в банду, то банды выступают в поддержку правительства...

— А какие еще бандоформирования?

— Читай дальше.

“Кари Агдасат — 14 отрядов до 350 человек. Омир Саид Ахмад — 10 отрядов до 250 человек. Сафиулла — до 220 человек...”

В провинции 280 мечетей и более 2 тысяч мулл. Основную массу населения составляют таджики, пуштуны, хазарейцы, туркмены, узбеки. В провинции имеется 10 промышленных предприятий, в том числе: угольная шахта, текстильная фабрика, маслозавод, цементный завод, мясокомбинат. Из 65 зарегистрированных сельскохозяйственных кооперативов в настоящее время функционируют 19. Из 230 школ работает 65, в которых обучается около 16 тысяч учащихся”.

Карасик прочитал описание провинции, где ему придется служить, и задумался.

Было жарко, стол в канцелярии незаметно покрывался мельчайшей пылью, которая обладала способностью проникать даже в крохотные щели.

На телеграфном шнуре, протянутом через палатку, болтались вот уже несколько дней чьи-то носки, тоже покрытые тонким слоем пыли. Цементный пол излучал тепло, через перегородку в палатке слышно было, как старшина перекладывал вещи. Сан Саныч заполнял партийную документацию.

Послушался шум подъехавшего БТРа. В палатку ввалился ротный Мазов. Встретившись с винюватым взглядом Карасика, махнул рукой:

— Ничего интересного. Взорвали трубопровод, но мин рядом не было.

Карасик удивился, что Мазов не сделал ему разноса, не спрашивал, где он пропал. Сказал только:

— Когда будешь выезжать на диверсию, то проводи разведку на наличие мин только в светлое время, не поддавайся на уговоры трубопроводчиков. У них задача — дать топливо на Шиндандский аэродром. Наша задача — сохранить людей.

— А я слышал, — возразил Карасик, — что вы, бывало, и ночью работали.

Ротный крикнул.

— Мало ли что. Ты так не делай. Ясно?.. Старшина! — крикнул он в перегородку.

— Ну? — послышалось оттуда.

— Принеси что-нибудь из пайка — жрать охота, сил нет, мы с обедом пролетели!

— Дак скоро ужин! — ответил голос из-за перегородки.

— Сам давись этой шрапнелью! Тащи лучше паштет, а я к чаю приготовлю оладьи...

— Неси еще сгущенку! — скомандовал Карасик за перегородку.

Вечером собрался весь командный состав роты на импровизированный ужин. Ротный испек оладьи, Карасик сварил “суп-шурпу”, Сан Саныч вытащил банки с компотом. Жаль, что спиртного не было. Но, тем не менее, было весело.

Командир технического взвода Куликов вышел на вечернюю поверку: сделать объявления личному составу, проверить наличие пластин в бронежилетах у дневальных. Днем, в жару, стоять дневальному в каске, бронежилете, с автоматом тяжело, вот и вытаскивают пластины и прячут в песок, а сами стоят вроде по форме, но налегке.

Потом ротный взял гитару...

Песню прервали тяжелые взрывы наших орудий, обстреливающих соседние горы, да отрывисто залаяли крупнокалиберные пулеметы застав прикрытия полка. Так каждый вечер шло пожелание “духам” спокойной ночи.

ЛИКВИДАЦИЯ БАЗЫ МЯТЕЖНИКОВ

Мощный голос начальника инженерной службы майора Пономаренко разбудил Карасика: “Строиться, рота!”

Дневальный продублировал команду, палатка зашевелилась, сонные солдаты и сержанты потянулись на выход. “Быстрее, быстрее, — поторапливал их Карасик. — Строиться, взвод!”

Рота размещалась в трех больших палатках, в которых стояли в два яруса кровати. В палатке, кроме саперного взвода, размещалось автомобильное отделение.

Поправляя форму, из палатки вышел ротный Мазов, доложил начальнику, офицеры заняли свои места в строю. Тяжелым насупленным взглядом шеф оглядел строй.

— Я попрошу командиров проверить заправку, документы, нижнее белье, ботинки, Карасик! Обратите внимание на рядового Козлова.

На левом фланге переминался в тапочках на босу ногу, без ремня, щупленький солдатик.

— Бакиев! — позвал Карасик своего заместителя.

Крепкий, уверенный в себе туркмен подошел поближе.

— Когда Козлов будет похож на солдата?

— Сегодня, товарищ старший лейтенант, на насосной всем взводом отмоет. Вчера был в наряде по столовой, не заметил, — сержант недовольно передернул плечами и зыркнул в сторону Козлова. Тот испуганно опустил глаза.

— Смотри, Бакиев, чтобы никаких неуставных взаимоотношений. Короче, не вздумай воспитывать кулаками.

— А если это что по-хорошему не понимает? — влез в разговор командир отделения рядовой Штейнбергс, которого недавно поставили на эту должность, а на звание пока не представили.

— А я хочу, чтобы ты понял по-хорошему, — Карасик сделал ударение на этом слове, — иначе приму самые решительные меры, вплоть до выговора с занесением в грудную клетку.

Солдаты прыснули. Ротный укоризненно посмотрел на Карасика.

— Закончить осмотр! — прогремел голос майора Пономаренко. — Становись!

Рота зашевелилась и замерла. Восемьдесят пар глаз внимательно смотрели на начальника инженерной службы.

— Через три дня выходим в рейд!

По строю прошел гул, все зашевелились.

— Отставить разговоры! Пойдут не все. Боевой численный состав командир роты доведет позднее, а пока готовиться всем. Старшина! Выдать замкомвзводам вещевые мешки, а сейчас отвести роту на завтрак, да не забудь проверить котелки, опять не все носят, а пользуются одним на двоих, да хлорной водой не заливают! Офицеры, прапорщики, прошу в палатку после приема пищи.

Офицеры и прапорщики инженерно-саперной роты питались в палатке с командирами роты материального обеспечения, связистами и танкистами. Обслуживала высокая, светловолосая женщина, судя по небольшому акценту, из Прибалтики. Отмахиваясь от комплиментов, она споро разносила посуду. Слышались шутки.

Позавтракав, офицеры и прапорщики собрались в палатке ротного.

— Сколько БТРов берем? — начальник обратился к ротному.

— Два.

— Готовьте еще обязательно кран для навешивания минных тралов, два автомобиля для перевозки их, автофилтровальную станцию МАФС-3. Саперы должны быть с миноискателями, и щуп должен быть у каждого. Пойдете вы, командир взвода полевого водоснабжения. А с саперами, думаю, отправим Куликова.

— Почему? — Карасик резко встал, стало жарко от обиды. — Почему с моим взводом должен идти другой командир?! Как я дальше могу командовать людьми, если они уходят на боевые, а я остаюсь?

— Не горячись! — начальник внимательно посмотрел на командира взвода. — Ты ведь знаешь, что на первые операции новичков не берем, так же как и не берем “заменщиков”. К тому же Куликову надо после рейда второй раз отправить представление на орден. Первое представление после его ранения почему-то не прошло.

— Но послушайте! — перебил его Карасик. — Со своим взводом должен идти я, поймите, это для меня будет унижение, если останусь. Я обеими руками за представление командира технического взвода к ордену, но в данной ситуации я не могу уступить, не имею просто морального права, к тому же у меня опытные командиры.

— Хорошо, — майор Пономаренко повернулся к ротному, — ты не против?

Ротный утвердительно кивнул. Куликов пытался что-то доказать Карасику, но тот упорно стоял на своем.

— Прекращаем митинг! — майор ударил ладонью по столу. — Карасик, получай в “секретке” карту, я уговорю командира полка взять тебя в рейд.

— Спасибо!

Карасик с ликующим настроением летел к штабу: ВЗЯЛИ!

Возле палаток и в штабе царило оживление. Полк готовился к выступлению. Техника в боевом порядке стояла возле парка.

— Корона-477, я Корона-475, как слышишь меня, прием, — прозвучало в наушниках.

— Слышу вас хорошо, — Карасик проверил связь с ротным.

Позади остались три дня напряженной работы по подготовке людей и техники.

Инженерно-саперный взвод входил в отряд обеспечения движения, поэтому БТР Карасика шел впереди, вместе с разведчиками. Когда выехали на бетонку, командир взвода обернулся. Позади растянулась огромная колонна машин с зажженными фарами, будто огромная светящаяся змея зашевелилась и поползла. Притихший ночной Герат прошли под утро, оставив позади минареты, крепость, закрытые дуканы. Эфир же был наполнен командами, запросами, переговорами командиров всех степеней, поэтому Карасик был в курсе всех событий: кто отстал, у кого грелся двигатель, где находится техническое замыкание.

Неожиданно БТР принял вправо и остановился. “Горим!” — крикнул Крипас и выскочил из люка. Карасик обернулся. Левое колесо БТРа было охвачено пламенем. Пришлось использовать питьевую воду, чтобы погасить огонь.

Подъехал ротный, махнул рукой, чтобы следовавшие за ним машины не останавливались, и подошел к БТРу.

— Запасное колесо есть?

Карасик утвердительно кивнул головой.

— Тогда я поехал. Быть постоянно на связи!

Мимо, лязгая гусеницами, проносились самоходки, танки, шелестели скатами машины. Хотя они и мешали менять колесо, но было спокойно на душе. А как только наступала тишина, Карасик со страхом поглядывал на горы, вплотную подходившие к дороге, и сжимал автомат. “Подобраться вплотную к БТРу ничего не стоит, — мелькало в

голове. — И что бы нам не сломаться чуть раньше, возле заставы!”

Когда крикнули, что можно ехать, Карасик вздохнул облегченно, вышел на связь; и БТР, обгоняя боевые машины, полетел по бетонке.

Колонна двигалась в сторону государственной границы СССР. По радиостанции периодически запрашивал ротный. “Нахожусь в движении!” — бодро отвечал Карасик, рассматривая пустынные горы по сторонам, приветствуя заставы, дублируя команды по радиостанции. После перевала Рабати-Мирза дорога пошла ровнее, на бетонке было мало выбоин, и Карасик, свесив ноги в люк, задремал. Рядовой Штейнбергс тронул командира за плечо: граница... На выжженных солищем сопках виднелся ряд колючей проволоки, вдали маячила пограничная вышка. Колонна проходила кишлак. Седобородые старцы сидели возле дуканов и рассматривали проходящую технику. А босоногие мальчишки бежали, размахивая руками, рядом. С машины летели конфеты, сгущенка, консервы, галеты. Карасик нырнул в люк, вытащил из сухого пайка банку и тоже бросил мальчишкам.

Не доезжая километра три до границы, свернули с дороги.

— Комфорт закончился! — крикнул заместитель командира взвода.

...Первая ночь в БТРе. Через открытый люк Карасик рассматривал огромные, яркие звезды. Изредка раздавались очереди из пулеметов, пучок трассирующих пуль красиво сверкал на ночном небосклоне. В нагретом за день БТРе было душно. Карасик поднялся наружу и улегся, подстелив матрац на нос боевой машины, как подсказал ему механик-водитель. Не спалось. Близость границы волновала, мысли были далеко отсюда, взгрустнулось. Из дома еще не было ни одного письма... Скоро старший сын Дима пойдет во второй класс, а младший, которому шел только второй год, вспоминался стоящим в кровати, держась маленькими ручонками за деревянную перегородку. “Пока отпуска дождешься — забудет, наверное...”

С рассветом все зашевелилось. Танки, которые уходили на прикрытие, возвращались в походный строй. Карасик развернул карту и удивленно рассматривал предстоящий маршрут: никаких ориентиров — сплошной коричневый цвет! Впереди — пустыня и горы на иранской границе. Где-то в этих горах находится база душманов, которую предстоит штурмовать...

Впереди колонны все выше и выше поднималось облако пыли. Карасик надел шлемофон, уселся на подушку, чтобы жестко не было, проверил связь с начальником. Поморщившись от пыли, скомандовал: “Вперед!”

Вот уже несколько часов пейзаж не менялся, все покрылись слоем мелкой пыли, где-то позади остался БТР ротного: что-то у него сломалось в машине. Мин не попадалось, никаких обстрелов, как ожидал Карасик, не было. Зато хватало работы у технического замыкания: одна за другой выходили из строя машины, ремонтники цепляли их за тягачи, тащили за собой, чтобы ночью, по мере возможности, восстанавливать.

“И почему это, — размышлял Карасик, слушая, как постоянно по радиостанции запрашивал командир полка техническое замыкание, — так мало го-

ворят хорошего о ремонтниках? Только ругают технарей часто”.

Может быть от того, что он сам был когда-то заместителем командира роты по технической части, Карасик с уважением относился к этой категории людей. “Я — Корона”, — слышался в эфире позывной начальника инженерной службы майора Пономаренко. “Сейчас будет тебе накачка!” — почувствовал мысленно майору Карасик. Во время “боевых”, при передвижении полка, начинж возглавлял отряд обеспечения движения. Каждая обнаруженная мина — плюс начальнику отряда обеспечения, любой подрыв — нарекания в его же адрес. Чаще случалось второе, а значит, во время рейда в адрес начинжа сыпалось столько ругани и обвинений, чаще необоснованных, что в мирное время этого никто бы не перенес.

Но что поделаешь, надо же командиру полка на ком-то разряжаться, а “стрелочник” вот он — под боком.

Колонна остановилась на заставе, которая возвышалась над пустыней. “Интересно, даже здесь находятся наши, а ведь вокруг на десятки километров — пустыня”. Карасик снял запыленный, ставший из черного серым шлемофон и, утопая в мельчайшей пыли, поплелся навстречу начальнику и “водяному”, которые стали ему как-то ближе за сутки рейда.

— Умывайся, корми людей, — сказал начинж, пожимая ему руку. — Впереди бросок через перевал, самый сложный участок. А там можно будет и передохнуть.

“Водяной” полуобнял Карасика и повел к своей фильтровальной станции — умываться.

...Надрывно гудя двигателями, БТР медленно полз на гребень перевала к облакам. Создавалось впечатление, что за гребнем дорога обрублена, к тому же БТР Карасика шел первым. Позади, на всякий случай отстав метров на сто, осторожно полз танк. Остальные машины, скрытые облаком пыли, были далеко внизу. В эфир врывался спокойный голос Пономаренко: “Корона-475, на гребне не задерживаешься, вперед”.

— Вас понял! — ответил Карасик, а про себя подумал: “Вползти еще надо на эту высоту, а куда вперед — разберемся на месте”.

Щелчок полоснул по нервам, двигатели взревели — выбита передача! БТР, набирая скорость, полетел назад, на следовавший за ним танк. “Стой!” — закричал Карасик, но переключиться на внутреннюю связь забыл.

БТР резко повернул вправо, пропустил танк, остановился. Командир включил внутреннюю связь и услышал спокойный голос механика-водителя: “Будем подниматься на задней передаче, первая вылетает”. БТР выполз кормой на гребень, качнулся на самой вершине — и медленно стал сползать вниз. И только тогда Карасик увидел колею, которая, выгибаясь дугой, вливалась в сухое русло. Русло было ровным, БТР без труда догнал танк, командир-танкист повернулся и с улыбкой поднял руку с повернутым вверх большим пальцем. Порядок. Остальные машины преодолевали перевал, а танк с БТРом Карасика летели по ровному руслу, к которому подступали причудливые скалы.

“Можно снимать фантастические фильмы”, — подумал Карасик, рассматривая своеобразные, похожие на гигантские фигуры из камня, нагромождения. Неожиданно за поворотом показалось

селение, но увидев антенны, а затем орудия, он понял, что это застава. Карасик притормозил, ожидая остальные машины, а танк попер дальше, и оттуда вскоре послышались приглушенные взрывы, похожие больше на хлопки.

Подошел майор, ругая в хвост и гриву танк, который, оказывается, влетел на противопехотное минное поле, а теперь выползал задним ходом.

— Какой полк? — крикнул майор Карасику. Услышав ответ, спросил, где остальные.

— На подходе! А далеко еще катить?

— Приехали уже, — майор ушел.

Карасик, дождавшись колонны, уточнил место стоянки, разделся, умылся и, не дожидаясь полевой кухни, открыл банку консервов.

— Товарищ старший лейтенант! — по броне постучал автоматом связной: — К командиру полка!

— Товарищ Карасик, вы теперь старший в инженерной службе, — командир оторвался от карты. — Сегодня в ночь три группы уходят в горы, будем обеспечивать высадку десанта. Поэтому подготовь по два сапера в каждую группу, готовность в 21.00. Вы можете сейчас назвать саперов в группы?

— Так точно! В первую группу пойдут я и рядовой Штейнбергс.

— Ну нет, — командир полка резко встал, раздраженно прошелся по комнате. — Ты пойми, я и так уже на первом месяце беру тебя в рейд. А сейчас предстоит идти в горы — ты понимаешь, что это такое? Я лично иду с первой группой, а у тебя опыта нет.

— Да, — ответил Карасик, — опыта у меня нет, но у меня есть знания, интуиция в конце-концов, да и солдат со мной опытный... И вообще — что я, ребенок, что ли? Туда нельзя, сюда нельзя...

— Что за шум? — в палатку вошел заместитель командира полка подполковник Авдюшев.

— Да вот, — командир кивнул в сторону Карасика, — в горы собирается.

— Да? А я думал сделать из тебя коменданта. Надо обратить внимание на маскировку, так, товарищ старший лейтенант?

— Нет, — Карасик отрицательно качнул головой. — То есть — “Да”, но я должен идти в горы.

— Вот упрямец, твою маковку! — командир полка выругался, но как-то без злобы. — Собирайся, только сапера опытного возьми с собой.

Распределив саперов, Карасик взялся за свой вещевой мешок, но поднять его одной рукой не мог.

— Это что еще за фокус?

— Так вы, товарищ лейтенант, приказали укомплектовать согласно списка, — Штейнбергс удивленно посмотрел на своего командира.

— Нагрузить бы “это” на того, кто составлял эти списки, — проворчал взводный. — Давай будем думать, что можно выкинуть.

Но единственное, что удалось выбросить из вещевого мешка, это два сухих пайка, оставив один на трое суток. Вес уменьшился, но ненамного. С помощью солдата Карасик взвалил на себя вещмешок, присев под тяжестью, взял автомат и махнул Штейнбергсу: “Пошли!”

В группе командира полка, с которой предстояло идти, слышался смех. Балагурил старшина разведывательной роты старший прапорщик Лось. Карасик подошел и улегся рядом, ожидая команды. Прислушиваясь к разговору начальника разведки с начальником связи, понял, что идти недалеко — пять

километров. Но это — по прямой, судя по карте, а в действительности — дай бог успеть за ночь. А успеть надо: утром штурм.

Последовала команда, и колонна не спеша двинулась в сторону гор. Луна еще не показывалась, было темно. От тяжести вещмешка подгибались ноги, поэтому Карасик шел переваливаясь и опираясь на шуп. Рядом двигался начальник разведки, который подсказывал саперам путь. Саперы шли впереди. “И что можно увидеть в этой темноте? — размышлял взводный. — Что я, филин, что ли? Скорее, живой миноискатель”.

Подошли к скале, разведчик махнул рукой — прямо!

Карасик удивленно посмотрел на начальника разведки: как можно лезть в гору с таким грузом? Но, тем не менее, полез по камням. Полез! Это было удивительно, но факт: стиснув зубы, обливаясь потом, не обращая внимание на то, что из-под ботинок обрываются камни на головы карабкающихся, Карасик с напарником упорно ползли вверх. На высоте он упал, ожидая остальных, выполз из-под рюкзака, потянулся к фляжке и почувствовал руку Штейнбергса.

— Много не пейте, только сполосните рот, ведь это только начало, надо экономить воду.

Дальше шли по нагорью. Неожиданно послышался сзади окрик командира полка: “Сапер! Ты куда смотришь?” Карасик глянул и похолодел — от колышка в темноту шла проволочная растяжка.

— Это я споткнулся, — объяснил старшина разведроты. — Пригляделся — проволока, подергал — не вытаскивается.

— С ума сошел? — набросился Карасик на старшину. — Это же мина!.. Всем отойти и лечь! — и он, осторожно касаясь проволоки, пошел в сторону от колышка.

“Не сработало, но почему?”

...Ага, вот и разгадка, чека была вставлена во взрыватель, но с другой стороны. Ну и шляпа тот, кто ее установил. Похожа на нашу, осколочную, выпрыгивающую, только форма немного другая. Ба: это же чешская!..

Уложив сверху заряд, Карасик приглушенно крикнул: “Ложись!” и, пробежав, упал за бугор. Раздался взрыв. “Обнаружена и уничтожена противопехотная мина”, — доложил по радиостанции командир полка, и группа тронулась в путь. Карасик, кляня себя за пропущенную мину, внимательно всматривался в темноту, но мин больше не попадалось. Это глупо, но ему хотелось находить и уничтожать эти сюрпризы, несущие смерть.

Когда разрешили идти в рейд, Карасик мечтал о каком-нибудь подвиге, мечтал совершить что-нибудь необычное, а все складывалось не так, как хотелось бы. Вначале отстал от ведущих, теперь пропустил мину.

Каждый подъем давался с огромным трудом, — казалось, что конца не будет этим бесконечным подъемам и сползаниям вниз. “Все! — Карасик протер глаза, которые едко щипало от пота. — Если вон та вершина не будет финишем, на следующую гору уже не хватит сил”. Но ни та, ни следующая не были конечными. Новые подъемы и новые спуски...

Но вот, наконец, командир полка рухнул на землю, прохрипев: “Привал!” Карасик мешком, как-то боком, опираясь на автомат, свалился рядом.

— Н-да! — командир достал банку “Си-си”, — в моем возрасте с таким грузом бегать по горам не очень приятно.

— В моем тоже, — взводный потянулся к фляжке, но командир протянул ему банку. Карасик знал, что продукты и воду в горы каждый несет сам, независимо от званий, должностей и рангов, поэтому отрицательно мотнул головой, но майор Лапшин силой сунул банку с холодной, очень вкусной, тонизирующей, отдающей лимоном, водой.

Майор был удивлен, что они ровесники, но расспрашивать о службе у Карасика не стал. Это, в свою очередь, удивило взводного, и он проникся симпатией к командиру.

... Последний бросок вверх. Быстрее, быстрее! Небо на востоке стало сереть, скоро начнется артподготовка, и надо успеть до ее начала.

Поднявшись на гребень, Карасик упал. Страшно хотелось почему-то сладкого, хотя пристрастия к сгущенке не имел. Тут же, пробив штык-ножом отверстие в банке, жадно высосал содержимое — и через минуту почувствовал, что куда-то проваливается...

Проснулся он оттого, что солнце ослепительно светило в глаза. Карасик потянулся, но выпрямиться полностью не смог: оказывается, он лежал в свежотрытом окопчике.

— Штейнбергс! — крикнул он.

В двух метрах от него, из такого же окопчика, появилось заспанное лицо напарника.

— Мы чуть-чуть не дошли, — сказал Штейнбергс. — Осталось пройти немного по гребню... Ох, и артподготовка была! Жуть! Эрсы так близко пролетали, что аж порох с неба сыпался. Вой, грохот... Неужели вы не слышали?

Карасик отрицательно покачал головой:

— Вот это я вздремнул!.. А у тебя, смотрю, хватило сил отрыть даже два окопа... Кстати, как тебя зовут? А то я все по фамилии да по званию.

— Сергей.

— А меня Александр Николаевич, я дальневосточник. Ну что, Сергей, двигаемся к остальным?

— Двигаемся.

По гребню подошли к двуглавой горе. На ближайшей вершине разместился начальник медицинского пункта капитан Рылько.

— Загораем, — он улыбнулся, пожал руку взводному, кивнул солдату. — Сегодня штурма не будет, выбирай место, размещайся. Дошли нормально. В этом и твоя, как сапера, заслуга.

— Да? — удивился Карасик. — А пропущенная мина?

— Но ты ведь ее обезвредил, так что все о'кей.

Выбрали место на склоне, между медицинским и командным пунктами, натянули плащ-палатку для защиты от солнца, легли, подстелив под себя бронежилеты, чтобы камни не вгрызались в тело. Хотелось пить, но воды осталось только две литровые фляжки, третью Карасик выпил в пути. Пройдя по гребню к вершине, где размещался командный пункт, взводный увидел, как вдалеке поднималось огромное дымное облако — результат работы нашей артиллерии.

Только на вторые сутки десантно-штурмовая бригада высадилась на вертолетах, но, встретив огонь мятежников, залегла. Блестя на солнце крыльями, бомбардировщики восьмерками заходили, сбрасывая многокилограммовые бомбы на

головы душманов. Уходила одна группа самолетов — появлялась следующая. В перерыве летели артиллерийские снаряды. Днем самолеты, ночью — артиллерия. Этот кошмар для душманов продолжался двое суток.

Наблюдая панораму огня и дыма, Карасик подумал о тех, кто находился там, в этом аду, и пожегился. Там находились враги, но почему-то, кроме чувства жалости к ним, взводный ничего больше не испытывал.

— У нас потери есть? — спросил он у связиста. Тот снял наушники:

— Два человека. Один артиллерист, вылетела гильза и разможила голову. Второй — десантник, из штурмовиков. Пошел оправиться и взлетел на mine. Ох, и матерился командующий в эфир, кричал, чтоб оправалялись прямо в окоп. А больше ничего интересного, — связист снова надел наушники.

...Кончилась вода! Если ночью было холодно и командир с напарником спали тесно прижавшись друг к другу, то днем солнце, как бы оправдываясь, жарило так, что к камням нельзя было прикоснуться руками. По примеру местных жителей, утоляли жажду крепким горячим чаем, а когда кончился сухой спирт, Карасик кипятил воду в консервной банке на тротиле. Взрывчатка горела превосходно: 1—2 минуты — и банка закипала, но полностью покрывалась толстым слоем сажи.

— А не взорвется? — доктор на всякий случай держался на расстоянии.

— Не, — мотнул головой Карасик, — тротил горит, а взрывается от капсуля-детонатора, так что возьми пару шашек и пользуйся. Разведчикам я уже дал — видишь, коптят за горой, обед готовят. Курить есть?

— Я не курю.

— А я не могу бросить.

— Ну вот и бросай, раз сигареты кончились.

— Э, нет! Когда сигарет нет, курить охота в сто раз больше.

Карасик потянулся к рюкзаку, достал фляжку — и ахнул. Во фляжке практически не было воды! Остальные давно были пусты.

— Штейнбергс! Сергей! У тебя много воды?

— Кончается, но могу поделиться.

— Кончается? — Карасик криво усмехнулся — и застонал. Из треснувшей губы сочилась кровь. — Мы завтра не возвращаемся, я только что уточнил это у командира. Нам еще здесь торчат двое—трое суток... Короче, пока не возьмем базу.

— Но, товарищ старший лейтенант, у нас еще три баночки супа и две баночки сока.

— Нет уж, суп без воды ешь сам, — зло проговорил Карасик, но, поймав недоуменный взгляд солдата, мягче добавил: — Извини, Сергей, но сок откроем только тогда, когда подышать от жажды будем, хорошо?

— Хорошо, Александр Николаевич.

Карасик удивленно посмотрел на своего напарника. Нечасто они называли офицеров по имени-отчеству, поэтому такое обращение было неожиданным. Сергей под пристальным взглядом Карасика смутился:

— Вы же сами просили называть себя так, товарищ старший лейтенант.

— Да все нормально, Сергей, все нормально, а это я просто так, задумался о том, где бы нам разжиться сигаретами.

Солнце поднималось все выше и выше, нагревая камни, и только в укрытии под большим камнем было прохладно. Сергей завалился под самодельный навес из плащ-палатки и посоветовал сделать то же самое своему командиру. — Лучше днем отоспаться, а ночью прохладно, можно и пободрствовать, да и пить не так ночью хочется.

Но Александру не спалось, да еще он побаивался, что в прохладу заползет какая-нибудь змея.

Карасик вышел на гребень хребта и окинул взглядом открывшуюся перед ним панораму. До самого горизонта тянулись горы без какой-либо растительности. Где-то там, куда уходили реактивные снаряды да периодически заходили на цель тяжелые бомбардировщики, находился базовый район душманов...

“Может, у старшины разведроты что найдется?” — и Карасик направился к разведчикам, понимая, что надежды мало: старшина еще вчера подобрал все чинарики вокруг, и они с Карасиком сделали смачную самокрутку.

Разведчики в небольшой пещерке обосновались с комфортом. Вход закрывала плащ-палатка, командир взвода возился с фотоаппаратом, начальник разведки полулежа что-то рассказывал, а старший прапорщик Лось, увидев Карасика, обрадованно выполз навстречу: “Курить есть?”

Услышав отрицательный ответ, посоветовал стрельнуть у командира полка.

— Не, — возразил Александр. — Я недавно стрелял у него, неудобно.

— Товарищ старший лейтенант! — связист свесился с камня. — К командиру! Хорошая весть! Ожидаем вертолеты с водой!

Карасик поправил автомат и поспешил на вершину, настроение поднялось.

— Будешь готовить площадку, — командир указал вниз на полянку. — Не дай бог, вертолет подорвется! Проползи на брюхе, обнюхай каждый кусок земли, понял?

— Так точно! Разрешите обратиться?

— Давай.

— Вы недавно дали сигарету, а старший прапорщик Лось подкараулил и отобрал. Курить хочется.

— Лось! — закричал командир. — Ко мне!

На запыхавшегося старшину посыпался поток брани, тот удивленно вытаращил глаза на командира, затем посмотрел на Карасика, который с невинным видом разглядывал горы, и все понял. Командир угостил их сигаретами. Карасик спустился и бросился наутек. Лось догнал его:

— Ты больше ничего не смог придумать?

— Зато разжились сигаретами, — парировал Шурка. — Извини, если обидел.

— Товарищ старший лейтенант! — встретил Сергей. — Значит, скоро будем с водой? Можно открыть банку с супом?

— Открывай.

Когда Штейнбергс открыл банку, у Карасика глаза полезли на лоб: суп был как водица, только на дне немного риса.

— Ничего не понимаю. Открывал борщ — там одна гуща, а это, что твой компот. Что ж ты сразу не сказал? А то мучались от жажды...

— А я предлагал, — Сергей улыбнулся, — вы отказались. Я думал, вы знаете.

Подошел капитан-связист и, с трудом шевеля распухшим от жажды языком, пожаловался, что у

доктора не оказалось никаких жидких лекарств, даже самых горьких.

— На, — Карасик протянул ему банку, капитан нерешительно взял, как-то виновато сделал два глотка и протянул обратно.

— Допивай, — Александр махнул рукой. — Сейчас иду разведывать площадку, будут вертолеты с водой и питанием.

Полдня ждали вертолеты, стало темнеть. Не пришли. В резерве оставались две маленькие баночки сока.

На следующий день вертолеты появились неожиданно, хотя их ждали с нетерпением.

— Быстрее, быстрее! — летчик выбрасывал коробки с сухим пайком и воду в резиновых чулках из защитного комплекта. Карасик, запрыгнув во вздрагивающий вертолет, помогал. Когда вертолеты ушли, он проводил их взглядом. Каким надо обладать мастерством, чтобы летать, чуть ли не носом вспахивая землю. Так безопаснее, меньше возможности быть подбитым. Вертолеты, а точнее — “вертушки”, как их называли в Афгане, пользовались большим уважением. Боевые вертолеты помогали пехоте, забрасывали десант в труднодоступные места, на “вертушках” вывозили раненых, они снабжали водой, продуктами, сигаретами, а главное — они привозили почту, которую ждали с нетерпением, и особенно письма от родных.

Снова началась артподготовка. Карасик поднялся к связистам и попросил послушать эфир. Связист пожаловался, что надо экономить аккумулятор, но все-таки протянул наушники. Эфир гудел. В период боя и авиация, и сухопутные войска настроены на одну волну. Какой-то артиллерист кричал, чтобы выслали ему два КамАЗа 120-миллиметровых снарядов.

— Идиот, переходи на кодировочную таблицу, прекрати разговаривать открытым текстом! — одернули его.

— Хорошо. Пришлите два КамАЗа 120-миллиметровых “огурцов”.

Карасик засмеялся. Ну и закодировал, никакое ЦРУ не расшифрует!

— Это что, — рассказал связист. — При штурме какой-то солдат по радиостанции сообщил командиру, что обнаружил два мешка денег. Когда “сверху” затребовали справки — что это за деньги, — командир ответил, что они все обгоревшие. Короче, выкрутились — и деньжатами разжились... А один сдуру сбросил бомбы на позиции наших минометчиков, да еще пожаловался, что промахнулся. Говорит: захожу на второй круг! Его так облаяли, что уши завяли...

...“Все! Уходим!”

Карасик удивлялся: за несколько дней в горах им ни разу не пришлось отражать атаки, боевые действия шли где-то в стороне, и получалось, что главными противниками у них были днем — жара и жажда, ночью — холод.

Возвращались днем по сухому руслу, вещевой мешок уже не так оттягивал плечи, а мысль о том, что скоро будет много воды, горячая пища и мягкая постель, приятно согревала душу. Как мало надо для полного счастья!

В базовом районе царило оживление. Шурка заглянул в одну палатку, увидев, что там обедает подполковник Авдюшев, хотел выйти, но тот доброжелательно поднялся навстречу:

— Проходи, садись, сейчас будем обедать. Ну как, очень устал?

Другие также задавали вопросы, хлопали по плечу. Карасик, оказавшись в центре внимания, чувствовал себя неловко и только смущенно улыбался грязным, заросшим, несколько дней не мытым лицом. Выручил прапорщик Радченя. Решительно взял взводного под руку, повел за собой к водовозке.

— Раздевайся совсем, сейчас шлангом для начала обработаю, а потом — в столовую.

Отмахиваясь от напора воды, Карасик испытывал небывалое чувство блаженства. А когда, выбритый и поевший, занял свое место на БТРе — даже петь захотелось. Жить все-таки чертовски здорово! Даже причудливые скалы казались теперь привлекательней и как-то ближе.

Когда прошли перевал, Карасик обернул рот тряпкой: снова пустыня с мельчайшей пылью, которая забивалась в рот, волосы, во все щели на бронетранспортере. Снова скрипел песок на зубах.

Подъехали к переправе. Речка была небольшой, но крутые берега мешали транспортировать неисправные машины, поэтому на том берегу был оставлен тягач, который обеспечивал пропуск техники.

У переправы встретилась вся инженерная служба полка: ротный, начальник инженерной службы, командир инженерно-саперного взвода.

Мазов сообщил скверную новость: его БТР лишился управления и застрял между дувалами. “Урал” не смог дотащить его до переправы.

— Та-ак... — Карасик, закипая от злости, посмотрел на младшего сержанта Смирнова, водителя БТРа. — И что же делать будем?

— Не знаю, — пожал тот плечами. — Но буксировать его невозможно.

— Невозможно?! — взорвался взводный. — Это ты так готовил машину к рейду, паршивец! Будь моя воля, я б тебе... — он сплюнул и повернулся к Пономаренко. — Товарищ майор, разрешите взять “Урал”, я попробую дотащить его сюда, а на ту сторону как-нибудь переправим.

Взяв свой БТР и “Урал”, Карасик поехал в кишлак. БТР ротного стоял, упершись волнорезом в дувал, беспомощный, неуправляемый, с посаженными аккумуляторами.

— Что, гонял стартер, пока не посадил? — сказал Карасик водителю, виновато надувшему губы.

— Не, товарищ старший лейтенант. Ротный постоянно работал на связи, вот аккумуляторы и сели.

— Будем тянуть за корму, — решил Карасик и огляделся, решая, как удачнее заехать с другой стороны. За дувалом, весело щебеча, играли дети, женщина с кувшином, увидев “шурави”, быстро прикрыла лицо и скрылась за дверью. Неожиданно раздалась пулеметная очередь, афганские ребяташки быстро легли на землю, некоторые пробежали за укрытие. Убедившись, что опасности вроде нет, снова принялись за игру.

“А ведь для них война — это жизнь, другую и не знают”, — подумал с горечью Александр и спросил:

— А кто стрелял?

— Наши, товарищ старший лейтенант. Пугнули, чтобы с машины ничего не стащили, иначе не отгонишь...

На переправе начальник удивленно посмотрел на взводного:

— Все-таки дотащил? Ну, раз у тебя это неплохо получается, будешь тащить до полка, а пока до темноты постарайся дотянуть до перевалочной базы, это недалеко, километров пять, и завтра с утра двигайся самостоятельно. А мы забираем твой БТР и едем с полком.

— Спасибо за подарок, — Карасик вздохнул, кивнув в сторону неисправной машины. — Завтра у меня как раз день рождения...

Медленно, штурмуя метр за метром, “Урал” тащил бронетранспортер. Обдавая пылью, их обгоняли машины, “Урал” грелся, приходилось часто останавливаться. Не дотянув пару километров, встали. Машины ушли, и они остались одни в долине. Вдалеке сверкал огнями Туругунди, дальше, через реку, — Кушка. Карасик улегся в БТРе...

— С днем рождения! — в люк заглянул Штейнбергс. — У нас все в норме, праздничный завтрак готов.

На плащ-палатке, среди банок с сухим пайком, возвышались спелые арбузы.

— Пока вы спали, мы сгоняли на бахчу, — пояснил Сергей.

— Грабанули, что ли? — взводный недовольно сдвинул брови.

— Никак нет, старик сам угостил, мы ему дали тушенку и один ремень, он остался доволен.

— А какой сейчас год? — спросил Карасик. Сергей открыл рот и уставился на своего командира.

— Я имею в виду афганский, а не наш.

— А-а!.. Тыща триста шестьдесят пятый, моему.

— Значит, еще не дотянули до Куликовской битвы! — вздохнул взводный. — Так что воевать долго придется.

Только к обеду дотащили БТР до сборного пункта поврежденной техники. Восстановили рулевое, двигатель. Теперь можно было выходить на бетонку — и в полк.

На третьи сутки пути показался Герат. Карасик остановил колонну на ночлег, а сам отправился к трубопроводчикам просить горючее, тем более, что “хозяйство” прибавилось: к ним присоединился тягач, танк и две машины, которые отстали от колонны, а техническое замыкание не смогло их эвакуировать и передало взводному. Топливо “стрелял” у проходящих машин, а когда прошли все части, участвовавшие в “боевых”, то только на заставах. Колонны же “наливников” проносились мимо, не останавливаясь, на больших скоростях. Карасик на них не обижался, как-нибудь здесь можно выкрутиться, а у них задача одна — на Кандагар, там очень нужно топливо.

Поднявшись на гору по узким ступеням из камня, пройдя через проем в стене, сложенной из глиняных кирпичей, Карасик оказался на площадке. Спросив у часового, где находится командир батареи, он же начальник сторожевой заставы, решил подождать его. Немного выше размещалась огневая позиция, стволы орудий угрожающе смотрели с вершины на Герат.

Панорама города была великолепной. Над большими глиняными зданиями, среди зелени деревьев возвышались минареты с голубыми куполами. Крепость с четырьмя башнями-минаретами по углам в туманной дымке казалась сказочной. Широкая, ровная, как стрела, улица пересекала Герат, но была безлюдной, а бетонка уходила вле-

во, огибая город. Западная часть Герата была в руках душманов.

— На что надеялся Туран Исмаил, уходя к мятежникам? — подумалось вдруг Карасику. — Борьба против законной народной власти — равносильно самоубийству. Вот только что-то они долго сопротивляются... Но ведь и у нас не сразу с басмачами покончили”.

Размышление прервала группа солдат и офицеров, спускавшихся с позиции.

— С рейда? — худощавый капитан подошел к Карасику.

— Ну да.

— А че так поздно? Ваши давно прошли.

— Да вот, тащу, что могу, последний бросок остался, — Карасик кивнул вниз на машины.

— Заходи, сапер! — капитан хлопнул его по плечу. — Хотя ты и из “вражеского” полка, но чаем угостим, да и ужином. Заходил бы сразу — чего торчать на площадке?

— Вид красивый! — сказал Карасик. Высокий старший лейтенант с грустными глазами достал сигареты, протянул Карасику и, когда они все зашли в помещение, вдруг выругался с какой-то жгучей злостью.

— Плевать я хотел на эту красоту, глаза бы мои не смотрели. Ненавижу этот город, эти “духовские” рожи в чалмах, а особенно наших сволочей в штабах... Третий месяц не шлют заменщика! Думал, в этом году провожу дочку во второй класс, — хрен там!..

Старший лейтенант размахнулся, хотел швырнуть окурок на пол, но, встретив взгляд капитана, бросил в урну. И вышел в соседнюю комнату, где гремели нардами остальные.

С РЕЙДА — В БОЙ

Только к обеду на следующий день дошли до полка. Поставив технику в парк, Карасик топал к командирской палатке доложить о прибытии. В душе он был возмущен тем, что в роте знали, как он добирается несколько дней без горючего, — и даже машину не выслали навстречу! “А может, что случилось?” — подумал он.

В палатке перед обедом собрались офицеры и прапорщики. Все были какие-то хмурые. После доклада Карасик заметил:

— Что-то, я вижу, у вас настроение не ахти.

— Да вот!.. — взводный Санька Куликов возмущенно рубанул рукой. — Мало того, что сломали перегородки в палатках, так теперь поступила новая вводная: отменить офицерские столовые для офицеров и прапорщиков подразделений... Короче, мы объявили голодовку. Но тебя это не касается, сходи в столовку, поешь.

— Ну нет! — Карасик возмутился. — Я тоже объявляю голодовку! Хотя... — он тряхнул ремень на запавшем животе, — перед объявлением не прочь перехватить чего-нибудь из “сухпая” — типа колбасного фарша.

— Вот так и живем, — сказал Куликов. — Только на боевых и чувствуешь себя офицером. Там хоть обстановка вынуждает спать и есть с солдатами. А прибыл в часть — и что? Штабные, значит, идут в модуль, как белые люди, могут музыку послушать, на кровати поваляться, а ты даже ночью не имеешь права побыть, как тебе хотелось бы.

— А голодовку объявили во всех подразделениях — или только вы? — спросил Карасик.

— Во всех.

— Отлично! Значит, и в пехоте можно за себя постоять...

Поговорили, повозмущались и разошлись!

— Ну, как рейд? — спросил замполит Сан Саныч. — Трудно было?

— Трудно — не то слово. Обидно за технику, особенно за 447-й БТР... Слушай, ну знал же ротный, что ему придется выполнять задачу на этой машине! Почему же не контролировал ее подготовку? Да и водитель меня не устраивает. Пересмотреть надо кадры водителей.

— Ты же знаешь, — возразил Сан Саныч, — уволились старые механики-водители. Вот оно и...

— Это не оправдание! — с досадой сказал взводный. — Что они — неожиданно, что ли, уволились? Заранее надо было думать... Ну, ладно, давай спать.

Но выспаться им не пришлось: среди ночи вызвали в палатку к командиру роты.

— Завтра в ночь наш и соседний полки выходят на захват западного Герата, — заметно волнуясь, сообщил ротный Мазов.

— Это как понимать? — дурашливо удивился Санька Куликов. — А как же предварительная подготовка, строевые смотры, подворотнички?... Братцы, да неужели я служу в Советской Армии?

— Брось шуточки! — оборвал ротный. — Операция предстоит серьезная, я только что из штаба. Выходит максимум техники и весь командный состав, а то, что не сообщили заранее, так и “духам” об этом ничего не известно... А тебе, — Мазов повернулся к Карасику, — шеф разрешил остаться.

— Ну уж нет, пускай сам остается!

— А я так и думал, что заартачишься... Ладно, вопрос исчерпан. Готовь взвод.

Ночь и день прошли в лихорадочной подготовке к предстоящей операции. Под вечер Карасик до того устал, что уснул, сидя в командирской палатке над картой...

Ночью полки вышли на исходные позиции. Полк Карасика занял оборону южнее Герата, а соседний — севернее.

С рассветом все пришло в движение. Войска, взяв Герат в клещи, медленно продвигались по узким улицам старого города навстречу друг другу. Карасик, сидя на командирском сиденье, напряженно всматривался в проплывающие мимо дома, дувалы. Город молчал, и от этой тишины становилось не по себе. По разговорам в эфире Александр понял, что соседний полк тоже успешно продвигается вперед.

Вдруг впереди раздался мощный взрыв. “Фугас!” — машинально отметил Карасик. Огромное черное облако медленно поднялось в утреннее небо. Эфир загудел. Среди сумятицы команд, вводных Карасик уловил взволнованный голос командира танкового батальона — его танк шел в голове колонны: “Мы наскочили на фугас!” Вскоре запросил о помощи БТР, следовавший за танком комбата, — но оборвал связь на полуслове... По броне защелкали пули. “Ну, вот, началось...” — он облизнул пересохшие вдруг губы.

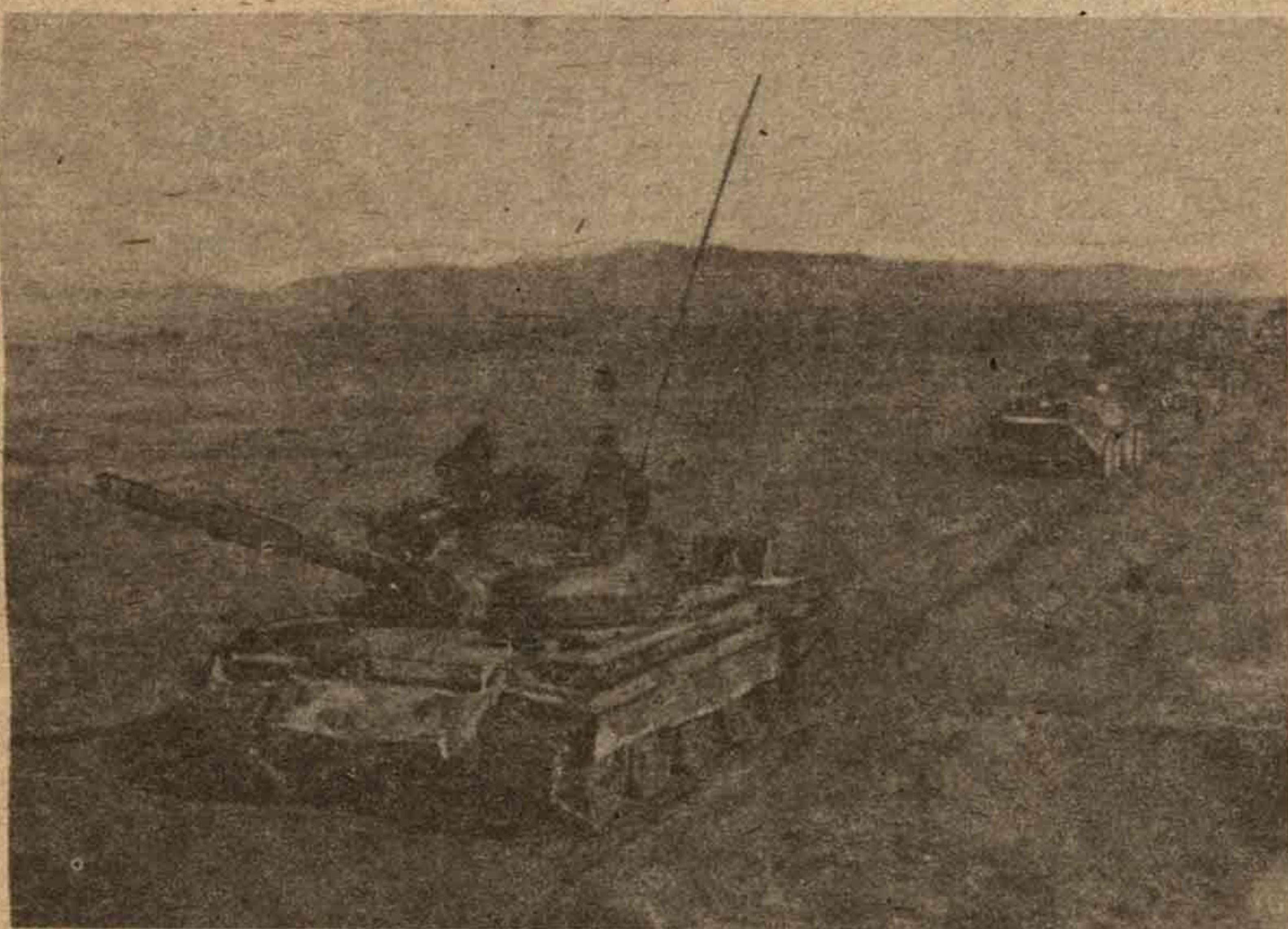
Но неожиданно последовала команда: отходить прежним маршрутом.

“Как — отходить? — Карасик был поражен. — А как же комбат?... Что они там думают?...” На

Перед броском в горы.

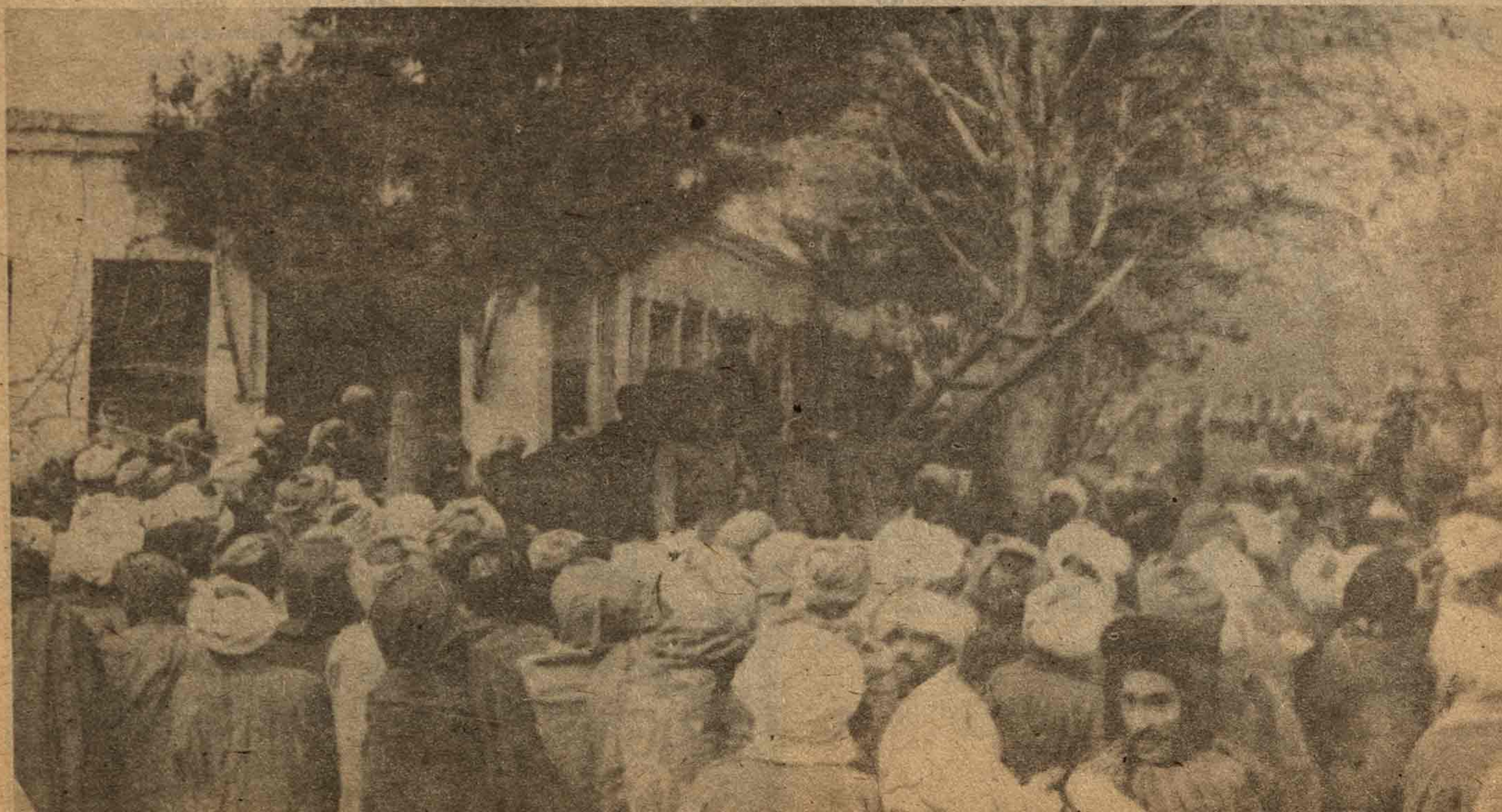

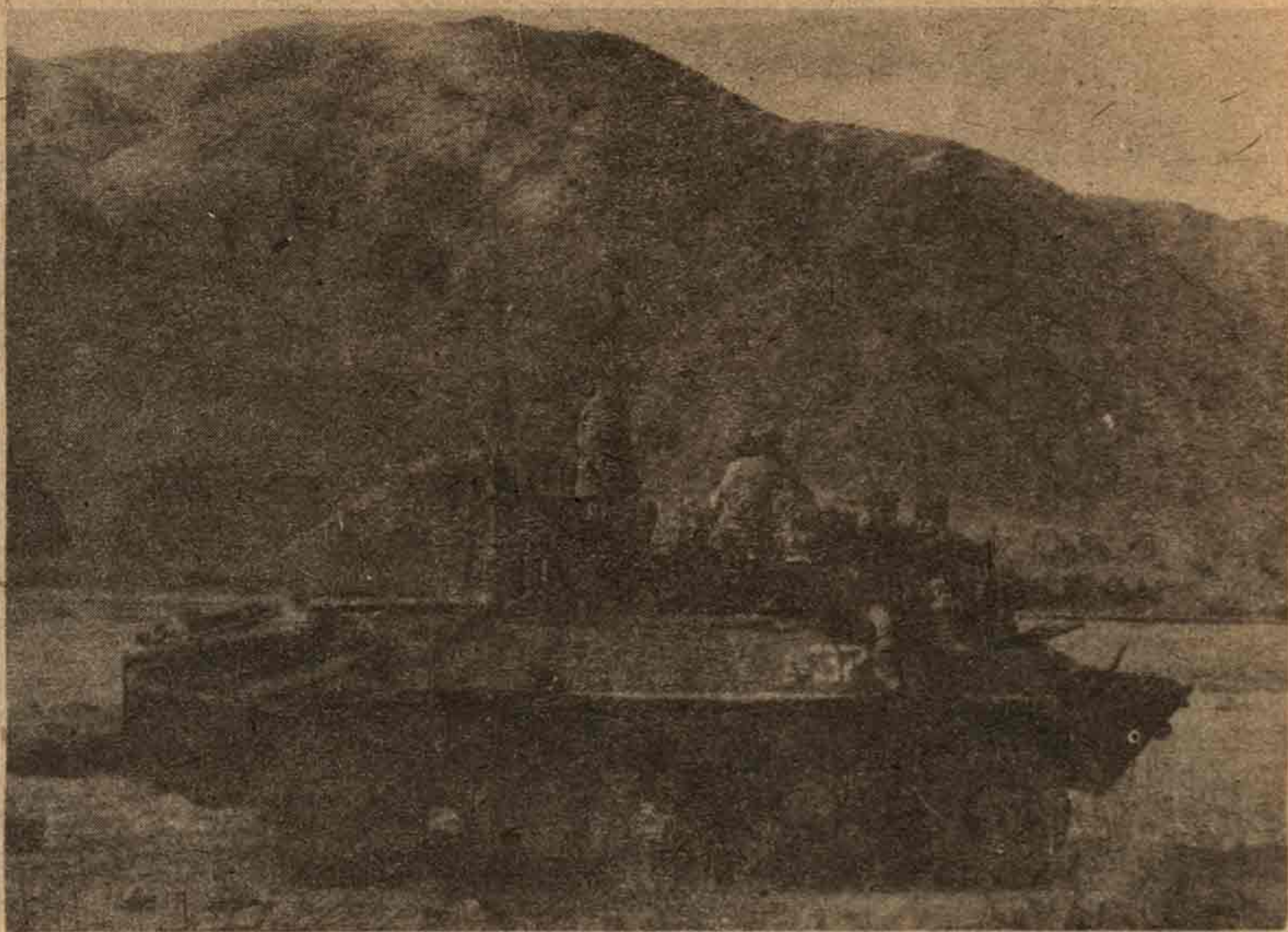
Натюрморт "Дары Афгана".

Митинг в городе Кундузе. На такие митинги жители выходили охотно. Они хотели понять, что нужно "шурави" в Афганистане.

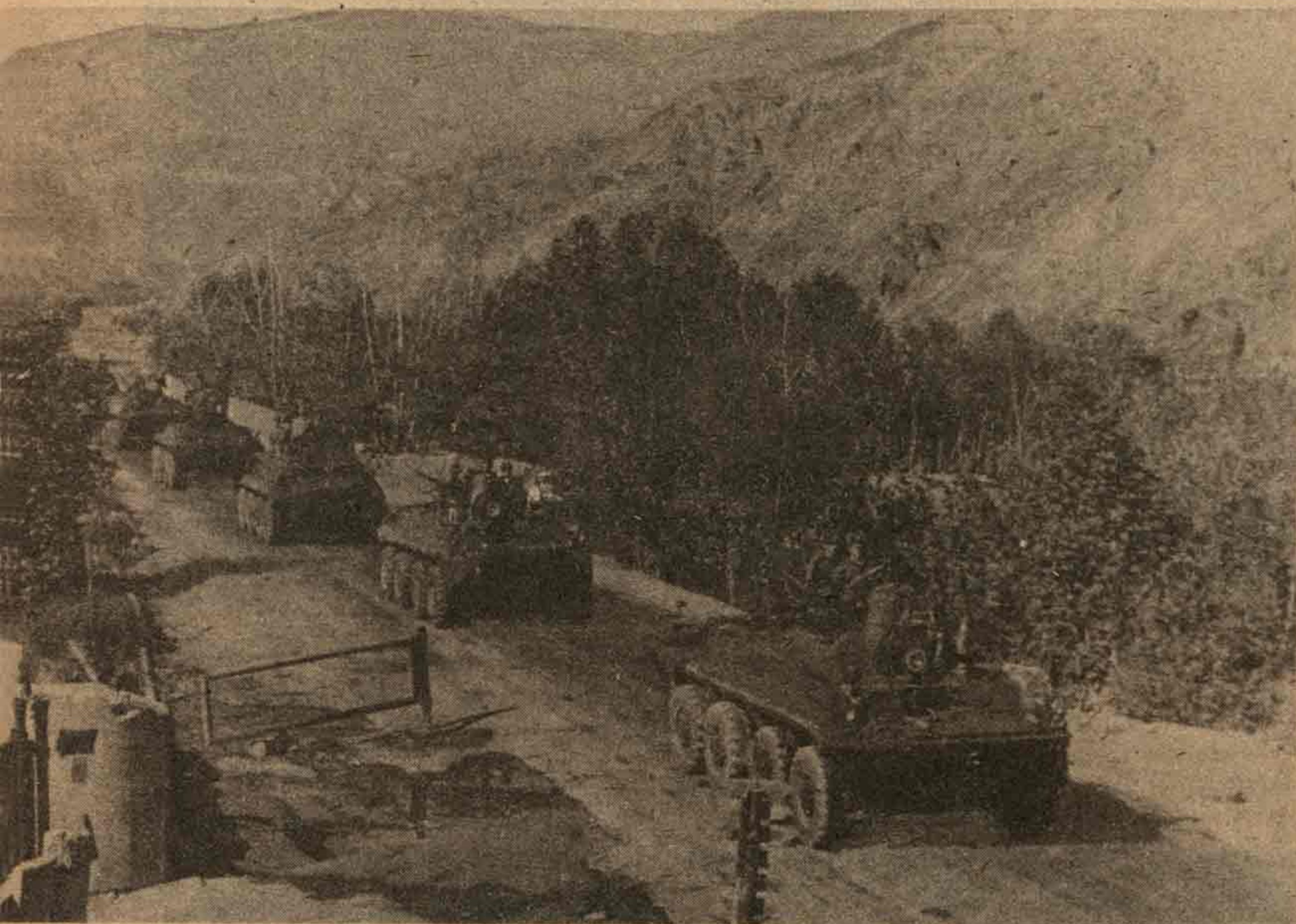
Полк выходит на блокаду Западного Герата.

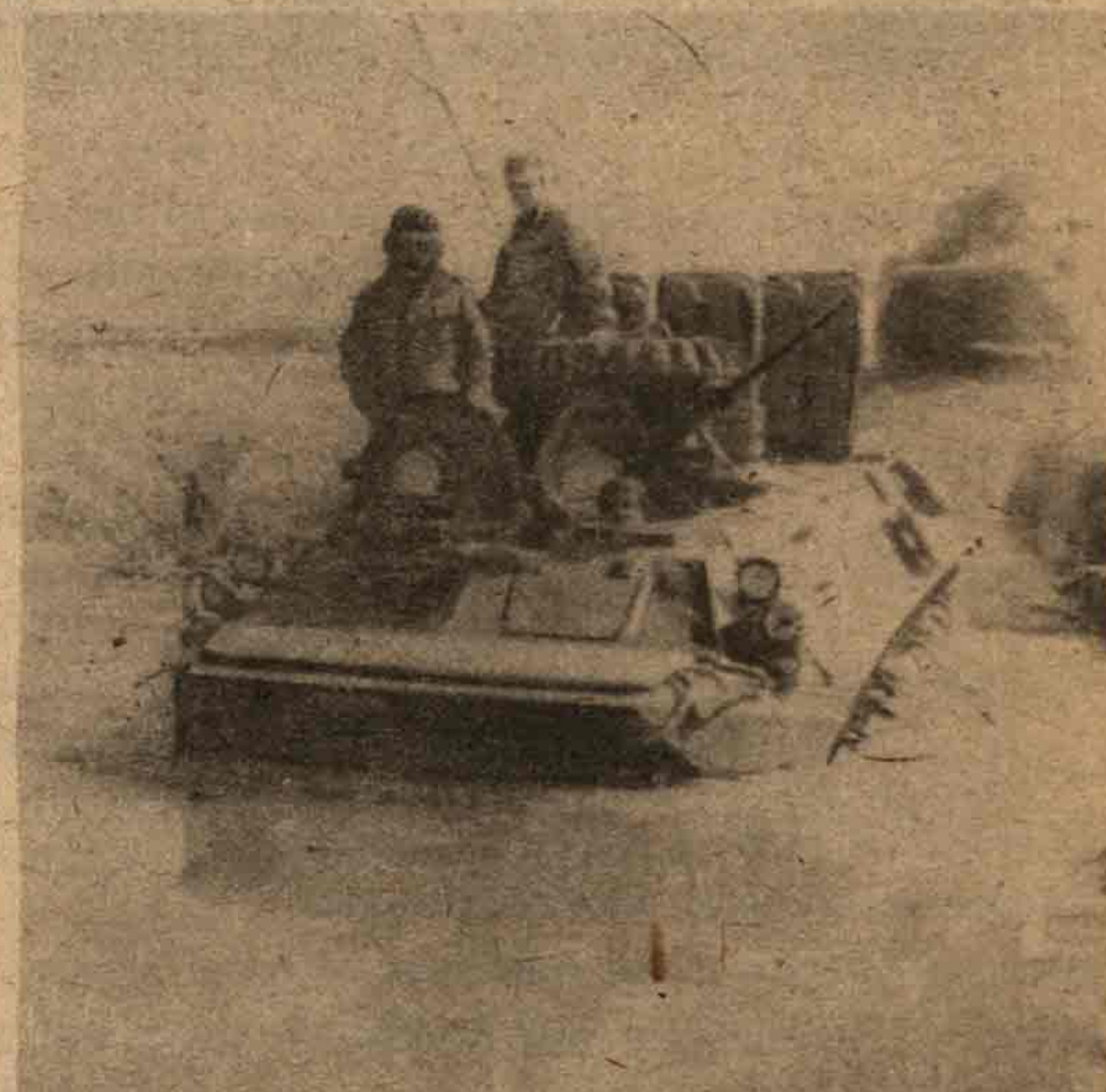

**Выбор места
для огневой позиции.**

**Взвод
уходит
в горы.**

**Мотострелковый полк выходит на боевые
действия. Провинция Кундуз.**

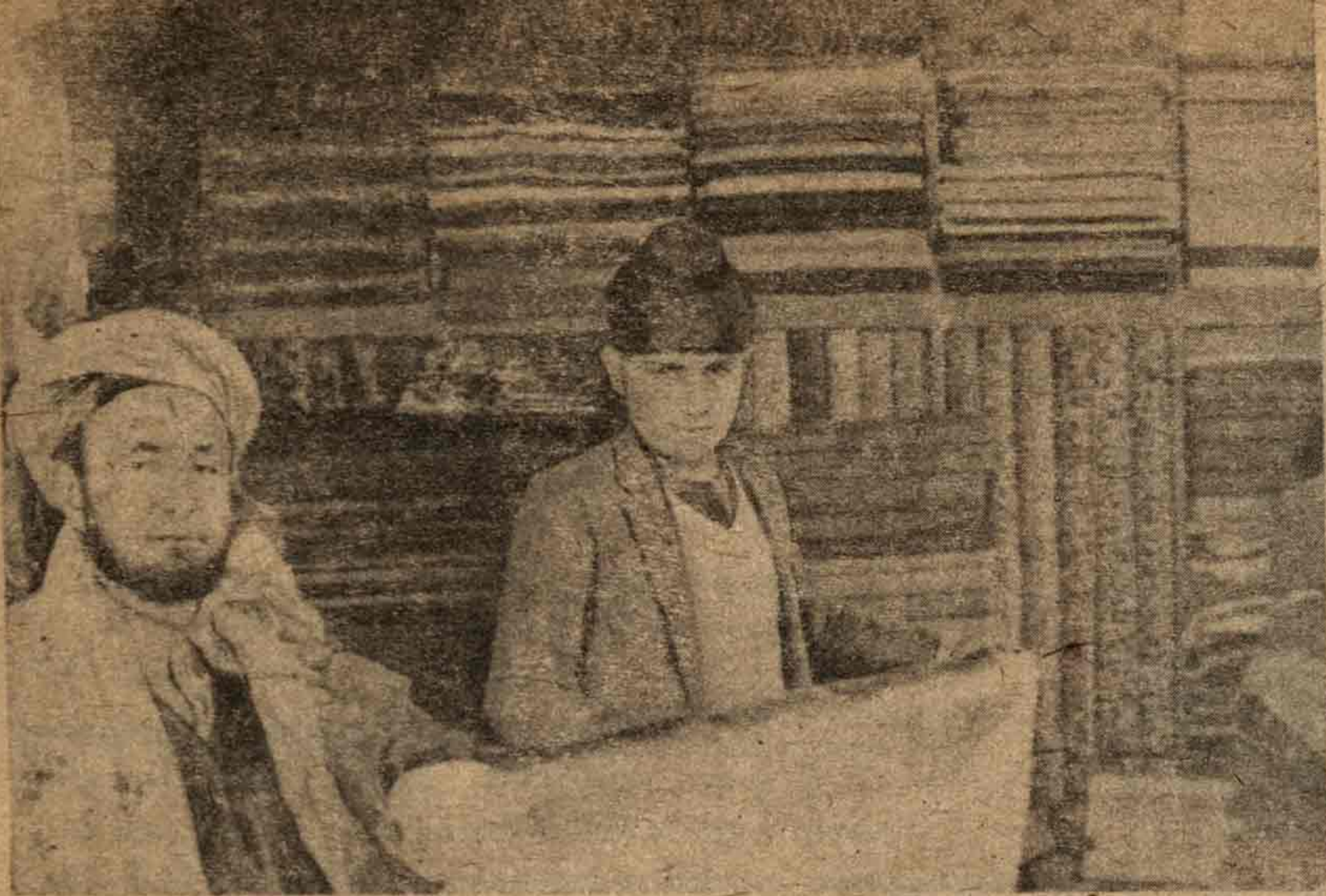
**Зимой арыки были полно-
водными, и преодолевать их
приходилось на плавающих
машинах.**

**После изнурительного пере-
хода по пустыне приятно ос-
вежиться в походном резер-
вуаре.**

**Саперы готовятся к открытию окопов
взрывным способом.**

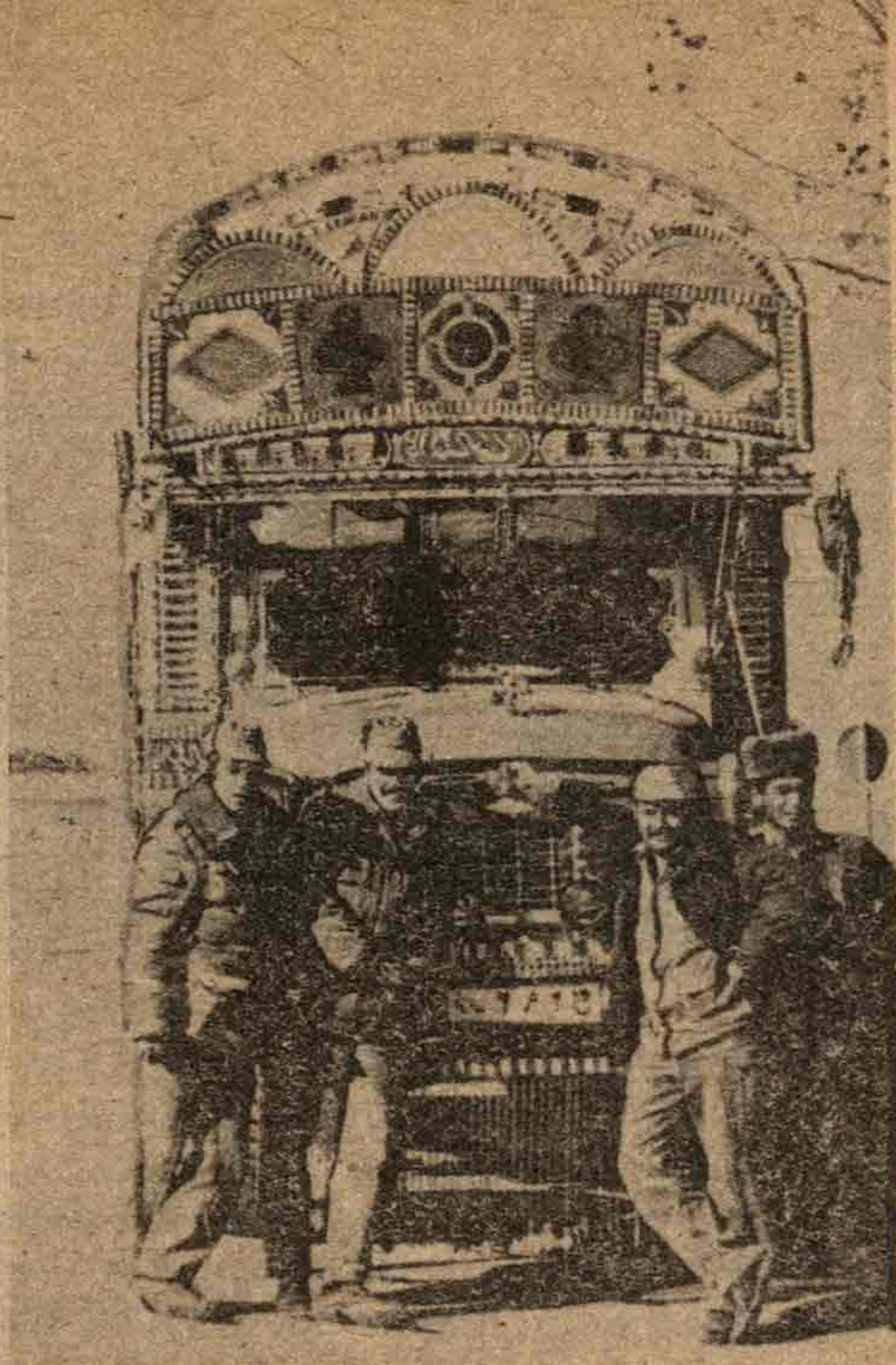

В дуканах можно было встретить любой товар, в том числе и ткани со всех концов земли.

Мины — тоже со всех концов земли. Эти, на снимке, — итальянские TS-2,5. Они были постоянной угрозой для машин, доставлявших помощь в Афганистан.

Дуканщик подъехал на своей расписной машине торговать. Но фотографироваться не стал — грех!

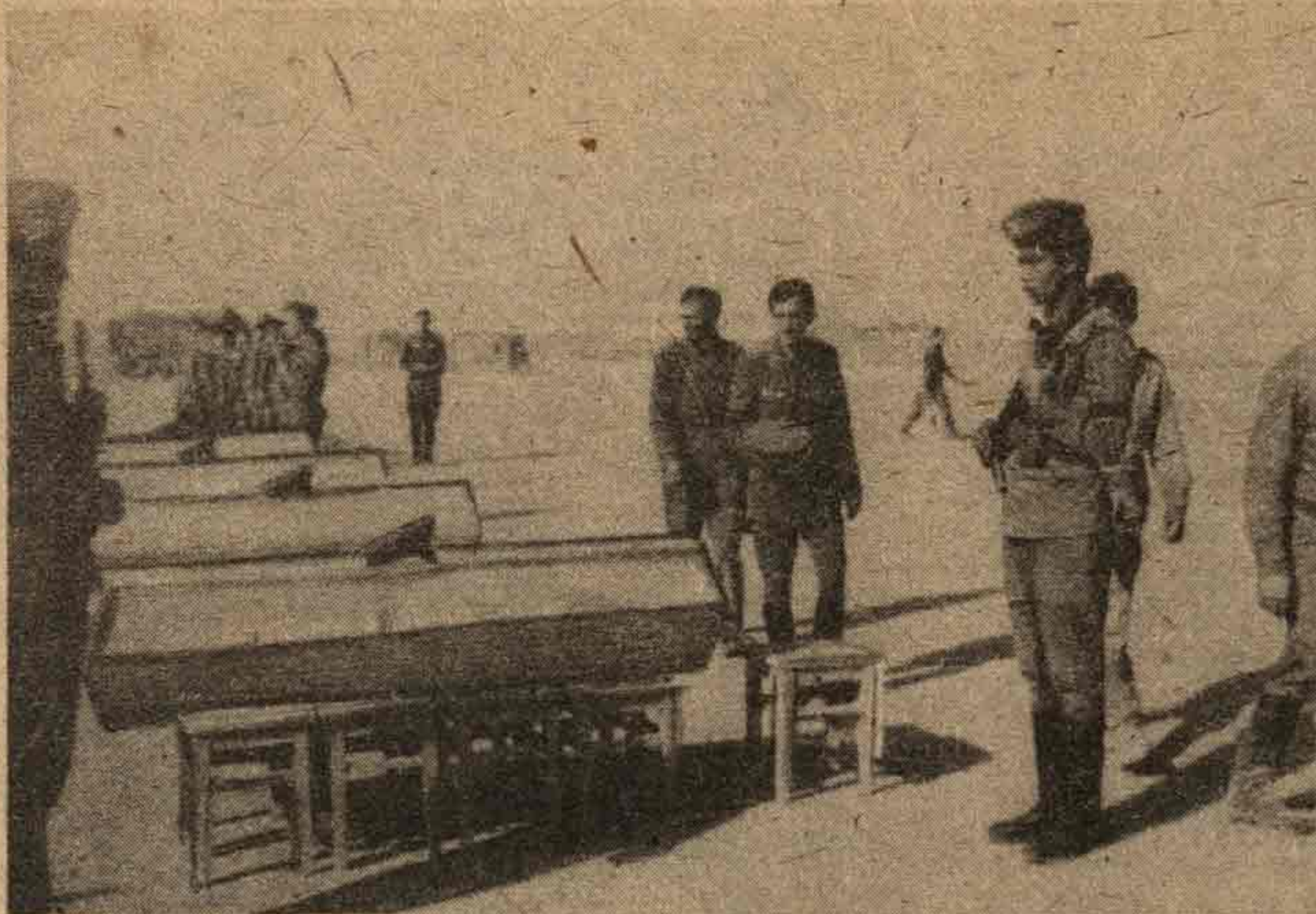
От женщин в парандже веяло средневековьем...

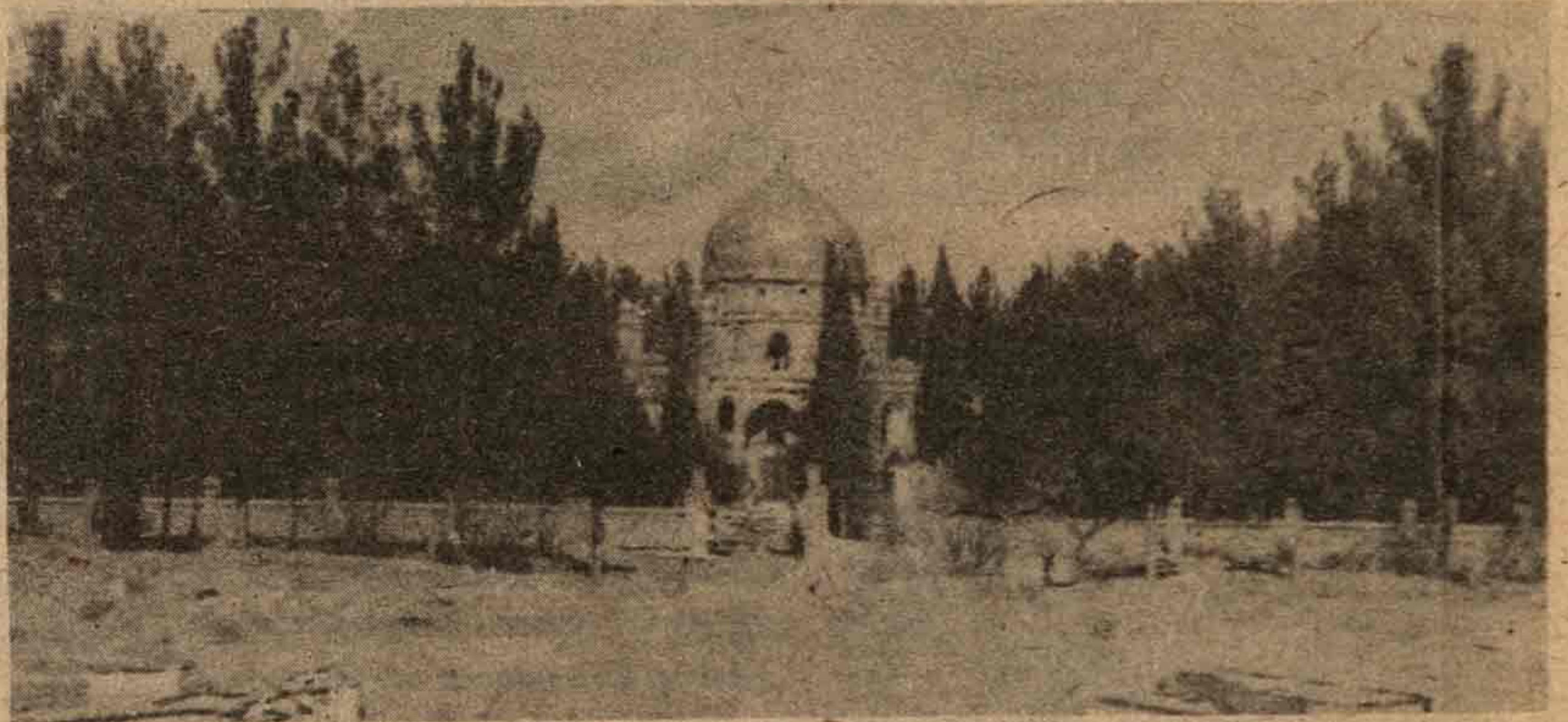
Попытки освоения экзотических видов транспорта.

В ожидании "черного тюльпана".
Прощание с погибшими.

При въезде в город Кандагар
войска встречала голубая
мечеть.

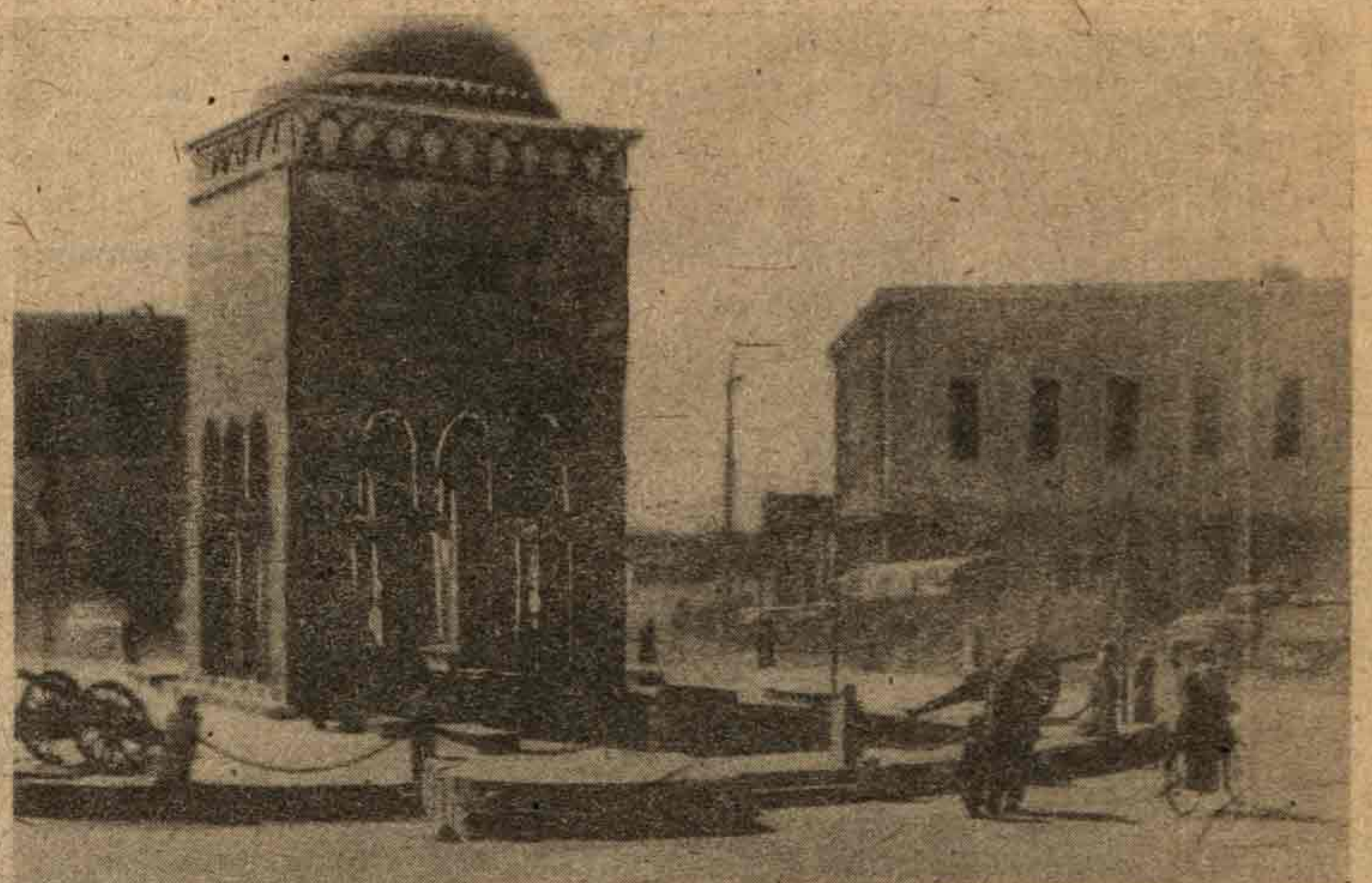
Развалины в Кандагаре —
свидетели прошедших боев.

Памятник победы афганско-
го народа над английскими
завоевателями в центре
Кандагара.

На счету собаки минно-ро-
зыскной службы по кличке
Динга — десятки обнаружен-
ных мин.

мгновение у него мелькнула шальная мысль — послушаться приказа и рвануть вперед. Он помедлил, выругался — и скомандовал механику-водителю разворачиваться. Пока бронетранспортер с трудом разворачивался в тесноте улочки, Карасик вслушивался в разногласицу эфира — и понял, что на выручку комбату посланы машины разведки. “А успеют? Мы-то ближе!” — с досадой подумал он.

Двинулись в обратный путь. Впереди их шел “Урал”. Карасик приказал увеличить скорость, чтобы догнать его и прикрыть огнем. Обстрел усилился. Александр увидел, что “Урал” загорелся, но продолжал двигаться на пробитых колесах.

“Боже мой! Он же загружен тротилом!” — от этой мысли предательски задрожали коленки.

— Корона-475! — услышал он среди шума в эфире свой позывной. — Немедленно уберите с колонны горящую машину!

— Как же я ее уберу, если с водителем нет связи!..

Пламя в кузове машины разрасталось с каждой секундой. Огромное яркое пламя, перерастающее в черный столб, поднималось все выше и выше.

БТР дернулся и остановился.

— Что случилось? — крикнул Карасик.

— Да вот, с двигателем что-то! — водитель делал отчаянную попытку завести машину.

— Попробуй на одном двигателе! Не можем же мы торчать мишенью здесь!

БТР медленно пополз вперед. Карасик вошел в связь:

— Нужна помощь младшему сержанту Тимошенко, он ведет горящую машину! Помочь не могу — отстал!

Из “Урала” выпал Тимошенко и, отстреливаясь, пополз под горящую машину.

— Быстрее! Вперед — наседаю Карасик на механика-водителя. — Открыть боковой люк!

Тут он увидел, что к “Уралу” подъехал танковый мостоукладчик, развернулся на месте, зацепив дувал мостом, и резко остановился. Тимошенко бросился под него.

— Молодец! — одобрил Карасик. — Через нижний люк залез!

— Ткач! — крикнул он в эфир механику-водителю мостоукладчика. — У тебя все в порядке?

— Норма! Уходим!

— Какой козел дал команду возвращаться той же дорогой! — выругался кто-то в эфире. — “Духи” заминировали отход и расстреливают машины из гранатометов!..

Навстречу, умело маневрируя, продвигались машины разведчиков. Они шли на подмогу командиру танкового батальона, который дал сигнал о помощи...

На этом бой для саперов закончился. Только на завтра узнали они о том, что случилось с танком комбата и следовавшим за ним БТРом, которые остались там, среди дувалов западного Герата.

ОБРЕЧЕННЫЕ

*...эта рота наступала по болоту,
а потом ей приказали, и она пошла назад.
Неожиданно попала эта рота
под огонь своих — загранотряд.
И пока, пока та рота умирала,
землю грызла, грызла, грызла,
кровью харкала в снегу,
пожурили молодого генерала
и сказали, что теперь он перед Родиной в долгу...
(Владимир Высоцкий)*

Колонна втягивалась все дальше и дальше в “духовскую” зону Герата. Западный город настороженной тишиной встречал шурави.

Шедший в голове колонны танк остановился на небольшой площади, которая слегка возвышалась над прилежавшими к ней улочками. Командир танкового батальона, высунувшись из люка, беглым взглядом окинул глиняные дувалы и здания.

— Разрешите ставить блок? — передал он по радиостанции командиру полка, покосившись на подошедший БТР, из которого сразу же выскочили солдаты.

Ответ затягивался. Комбат продолжал осматриваться, прикидывая, как лучше занять огневую позицию. Отдал солдатам приказ приступить к отрывке окопа для танка.

— Уточните, где находитесь, и закрепляйтесь, — прозвучал наконец ответ.

От БТРа к танку подбежал сержант, козырнул:

— Командир машины сержант Ташабаев.

— Значит, так, дорогой, — сказал комбат и указал рукой на дувалы. — Вот твой сектор наблюдения, понял?

— Мы, товарищ майор, уже осмотрели ближайшие дома, никого нет, но видать, что жители недавно ушли. А наблюдателей я уже выставил.

И действительно, комбат увидел солдата, прикрывшегося на крыше, который разбирал глиняные кирпичи, строя впереди себя бруствер.

— Добро! — кивнул комбат.

Но тут прозвучала вводная: всем продолжать движение вперед. “А, ч-черт!..” — выругался комбат и скомандовал:

— Всем по машинам!.. Сержант, следуешь за мной!

Надел шлемофон и вошел в связь.

Сержант Ташабаев бросился к БТРу, крикнув на ходу солдату, разбиравшему кирпичи на крыше:

— Субботин! Давай в машину!

Танк командира батальона медленно двинулся вперед. Но не прошли и пятидесяти метров, как танк тряхнуло. Комбата швырнуло о броню. Подрыв!..

Убедившись, что никто из экипажа серьезно не пострадал, он выпрыгнул из танка осмотреть машину. Почувствовав удар в плечо, недоуменно посмотрел в сторону дувала. “Ранен?” — мелькнула мысль, и тут же второй удар в голову бросил комбата на землю. Солнце, жесткое солнце вдруг разлетелось на множество сверкающих огней, и всплыло лицо жены: “Как же ты там, Коленка...”

Заряжающий, выскочив из танка, бросился на помощь комбату, но упал, захлебываясь в крови и что-то быстро говоря по-туркменски...

Командир БТРа сержант Ташабаев нервничал: двигатель не заводился. Между тем танк комбата скрылся за углом.

— Чего там копаешься! — Ташабаев с яростью поглядел на механика-водителя Теплюха.

— Да щас... — Теплюх, чертыхнувшись, снова крутанул ключ зажигания.

Впереди, за дувалами, где скрылся танк, раздался мощный взрыв, затрещали автоматные очереди.

— К бою! — крикнул сержант и, надев шлемофон, включил радиостанцию. Потом, резко сорвав с головы шлемофон, повернулся к экипажу.

— Комбата ранило!

Рядовой Субботин открыл боковой люк, выскочил наружу и, на ходу стреляя из автомата поверх дувалов, побежал в ту сторону, куда ушел танк.

— Серега! Назад! — высунувшись из люка, крикнул другу Сангов, но тот скрылся за поворотом. По броне БТРа защелкали пули.

— Петя, ну давай же! — услышал водитель Теплюх умоляющий голос сержанта. — Вперед надо!

Сильный удар потряс машину. Выстрелом из гранатомета сорвало башню БТРа. Они услышали дикий, нечеловеческий крик пулеметчика Толмачева: его придавило сорванными пулеметами. Крик скоро перешел в хрипение, по телу Толмачева пробегали судороги, выталкивая изо рта сгустки крови. Когда друзья освободили его из-под груза, он затих.

БТР вздрогнул, к шелканью пуль по броне добавилась другая, долгожданный звук: заработал, наконец, двигатель.

— Вперед! — прохрипел севшим голосом Ташабаев.

Они проехали всего несколько метров. Машину тряхнуло, она остановилась.

— Мину зацепили! — водитель Теплюх зло и длинно выругался. — Движки сорвало, командир! — И тут же сзади послышалось надрывное:

— Да сделайте что-нибудь!..

Водитель оглянулся. В десантном отделении корчился Сангов, зажимая руками оторванную выше колена ногу. Перевалившись через сиденье, Теплюх пополз к Сангову, снимая жгут с приклада своего автомата.

— Где остальные? — крикнул он, ставя второй шприц-тюбик промедола товарищу. Сангов, странно икая, указал в угол десантного отделения машины. Разорванные, обожженные тела Ткачука и Шиманского лежали внахлест друг на друге, а Ташабаев тряс их, что-то крича не по-русски.

— Командир! — крикнул Теплюх. — Ты вызвал наших по связи?

— Да не работает она! Последнее, что слышал, — наши уходят.

Слова Ташабаева утонули в грохоте разорвавшейся за броней БТРа гранаты. Схватив автомат и пулемет, они бросились к бойницам. “Духи” были совсем близко от машины, шли открыто, уже не боясь. Длинные очереди отбросили их. Дикая крик, вплетаясь в автоматные очереди, взвился над старым городом.

— А-а, с-суки... — Теплюх отбросил пустой магазин — и тут услышал очередь, резанувшую совсем рядом. Это Сангов, припав к бойнице, выставив обрубок ноги, поливал “духов” из автомата, страшно и дико ругаясь то ли от ненависти, то ли от боли.

А в машине от дыма уже невозможно было дышать.

— Баки горят. — Сангов оторвался от бойницы, сполз на сиденье. — Уходить надо!

Ташабаев открыл боковой люк, выбрался наружу. Стрельба вдруг затихла. Теплюх осторожно выглянул из люка.

Ташабаев стоял рядом с машиной в полный рост. Наступившая тишина странно давила на

слух, и когда сержант что-то закричал по-туркменски, Теплюх вздрогнул. А Ташабаев поднял автомат и выстрелил себе в голову...

Сангов хрипел и кашлял, задыхаясь в дыму. Водитель кинулся к нему и подтащил его к люку, открытому Ташабаевым, а сам снова повел огонь из ручного пулемета. Патроны в магазинах кончились, остались только которые рассыпью, а заряжать по-новой не было времени, да и ни к чему...

— Петя! — услышал он. — Я выхожу...

Сангов, сидевший у люка, посмотрел на Теплюха странными, полными невыносимой боли глазами, сунул ствол автомата себе в рот и нажал на спусковой крючок.

— Не-е-т! — закричал Петр, не отрывая взгляда от того, что недавно было его другом. Тело Сангова качнулось и вывалилось наружу.

Теплюх подполз к выходу, волоча пулемет, не замечая, как раскаленный ствол обжигает ладонь. “Духи”, уже не таясь, наблюдали за горевшей машиной... “Только не плен!..” — Он приставил ствол пулемета к голове, затем передумал, бросив взгляд на разорванную голову товарища, передумал — и направил ствол туда, где билось готовое выскочить из груди сердце...

Затащив раненого комбата и тело заряжающего под танк, Субботин сам улегся рядом, под днище, и перевел дух. Пот стекал по его грязному лицу. “Ну, где же там мои?..” Из нижнего люка показалась голова наводчика:

— Давай сюда, здесь безопасней.

— А если долбанут вашу коробку, что тогда делать будем? Пусть здесь полежат до прихода наших, все равно двигаться не можем.

— А мы их шугнем, снарядов хватает!

— Ну вот и шугай, а мне пора к своим.

Субботин полез из-под танка, но фонтанчики пыли, поднятые пулями, заставили вновь спрятаться.

“Кажется, застрял надолго...”

Он вполз наполовину в танк через нижний люк:

— Эй, траки! Где вы там?

— Что надо? — рядом появилось замащенное лицо механика-водителя.

— Ну, когда вы долбанете пушкой-то?

— Мы хотели, да Андрей где-то там разглядел бачат, боится зацепить: жалко, говорит!

— А комбат умирает — не жалко? Я уже три пакета ему накрутил на голову, а кровь все идет.

По броне снова застучали пули — и в то же время танк вздрогнул: это выстрелило, наконец, танковое орудие.

— Ниже давай! — крикнул механик-водитель и полез к наводчику.

Субботин услышал, как на танке заработал пулемет.

— Не подпускай близко! — прокричал он вверх. — Могут садануть из гранатомета!

Но “духи” неожиданно отошли. Наступила тишина. Наводчик, наблюдая через прицел, увидел, как из-за поворота появились боевые машины разведчиков.

— Наши! — закричал он и неожиданно расплакался, как маленький ребенок.

Субботин подбежал к машине разведчиков, открыл задний люк и отшатнулся: в десантном отделении лежали трупы его товарищей...

— Это мы подобрали там, за поворотом, — пояснил разведчик, — а БТР сгорел...

Из десантного отделения раздался слабый стон. Субботин бросился внутрь и приподнял тело друга.

В это трудно было поверить, но стрелявший себе в сердце из пулемета механик-водитель БТРа № 376 гвардии рядовой Теплюх Петр Иванович был жив!

А комбат умер. Было ему только 32 года...

...Полки, потеряв в считанные часы десятки убитых и сотни раненых, бросая горевшие машины, отстреливаясь и обливаясь кровью, откатывали назад.

Западный Герат по-прежнему оставался городом, который контролировал главари самой крупной группировки Туран Исмаил.

Потерпев неудачу при взятии "духовского" района в лоб, войска готовились к длительной осаде. Артиллерия с седьмой заставы начала планомерный обстрел города, разрушая дома, крепости, мечети. Туран Исмаил затаился...

*...Кто-то примет эти горькие дары.
Ей, России, не к такому привыкать.
В Курске трель по ним отслужат соловьи,
В Белоруссии забьется в плаче мать...
Примет пухом украинская земля,
Казахстан укроет крыльями степей.
Ах, как страшно и как глупо мы пока
Наших мальчиков теряем на войне...
(Из афганской песни Валерия Зубарева).*

БЛОКАДА ЗАПАДНОГО ГЕРАТА

— Командир! Вам письма.

Карасик взял конверты, сел в угол палатки, распечатал первый... "Дорогой наш, здравствуй!" Он быстро пробежался глазами по долгожданному посланию из дома, убедившись, что все в порядке, и начал не спеша перечитывать, смакуя каждое слово.

Письма из дома... Отдушина в этой мясорубке. Вот уже и старший сын пишет несколько строк: "Папа, скорее приезжай, мы скучаем без тебя..."

В палатку, с полотенцем через плечо, держа зубную щетку во рту, вошел Сан Саныч.

— Моемся — и на завтрак, — бросил он и загрел мел умывальником.

Карасик оторвался от письма.

— А как же с голодовкой, замполит?

— Голодовка отменяется, сейчас не до нее. Да к тому же нам разрешили питаться где положено. С солдатами будут ходить только ответственные офицеры и прапорщики...

Перед разводом в палатке Мазова собрался весь командный состав роты. Разговор перекинулся на прошедшие боевые. Чьей была идея отходить назад прежним маршрутом — так и осталось тайной. А посему сделали вывод, что в этом деле замешано слишком большое начальство.

— Мужиков жалко... — тихо проговорил Карасик. — Мы же их бросили!.. Главное, впереди — подрыв, а саперу команда — разворачивайся и делай ноги!

— Рассчитывали, что разведка им поможет, — вздохнул Сан Саныч.

— Рассчитывали! — криво усмехнулся Крымский.

— Интересно — кого привлекут к ответственности? — сказал Карасик. — Ведь это... Это же с треском провалившаяся операция!

— Ха! Да никого! — воскликнул Куликов и, вскочив, раздраженно заходил по палатке. — По-

дожди, еще и героя дадут кому-нибудь из вышестоящего курятника... А вообще, если уж на то пошло, то весь Афган — сплошная провалившаяся операция...

— Кончай базар! — резко оборвал его ротный, видя, что разговор приобретает нежелательную окраску. — Строиться на развод!

На разводе командир полка подозвал к себе офицеров.

— Начинается двенадцатидневная программа боевой подготовки. Обращаю внимание на то, чтобы время, отведенное для занятий, использовать с максимальным эффектом. Особенно это касается инженерной подготовки.

После развода к Карасику подошел заместитель начальника инженерной службы капитан Андронов.

— Давай, Александр, бери свой взвод — и в инженерный городок. Будем проводить занятия по группам.

Инженерный городок начал обустроиваться полгода назад, но здесь уже имелся класс инженерной подготовки, где на стеллажах были разложены мины, взрыватели, химические заменители. Все это было "добыто" руками саперов, в том числе и мины-ловушки, и подрывные машинки. Из Союза присылали только плакаты.

Перед домиком, где был оборудован класс, на поле, стояли макеты с минами, противоминный трал КМТ-7 — и баня, которую все никак не могли достроить.

Саперы с "водяным" пошли достраивать баню, а Карасик отправился к роте, которая ожидала на дорожке инженерного городка.

— Сегодня, товарищи, мы рассмотрим средства поиска мин мятежников, — и Карасик стал показывать, каким образом "духи" устанавливают мины, фугасы, а также ловушки против саперов.

— Я хочу вам сказать, что эффективных средств поиска мин, к сожалению, не существует. Несмотря на то, что получены уже радиоволновые миноискатели последней модели. Так что надо надеяться на нюх, учиться определять демаскирующие признаки, иметь под рукой щуп. Хотя... — он вздохнул. — Посмотрите сюда. Вот сетка, вот вторая. Между ними изоляционный материал. Все это замаскировано в земле. Сапер протыкает щупом сетки, замыкает линию — и происходит взрыв... Так что, — он обвел взглядом лица солдат, — главное — это осторожность и интуиция...

После занятий к нему снова подошел капитан Андронов, учившийся с ним в одном училище — Тюменском высшем военно-инженерном, только Андронов был в первом батальоне курсантов, а Карасик — во втором. Они поговорили, повспомнили однокашников, преподавателей.

— Между прочим, тут рядом, в Адраскане, один твой однокашник служит, — сказал Андронов. — Командир роты разминирования капитан Матеш. Помнишь такого?

— Еще бы! — Карасик обрадовался. — Андрей Матеш! Длинный такой, светловолосый, в четвертой роте был курсантом. Да мы же с ним в кавээне выступали!.. А что, у него вроде бы тоже с карьерой что-то не заладилось?

— Да нет! — возразил Андронов. — Я, наоборот, слышал, что комбат собирается после минирования Герата ходатайствовать об его повышении.

— Ожидается минирование? — заинтересовался Карасик.

— Ожидается, но об этом пока молчок. Понял?
— Нема базара! — весело ответил Карасик. —
Но с Андрюхой, значит, повидаюсь!

Наутро, за несколько минут до подъема, дневальный разбудил взводного.

— Товарищ старший лейтенант, ротный сказал, что вы сегодня ответственный.

— Да? — Карасик сел на кровати, потирая глаза. — Ну, что ж, буди заместителей командиров взводов.

И началось... Бегая от палатки к палатке, он переворачивал кровати не желавших просыпаться дембелей. Когда рота вышла, наконец, на зарядку, нервы у него были уже на пределе.

— Становись! — зло скомандовал он. Но, посмотрев на угрюмые лица дембелей, неожиданно улыбнулся, рассказал короткий анекдот. Засмеялись.

Подошел начальник инженерной службы.

— Отставить зарядку! Все на уборку территории, приезжает комиссия... Уборщики в палатках, выйти из строя!

Оглядев вышедших из строя, начинж покачал головой и повернулся к Карасику:

— Вот, пожалуйста — в палатках каждый день убирают одни и те же люди, молодые солдаты. А это что у вас? — он подошел к рядовому Зайцу. Тот потрогал синяк под глазом, потоптался.

— Упал вчера...

— Ну-ну... — Начинж посмотрел на Карасика. — Объяснительные мне сегодня вечером представить. И график уборщиков чтоб висел в палатке!

...Утренний осмотр, затем завтрак — с тщательным наблюдением, чтобы сахар и масло достались всем, в том числе и молодым, уборка столов... К полковому утреннему разводу Карасик был уже взмылен — а впереди еще целый рабочий день.

На разводе поступила давно ожидаемая команда: "Готовиться к боевым действиям!" Подготовительный ажиотаж начался.

К обеду в штаб прибыли офицеры из отдельного инженерно-саперного батальона. Задачей полка было прикрыть их работу по минированию правого берега реки Герируд. "Там и Матеш, наверно!" — подумал Карасик и, сославшись на неотложное дело в штабе, поспешил туда, слегка волнуясь от нахлынувших курсантских воспоминаний. Но Матеша там не оказалось. Узнав от офицеров саперного батальона, что его однокашник прибудет непосредственно в зону минирования, Карасик решительно направился в класс, где находилось дивизионное начальство.

— Мне разрешите в минировании участвовать? — обратился он к начальнику инженерной службы дивизии подполковнику Огоднийчуку.

Седой, сухощавый подполковник усмехнулся:

— Решил, что без тебя не управятся? — Он подумал, кивнул головой. — А впрочем, смысл есть, это зона ответственности полка. Пойдешь наблюдателем, чтобы лично знал это минное поле.

Колонна вышла рано утром. Бронетранспортер Карасика шел в середине. Не доходя до Гератского моста, свернули на проселочную дорогу. Орудия растянулись вдоль русла реки Герируд, нацелившись на "зеленку", и саперы принялись за работу. Карасик поставил свой БТР в русле реки, метрах в ста от поворота с дороги на старый Гератский мост, и с заместителем комбата капитаном Кэмблом от-

правился на берег, где саперы начали устанавливать противопехотное минное поле.

— Слушай, — удивленно сказал Карасик Кэмблу. — Вы что, вот этими минами будете устанавливать заграждение?

— Конечно.

— Ой, не могу! Да, по-моему, Порт-Артур в тысяча девятьсот четвертом году был прикрыт более современными!.. Их же снимет любой ребенок! А подорваться на них может только коза или ишак.

— Не умничай! — буркнул Кэмбл. Он подошел к солдатам: — Давайте-ка получше маскируйте проволочные растяжки, а то действительно видно издалека.

— А чем маскировать? — сержант, который вставлял взрыватели, выпрямился. — Травы нет. И дальше, шеф сказал, по руслу идти, так что я, товарищ капитан, и смысла не вижу в этом минировании.

Карасик посмотрел, как работают расчеты, и вернулся к своему БТРу.

— Справятся без нас, будем пока загорать. На связи находиться постоянно, а то зевнем какую-нибудь вводную.

Мимо проходил БТР саперного батальона. Офицер помахал Карасику рукой:

— Это ты искал капитана Матеша? Через полчаса его БТР будет здесь, так что встретитесь!

Карасик поудобнее уселся на броне и стал наблюдать за дорогой, которая вела к мосту. С Андреем они так ни разу и не виделись с 1973 года, когда их выпуск, получив лейтенантские погоны, разъехался по округам и группам войск. На всю дивизию их здесь только двое — со второго батальона курсантов. Да, тринадцать лет прошло... А Андрей в карьере тоже не слишком-то опередил Карасика. Им обоим по выслуге пора бы уже в подполковниках ходить. Тоже, наверно, начальству не потрафил... Ладно, выясним скоро! Урвем, небось, часок-другой поболтать по душам, стопарь опрокинуть. Ради такого случая Карасик с вечера сходил к старшине, заполнил фляжку.

Наконец-то показался БТР. "Андрей!"

Александр поспешно вышел на связь: "Я Карасик на малой коробке номер четыреста семьдесят пять, привет, не проскочи мимо!"

— Какой такой Карасик?... — послышался в наушниках веселый голос. — Шурка, что ли? А-а, бродяга! Привет! Не бойсь, не проскочи!..

Карасик широко улыбнулся, снял шлемофон и, не отрывая глаз от дороги, стал нашаривать в кармане сигареты. Сейчас БТР свернет возле моста... Эх, и поболтаем!

БТР свернул к реке и... закрылся страшным черным кустом. Улыбка застыла на лице Карасика. Хлестанул по ушам, пронизал насквозь ужасный грохот...

Когда оцепенение прошло, он рванулся к командирскому люку:

— Заводи! Вперед!

Но по связи уже гремел голос командира полка: "Всем стоять! Никому не двигаться!"

На связь вышли подорвавшиеся: "У нас раненые, один тяжело, оказываю помощь..." — Это ответил доктор, который был в бронетранспортере с Матешом.

К подорвавшемуся БТРу подъехал капитан Кэмбл, и в эфире послышался его взволнованный голос: "Вертолет, нужен вертолет! Срочно! Люди нуждаются в помощи. Командир роты тяжело ра-

нен в голову!” Ему ответил командир полка: “Высылаю танк с тралом, больше никаких движений без трала, никаких, я приказываю!”

— Но им нужна срочная помощь! — торопливо кричал Кэмбл. — Разрешите, я попробую осторожно продвинуться к дороге, тут несколько метров!..

— Нет! — командир полка был категоричен. — Без трала не двигаться, доктор идет к вам вместе с танком.

— Да есть здесь доктор! — Кэмбл нервничал. — Он ранен, но в состоянии оказывать медицинскую помощь. Он говорит, нужна срочная операция... Все, вижу трал, начинаю эвакуировать раненых...

Карасик сидел ошеломленный, не в силах поверить во все то, что происходило на его глазах. “Андрей ранен... И во имя чего? Этой пародии на минирование?..”

Поступила команда выходить на следующий рубеж. Не хватало мин закрыть заданный участок, и начальник инженерной службы дивизии принял решение устанавливать мины в один ряд.

“Десятки машин прошли по этой дороге, — размышлял Карасик. — Почему же БТР нарвался на фугас?” — в том, что это был именно фугас, Александр не сомневался: от мины взрыв был бы меньше. — “А может, управляемый?... Видимо, так...”

К вечеру задача была выполнена, и колонна возвращалась в Герат. Оглянувшись с тяжелым сердцем на то место, где произошел взрыв, Карасик подумал: “Надо узнать, в какой госпиталь направили Андрея, и навестить его...”

Через несколько дней он узнал, что командир роты капитан Матеш умер в вертолете.

Поступило сообщение, что предстоит очистить “зеленку” за Гератским мостом, взорвать дувалы, которые подходят близко к дороге, — в общем, обезопасить этот участок и взять под контроль.

— Диверсии на трубопроводе со стороны мятежников должны быть прекращены! — с такой вводной начал служебное совещание командир полка майор Лапшин.

Потом у себя в палатке собрал офицеров и прапорщиков роты капитан Мазов.

— На боевые выходим я и Карасик. Больше, думаю, командиров не понадобится.

— Мне тоже надо бы! — подал голос Сан Саныч и, видя, что Мазов собирается ему отказать, хмуро продолжил. — Вон, в разведроту командир всегда берет замполита на боевые!

— Ладно, пойдешь, — сказал Мазов с явной неохотой.

...Ночью, лежа в кровати, Сан Саныч возмущался:

— Постоянно ротный сам выходит на боевые. Даже когда здесь в два—три раза больше людей остается!

— Дело-то ясное! — звучно зевнув, ответил Карасик. — Здесь же надо решать кучу вопросов — и бытовое обеспечение, и наряды, и разбирательства всякие... Да, кстати, — он завозился, поправляя одеяло. — На насосную надо почаще заглядывать, не нравится мне, что туда ныряют молодые солдаты: наверно, форму стирают старикам... А впрочем, это дохлый номер: выловишь там — будут стирать в другом месте.

— Тише, солдаты слышат.

— Черт! Нельзя даже поболтать по-человечески с этим дурацким приказом. Скоро не то что спать рядом, а и в сортир их водить будем.

Карасик отвернулся, уткнувшись в подушку, в голову сразу полезли воспоминания о доме. Как хорошо было! Придешь домой, помоешься, поужинаешь с женой и сыном, телевизор посмотришь, потом ляжешь в чистую, без вшей, постель, к жене под бок... Да, мало кто в Союзе понимает, как там хорошо! А впереди еще долгие—долгие дни и месяцы...

Сан Саныч тихо захрапел, а Карасику не спалось. Он оделся и вышел наружу. Время от времени тяжело ухала артиллерия, дневальный с автоматом, в бронежилете и каске, прохаживался между палатками. Огромные звезды на темном небе казались нарисованными. В палатке старшины горел свет. Карасик постучал. Прапорщик Дервянко открыл дверь: “Не спится?”

В палатке из досок была сделана комната, обтянутая белой тканью, настоящая комната, с потолком, с дверью. По потолку шуршали мыши, но все же помещение было самым уютным в роте. Старшина перекладывал что-то в чемоданах: готовился к замене. А чтобы заменщик не застал врасплох, в углу уже стояли наготове две фляги с самодельным вином.

— Послушай музыку, а я сейчас налью по кружке, — сказал старшина, — попробуй, что получилось. Да и уснешь быстрее.

В дверь постучали. Карасик быстро спрятал кружки. В комнату ввалился Санька Куликов.

— Что, брагульник жрете, а меня не пригласили?..

Просидели до глубокой ночи, слушая Санькин треп: Он рассказывал, как полк начинал обустриваться на этом месте.

— Голая пустыня была, все сами построили. Саперам особенно досталось. Две землеройные машины и экскаватор угрохали. А убежище возле палаток отрывали вручную... — Санька усмехнулся. — Сарычев там брезент и ЗИП прячет. Надо бы это все убрать в землянку в инженерном городке. А то проверят — опять море визга будет, что убежище захламлено.

— Я заглядывал в ту землянку, — сказал Карасик. — Там все патронами завалено: и в цинках, и целыми ящиками. Они что — боевые?

— Здрасьте! А откуда здесь учебные? На склад-то неохота сдавать. Так проще: когда надо — взял, без канители, без писанины. Конечно, если начальство, не дай бог, нос сунет...

— Слушай! — вспомнил вдруг Карасик. — А что это комполка всю дорогу говорит: не суйте нос куда не надо, хватит на полк одного летчика. Что это за летчик?

— А! — оживился Куликов. — Это ж был и смех и грех. Как-то самолет афганский оттащили с летного поля в пустыню, возле заставы. Ну, а командир второй роты решил его обследовать. Залез. Что он там нажал или крутанул, никто не знает, но представь себе — срабатывает катапульта, он вместе с креслом вылетает из самолета — и хрясь об землю! Увезли бедолагу в Союз всего переломанного! — Санька рассмеялся. — Представляешь картину?

— Представляю! — Карасик кивнул. — Человека покалечило, а ты ржешь, как лошадь.

— Да че там! — Санька вздохнул. — Все мы тут так. Сегодня ходишь, а завтра... Давай, что ли, на посошок? Да поспать немного.

Привычно запрыгнув на БТР, Карасик уселся поудобнее, поближе к люку, поправив под собой подушку, вошел в связь.

Настроение было тревожно-торжественным. Выход полка на боевые, как и возвращение, — самые незабываемые моменты в полевой жизни. Позади строевые смотры с мелкими придирками, бесконечные построения... Оглянувшись назад, Карасик увидел, как постепенно техника вытягивается в гигантскую “бронезмею”. Когда дорога проверена, можно и расслабиться. Поглядывая по сторонам, он вполголоса напевал одну из афганских песен:

Мы выходим на рассвете,
Над Пандшером дует ветер,
Раздувая наши флаги до небес.
Только пыль стоит над нами
И клубится под ногами,
И родной АКМС — наперевес.

За Гератским мостом свернули налево и остановились. Ротный ушел получать задание. Сан Саныч уселся рядом с Карасиком.

— Смотри, сарбосы подтягивают артиллерию. А вот и пропагандистская машина подошла, — он указал на машину с огромным репродуктором.

— Что — концерт по заявкам для “духов” будет? — пошутил Карасик.

Мощный голос из репродуктора далеко разносился вокруг. Не прошло и часа, как из “зеленки”, из кишлаков, к войскам потянулись местные жители. Женщины, закутанные в паранджу, с узлами и маленькими детьми на руках, седобородые старики в окружении многочисленных ребятишек разместились на полянке за орудиями. Мимо Карасика прошла женщина с ребенком, который испуганно таращил глаза. У Александра защемило сердце: вот и его дети где-то далеко, оторваны от отца. Ну, а туда, где находится отец этого малыша, через несколько минут полетят наши снаряды. А он сосет сахар, который дал ему наш солдат...

Группа наших и афганских офицеров подошла к жителям. О чем-то там они поговорили, и афганский офицер махнул своим сарбосам.

Заработала артиллерия.

“Хорошо, что обстрел ведут не наши, а афганские войска”, — подумал Карасик, но это было слабым утешением, ведь летели снаряды, изготовленные в Союзе. Он старался не смотреть в сторону этих людей, у которых там, где рвутся снаряды, остались мужья, сыновья, отцы... “Скорей бы закончили обстрел, ишь разошлись!” — со злостью подумал он, поймав себя на мысли, что сочувствует тем, кто остался в “зеленке”, и еще подумал, что “особисту” его мысли вряд ли понравились бы.

— Сейчас будут очищать все, — Сан Саныч указал в сторону “зеленки”. — Достанется и виноградникам. А жаль, виноград только стал поспевать.

— А что, у них тоже вышло постановление о борьбе с пьянством?

— Не-е, им спиртного Коран не позволяет. А вот “чарс” они курят, и старый и малый...

Своей неторопливой походкой подошел ротный Мазов, не спеша залез на БТР, закурил сигарету и

молча уставился в сторону “зеленки”. Карасик с Сан Санычем переглянулись.

— Сейчас начнутся трудные роды по выдаче информации, — громко сказал Карасик. Мазов улыбнулся:

— Роды как роды... Задача у нас простая: взрывным способом очистить дувалы, мешающие обзору с застав.

— Столько лет не мешали, а теперь вдруг стали мешать?..

Саперы принялись за работу. Карасик, вставив в рот целый ряд спичек, подмигнул, поигрывая коробком:

— Приготовиться! Огонь!

Сан Саныч и Мазов подождгли первый шнур, второй... пятый. Все!

Подбежали к машине и укрылись за броней. Только Карасик что-то замешкался.

— Что за черт! — выругался Мазов. — Вот-вот рванет, а он где-то копается! Поджечь шнуры, что ли, не может?..

Наконец, рядом плюхнулся взводный. Раздался взрыв, второй, третий... Пятнадцать запланированных взрывов прогремело, и Сан Саныч вылез из-под машины.

— Назад! — заорал Карасик, но Сан Саныч двинулся к дувалам.

Грохнул взрыв. Одним прыжком замполит сиганул за машину. Последовало еще четыре взрыва.

— Ты что?! — Сан Саныч аж задохнулся от злости. — Остальные шнуры поджег?

— А что? — хмыкнул Карасик. — Зато разом рванули — не надо бегать лишний раз!

— Не бегать?.. А разведчики? Они ведь знают, что после пятнадцатого взрыва можно выходить!.. Ты... ты о чем думал?

К счастью, все обошлось, никто не пострадал, хотя разведчики и струхнули немного. А ротный угрюмо посмотрел на Карасика, процедил сквозь зубы: “Думать надо, Шурка, а не лихачить”.

Вечером — домой. БТР тормознул у насосной, Сан Саныч со взводным спрыгнули и пошли к палаткам. Карасик подавленно молчал. Замполит покосился на него, усмехнулся:

— Эй! А как насчет того, чтобы хлопнуть по кружке вина?

— Да... неплохо бы! — Карасик поглядел на Сан Саныча с явным облегчением. — Только немного, а то завтра выезжать.

В канцелярии накрыли стол, на который старшина водрузил термос с самодельным вином.

— За укрепление воинской дисциплины! — провозгласил ротный и торжественно осушил кружку. Карасик сделал несколько глотков и остановился, краем глаза заметив, что Сан Саныч выпил с трудом и поморщился. Не успел старшина разлить по второй, как в палатку влетел Санька Куликов.

— Ого! Я, как всегда, вовремя! — хохотнул он, снимая с рукава повязку помощника дежурного по полку. — У меня в запасе четыре часа отдыха!

— Мне хватит, — заявил Сан Саныч и стал прощаться. Поднялся и Карасик. Они вышли из палатки. Звезды уже густо высыпали на черном небе. Дневальный, заметив офицеров, метнулся и замер под грибочком, сжимая автомат.

— Я-то от болезни еще не оклемался, — заметил Сан Саныч. — А ты что ушел?

— Не лезет что-то, — Карасик махнул рукой.

— А меня, слышь, Куликов поражает! — засмеялся Сан Саныч. — Сколько бы ни пил — всегда остается трезвым...

Подъем был рано — и так не хотелось вылезать из-под теплого одеяла!.. Но вот группа, выезжавшая на боевые, построилась. Замполит и взводный проверили экипировку, дали команду на посадку в машины, а сами отправились в командирскую палатку.

Зайдя — обалдели. Ротный и старшина, уткнувшись головами в стол, сладко сопели. На энергичные встряхивания не отреагировали. Куликова в палатке не было.

— Тому хоть ведро, все равно не свалится! — Сан Саныч махнул рукой — и снова начал трясти то одного, то другого.

— До утра сидели, не иначе! — Карасик постучал по пустому термосу.

Перетащив два тела, еле-еле подававших признаки жизни, в палатку старшины, офицеры бросились по машинам. Как раз успели занять место в колонне, доложить, что все в порядке...

К счастью, никто не спрашивал ротного. С работой на боевых Карасик справился успешно. Но, когда возвращались в городок, командир полка вызвал взводного: “Где Мазов?”

— Заболел, товарищ майор!

— Врешь! По радиостанции поступила другая информация.

Всю дорогу до городка Карасик и замполит ломали голову — как же ротный “залетел”?

Зашли в канцелярию. Мазов сидел, обхватив голову руками, и сосредоточенно смотрел в угол. Старшина вяло переключал книги из одной стопки в другую. Куликов расхаживал по палатке.

— Что же вы меня не загрузили в БТР? — сразу спросил Мазов у замполита.

— Так... мы думали, тебе лучше отоспаться в укромном уголке! — Сан Саныч развел руками. — В машине могли бы и застукать!

— Застукали с успехом и здесь! — ротный зло сплюнул. — Расскажи им, Куликов.

— А че рассказывать? — Куликов усмехнулся. — Добили мы эту посуду, — он кивнул на термос, — я пошел в штаб — и налетел на замкомандира. Он меня снял с наряда, а парторг Куксин тут как тут: “Где пил? С кем?” Ну, и взломали они дверь в кладовой у старшины, а там картина ясная... Саньку, — он кивнул на ротного, — пообещали привлечь к партийной ответственности. А мое представление на Красную Звезду комполка порвал. Говорит, считай, что ты его пропил.

Куликов вздохнул и сел на кровать рядом с ротным.

Тягостное молчание прервал замполит:

— Ничего, Николаевич, как-нибудь выкрутимся... Давай-ка сразу подготовимся. Будем давить на выговор без занесения в учетную карточку. Ты не против?

Ротный безнадежно помотал головой:

— Этот номер не пройдет. Не только парторг, но и замполит полка грозит исключением из партии. А значит, и с ротного снимут, это как пить дать... Ладно, хватит киснуть! — он вдруг хлопнул ладонью по столу. — Сгоняем “шеш-беш”?

И достал нарды.

Играли на вылет: кто проиграл — выходил из игры, садился следующий. Постепенно игра захва-

тила всех. Развеселившийся Карасик спросил у старшины:

— А где второй бидон? Может, похмелимся?

— Уже похмелились! — ответил старшина. — Куксин все вылил на пол. Сейчас проветриваю, но — бесполезно. Вонь стоит — жуть. Не знаю, как спать буду...

Командный пункт полка расположился в удобном месте, на высоте. С нее просматривались кишлаки, которые со всех сторон блокировали наши и афганские войска.

— Танкер! Я Зенит! Проверь высоты! — координировал действия саперов подполковник Авдюшев: он был старшим в этой операции.

Карасик на своем БТРе мотался по “блоку” — то есть по району, который занимали войска.

Невдалеке лопнул воздух. “Подрыв!” Карасик увидел, как у подножия высоты от одного из бронетранспортеров поднялось черное облако. “Торопятся все! — разозлился он. — Лезут какого-то черта, не дают даже проверить толком, им бы только занять позиции...”

А эфир уже раскалился: “Танкер! Танкер... твою мать! Быстро проверь маршрут, надо эвакуировать раненого!”

— Танкер понял, начинаю работу! — Карасик снял шлемофон, повернулся к экипажу. — Игорь, будь на связи, остальным с миноискателями прощупать капитально маршрут, а я с Андреем пробегусь по-быстрому до подрыва.

Навстречу, от подорванного бронетранспортера, спускались с горы солдаты с прапорщиком Черезовым. На носилках, покачивая окровавленной головой и что-то мыча, лежал раненый. “У него еще и перелом ноги, — сказал прапорщик. — А остальные не пострадали, находились на броне. Хорошо, что и пулеметчик был наверху...”

— Товарищ старший лейтенант! — послышалось снизу. — Тут подозрительное место, поглядите!

Карасик спустился к окликнувшему его солдату. В старой колее, между следами колес, была видна небольшая впадина квадратной формы.

— Молоток! — Карасик похлопал солдата по плечу. — Наблюдательный! Надо тебя из пехоты в саперы забрать... А сейчас скажи остальным, пусть спрячутся за БТРом.

Осторожно сняв верхний слой земли из просевшего квадрата, Карасик стал рассматривать верхнюю часть взрывного устройства. Это была мина песочного цвета, американская, но изготовленная в Иране, за свою квадратную плоскую форму прозванная здесь “дипломатом”. Его внимание привлекло то, что на корпусе были отштампованы арабские буквы. “Интересно, что тут такое написано?”

Однако вытаскивать ее он не решился: начинку узнает — добра не жди. Вытащил карандаш, блокнот и тщательно скопировал арабские буквы.

Возле БТРа саперов остановилась машина с афганцами. “Ну вот и кстати! — подумал Карасик. — Там переводчик должен быть”. Положив на мину 400-граммовую шашку, он поджег огнепроводный шнур и направился к машинам, делая руками знаки, чтобы все попрятались в укрытие.

Дрогнула земля от взрыва. Готово...

Подойдя к БТРу, Карасик увидел переводчика, протянул ему блокнот:

— Разберешь?

Переводчик прочитал, усмехнулся.

— Говоришь, промышленным способом отштамповано? Ну, черти, не лишены чувства юмора... А написано тут: "Привет Народно-демократической партии Афганистана от Исламской иранской партии"...

С рассветом двинулись в глубь территории по сухому руслу. Впереди шел танк с тралом, за ним БТР саперов. Ротный передал шлемофон Карасику, а сам спустился на командирское кресло. Неожиданно поступила вводная: "Всем срочно разворачиваться — и на обратный курс". Ответив по связи: "Танкер понял!", — Карасик дал механику-водителю команду разворачиваться. Ротный недоуменно высунулся из люка:

— Что случилось?

— А черт его знает. Приказано выходить на бетонку.

Позднее узнали, что Туран Исмаил полностью захватил Герат. Поэтому запланированные действия отменялись — и их полк, и соседний перебрасывались на подмогу сарбосам.

...Штурмовать восточный Герат не пришлось. Узнав, что два полка подтягиваются к городу, мятежники оставили захваченный район без боя. Они успели разрушить только один дуكان — очевидно, дукащик не поделился своей выручкой или не проявил должного почтения к моджахедам.

Тем не менее западный, "духовский" район Герата было приказано блокировать. Работала авиация, артиллерия.

Одна из наших самоходок вела огонь по "духовским" кварталам, как вдруг из люков выскочил экипаж и с криком: "Ховайсь!" — бросился от орудия. Мощный взрыв сорвал башню самоходки и отшвырнул ее далеко в сторону. Командир дивизии срочно потребовал объяснений по этому поводу. Оказалось, что самоходчики лишней порох бросали прямо на пол в башне, а кому-то приспичило покурить... Орудие разлетелось на куски, хорошо, что никто не пострадал. Когда командиру батареи сообщили, сколько с него собираются высчитать за самоходку, он присвистнул: "Ну, мужики, придется теперь всю жизнь платить!"

Но обошлось: списали на боевые потери...

Вечером командный пункт прибыл на южную окраину Герата. Ротный Мазов убыл в полк, а Карасик со взводом остался в распоряжении подполковника Авдюшева. Пока саперы и разведчики отрывали окопы для укрытия людей и техники, Карасик разговорился с командиром разведвзвода. Он оказался родом из Хабаровска, почти земляк. До поздней ночи сидели, вспоминали родные места...

Утром, умываясь, Карасик уловил вкусный запах, который шел от штабной машины. Приглядевшись, увидел, что связисты жарят на противне пирожки. "А у наших саперов давно мука кончилась. Надо что-то придумать!.. Идея! Сегодня же День Конституции!"

Он нырнул в БТР, достал сигнальную ракету, красивым каллиграфическим почерком вывел: "Подполковнику Авдюшеву в День Конституции СССР" — и отправился к штабной машине.

— Товарищ подполковник! Разрешите в честь праздника преподнести вам вот это! — и протянул ракету.

Подполковник прочитал надпись и покачал головой.

— Ну, спасибо! А знаешь, я ее сохраню. Может, через несколько лет ты эту ракету в музее увидишь, а, старлей?

— Вполне возможно! А теперь, товарищ подполковник, угощайте пирожками. И пару сигарет, для полного счастья!

— А ты деловой! — рассмеялся Авдюшев. — Ладно, жуй!.. Вот и сигареты. Бери уж всю пачку, скоро доктор подъедет, привезет почту и курево.

Пирожки были объедение.

— Слушай, — сказал подполковник, — а чем это там твои саперы занимаются?

— Из разрушенного домика блиндаж делают.

— Молодцы, хорошо придумали! Будет моим запасным командным пунктом.

Карасик едва не подавился пирожком. "Вот дурак, напросился!.."

Под вечер прибыл доктор, и Карасик помчался к санитарной машине. Тут же стал распечатывать конверты, и на треск разорвавшейся неподалеку мины не обратил внимания... Дверь в будку санитарной машины распахнулась, и два солдата ввели лейтенанта-минометчика, который обхватил ладонями лицо. Между пальцами сочилась кровь, почему-то красно-желтого цвета.

— Все, доктор, — прошептал он побелевшими губами, — я убит.

Убрав руки с лица, медленно опустился на колени.

Карасик, застывший на месте с письмом в руках, не мог отвести взгляда от лица офицера. Вместо лба пульсировала кровавая масса. Врач уложил лейтенанта на носилки, что-то крикнул Карасику, но тот не понял. Сержант тряхнул его за плечо: "Освободите машину, мы уезжаем!" Карасик вышел и увидел Авдюшева, который спешил к ним.

— Будешь сопровождать доктора, заводи свой БТР! — бросил он на ходу и скрылся за дверью машины...

Но довести не успели. Лейтенант умер.

НА ГРАНИЦЕ С СОЮЗОМ

Вернувшись с очередного разминирования, Карасик явился в палатку ротного и там, между прочим, услышал новость. Командир технического взвода Санька Куликов готовит две машины — тащить на ремонт в Туругунди.

— Счастливый! Хоть издали посмотрит на Союз! — вздохнул Карасик. — Там, я слышал, женщин много работает...

— Женщины там есть, — усмехнулся бывавший в Туругунди Игорь Крымский. — Но ты не знаешь, сколько они стоят. Это по карману только начальнику склада или, на худой конец, замполиту.

Вечером в палатку ротного из парка пришли счастливчик Куликов с прапорщиком Сарычевым. Сели расписывать преферанс и просидели до глубокой ночи.

— Завтра отоспишься! — остановил Карасика Крымский, когда тот намекнул, что пора бы и честь знать.

...Сигнал тревоги прозвучал в тот момент, когда Карасик, сладко вытянувшись под одеялом, стал засыпать. В палатку вбежал дневальный:

— Группа пятнадцатиминутной готовности, на выезд!

— В чем дело? — Карасик приподнялся на кровати.

— Диверсия на трубопроводе!

— Водителя в парк! — крикнул Карасик, рывком соскочив с кровати. — Ротного не буди! — бросил он в спину дневальному, надевая бронежилет и пристегивая спаренный магазин к автомату. — Сами справимся...

Оперативный дежурный полка подвел взводного к карте, наклеенной на стену и прикрытой шторками.

— Вот в этом районе, не доезжая Герата, взорван трубопровод. Трубопроводчики уже на месте, ждут саперов, давай!..

Выскочив из штаба, Карасик увидел, как из парка, светя фарами, выезжают машины. Это выходили БТРы саперного взвода и прикрытые в составе мотострелкового взвода. “Оперативно!” — удовлетворенно подумал он, запрыгнул на машину, надел шлемофон...

На месте пожара крутился Юрка-трубопроводчик, с которым они познакомились на охране моста.

— Наконец-то! — воскликнул он, увидев Карасика. — Вас не дожدهшься!

— Во-первых, здравствуй, а во-вторых, мы прилетели сразу после сигнала, а вот как вы звонили и откуда — это еще надо разобраться...

Разделившись на группы, саперный взвод осмотрел район подрыва. Мин не обнаружили. Карасик закурил.

— Может, обстреляем вокруг? — предложил командир мотострелкового взвода.

— Успокойся! — Карасик махнул рукой.

Трубопроводчики между тем подтянули трубы, принялись за работу. Карасик затоптал окурок, повернулся к своим саперам:

— Поехали домой, ребята...

“Когда же это кончится?” — вдруг подумал он.

На следующий день Карасик подошел к Куликову:

— Чем машины тянуть думаешь?

— Один “Урал” возьму у тебя, а второй — у Крымского.

— Здорово! — хмыкнул Карасик. — Это кто же придумал новые машины использовать? К тому же их еще надо обкатать без нагрузки. Да и “Урал” у меня что-то греется: на прошлых боевых возил тралы — и вот результат!.. Угробишь машины к чертовой матери.

— Ты на меня-то не волоки. Начальство решило.

Карасик выругался в сердцах, сплюнул. Помолчав, вздохнул:

— Ну, тогда давай хоть помаракуем, как лучше тянуть, чтоб не развалились по дороге.

Они закурили. Замолчали, уставившись в землю.

— Слышь! — заговорил Куликов. — А может, поговорить с шефом, чтобы и ты поехал? Вдвоем то оно бы надежнее...

— Неплохо бы. А он не заартачится?..

...Но начальник инженерной службы полка дал добро — и офицеры повеселели.

Два тягача, таща на буксире машины, медленно ползли на север. Герат прошли нормально, но

за городом, возле заставы, оторвался буксир. Пришлось немного повозиться, и снова вперед. Перед перевалом Рабати-Мирза сделали остановку.

— Ну, что, Санька, — сказал Карасик. — Как перевал штурмовать будем?

— Как ехали, так и дальше покатим. А если почувствуем, что одна машина не потянет — тащим двумя тягачами, по очереди. Лады?

— Попробуем.

Первым на перевал пополз “Урал” рядового Карнуты. На приличном расстоянии шел Карасик со своими машинами.

— Не спеши! — командовал он своему водителю. — Потихоньку, Степан!

Степан Павлюх понимающе кивал. После второго поворота стрелка указателя температуры поползла вправо, к критической отметке. Павлюх растерянно взглянул на взводного: останавливаться было нельзя — и дальше ехать в таком режиме опасно.

Карасик снял автомат, бронежилет, каску, на ходу переполз на крыло машины и поднял капот. Двигатель парил. Взяв с крыла канистру, он стал доливать воду в радиатор. Кипящие брызги жгли лицо, но мысли были о другом: “Скорее бы кончился подъем, расселся тут на капоте без оружия, и ползем как черепахи, не хватало, чтобы какой-нибудь “дух” пальнул... Говорил же шеф: возьмите БТР для прикрытия — отказался, дурак: с колоннами проскочим!.. Вот и проскочили... А ну, как щас ударят...”

Когда показалась застава, Карасик облегченно вздохнул.

Перед шлагбаумами ждал Куликов с машинами.

— Не пускают без сопровождения, — пожаловался он. — Может, БТРы подойдут?..

К счастью, долго ждать не пришлось... Спуск прошли удачно. Впереди была ровная дорога до самой границы.

Подъезжая к Туругунди, Карасик с тоской смотрел на ряды колючей проволоки и вышки, четко выделявшиеся на песчаных сопках. За ними, за рекой, — родная земля... Оттуда, с Кушки, протянулась ниточка железной дороги, по которой шло снабжение Афганистана. Здесь же, в Туругунди, находилась крупнейшая база со складами, погрузочными площадками. Отсюда в Союз отправляли и разбитые машины, и трупы убитых...

Оттащив неисправную технику на приемный пункт, на исправной машине отправились в инженерный отдел базы оформлять документы. Пока Куликов возился с бумагами, Карасик от нечего делать направился не спеша в сторону продовольственных складов. Вдруг кто-то схватил его сзади и стиснул.

— Шурка! Ты как сюда попал?..

Карасик обернулся — и узнал старшего прапорщика Коновалова, с которым был знаком еще по Дальнему Востоку, да и в Ташкент они летели одним самолетом.

— Генка!.. А ты тут что?..

— Я-то? — Коновалов хохотнул. — Я служу здесь. Начальником продовольственного склада... Короче! Держи ключ от моей квартиры. Отдохни, пока я...

— Подожди, Ген... Я с товарищем. Для него место найдется?

— Шурка! Какой разговор!.. А ты загорел, как черт, да и похудел, но ничего, я тебя мигом откормлю. Надолго сюда?

— Не знаю. Как получится со сдачей машин.

— Да брось ты! “Со сдачей!..” Успеешь. — Надо и отдохнуть! — Щас — баньку сделаем... Ну, черт, и рад же я тебя видеть!.. Вон мой модуль — видишь? Короче, я часам к шести... Договорились?..

— Ты чего цветешь? — встретил Куликов Карасика. Узнав, в чем дело, обрадовался:

— Ну, тогда торопиться не будем, остаемся здесь на седьмое — тут и отпразднуем.

— На седьмое? Да это ж еще целая неделя! А не вздрючат нас за такую сдачу машин?

Куликов рассмеялся:

— А ты знаешь, сколько Крымский тут ошивался? Целых два месяца! Он БТР сдавал, который на mine подорвался...

— Это когда погиб рядовой Гужас?

— Да. Не повезло парню...

Они замолчали. Гужас был пулеметчиком, лег на днище под пулемет в БТРе и уснул. Когда зацепили мину, тряхнуло так, что у него оторвалось что-то там внутри. Не довезли. А остальные сидели в десантном отделении, только задницы себе поотбивали...

Оба закурили и одновременно посмотрели на север. Вот он, Союз, рукой подать. Хорошо видны дома Кушки, в которые сейчас возвращаются с работы люди. Дети встречают своих родителей, садятся с ними ужинать, а вечером отцы ложатся в постель со своими женами...

— Пойдем, — Карасик показал ключ. — Скоро Генка придет.

Поднялись в модуль. В фойе стоял бильярд.

— Сыграем? — Карасик взял кий и расставил шары.

— Я слабо играю, — отмахнулся Куликов.

— Да и я не ас. Стоняем разок...

Но сыграть не пришлось: влетел Генка. Познакомившись с Куликовым, махнул рукой:

— Такси ждет!

— Куда едем-то? — поинтересовался Карасик, запрыгивая в БТР.

— Куда обещал — в баню!

— А сколько на твоих? — прокричал Карасик. — У меня часы что-то забарахлили!

— Ну-ка, покажи! — Генка взял у него часы, глянул на них, хмыкнул — и с размаху швырнул на дорогу.

— Ты... с ума спрыгнул? — Карасик аж встал от возмущения. Генка засмеялся:

— Сейчас тормознем у дукана — выберешь себе японские. Какие понравятся!

Тормознув у дукана, Коновалов выскочил из БТРа — и скоро вернулся. Протянул Карасику японские часы с калькулятором.

— Нравятся?

— Ух ты-ы! Я о таких давно мечтал. Сколько с меня?

— Я те дам — сколько! Это мой бакшиш.

— Ну, спасибо! — Карасик с удовольствием примерил часы. — Богато вы тут живете.

— А ты думал!

Свернув с дороги, стали подниматься вверх по накатанной колее. Показалась застава артиллеристов, расположенная на самой вершине горы. Там Генку знали и встретили обрадованно. Приготови-

ли баню. После того, как они, распаренные, помолодевшие, уселись в беседке, накрытой маскировочной сетью, Коновалов стал открывать большие банки консервов. Карасик с Куликовым удивленно переглянулись. Чего тут только не было: и цыплята отварные, и язык говяжий, и паштеты всякие, и фарши...

— Это нам будут на боевых давать? — поинтересовался Карасик.

— Держи карман шире! — хмыкнул Генка. — Это для белых людей, Саня!..

Третий тост, в память о погибших, выпили, как повелось, молча. Карасик вспомнил своего однокашника капитана Матеша, с которым так и не пришлось встретиться, молодого лейтенанта минометчика, погибших на мосту саперов...

После третьего тоста уже велась оживленная беседа.

...Десять дней сдавали технику. Целых десять тихих дней. Собственно, крутился, оформляя документы, затаскивая машины на платформы, один Куликов, а Карасик то пропадал с Генкой на складе, то гонял бильярд в модуле. Но все-таки чаще старался попасть на склад, хоть издали полюбоваться Татьяной, которая оформляла там какие-то документы. Маленькая, стройная фигурка девушки, а особенно разрез платья на ее груди волновали его, но он никак не мог заговорить с ней. Огромные очки не только не портили лица, а наоборот, делали его еще привлекательнее.

И только в праздник, седьмого ноября, на дискотеке, Карасик пригласил девушку на танец. Он уже отвык от прикосновения женских рук, а от близости ее молодого тела замирала душа, внутри сладко прокатывалась теплая волна.

— Может, прогуляемся? — набравшись духу, сказал он.

— Нет, нет, что вы! Я еще танцевать хочу!

Карасик с ненавистью поглядывал на оркестр, который играл быстрые танцы. Наконец, заиграли вальс, и они закружились.

— А вы хорошо танцуете, — Татьяна посмотрела на него с некоторым интересом.

— А вам идут очки. Почему вы не носите их постоянно?

— Ой, что вы! Я в них похожа на стрекозу.

— Я очень люблю стрекоз, — выпалил он — и осекся, встретив настороженный взгляд. “Кажется, что-то не то брякнул. Теперь не согласится прогуляться”.

Но он ошибся. Из столовой, где проводилась дискотека, они вышли вместе. Здесь, на севере Афганистана, звезды не казались такими огромными. Они присели на скамейку летнего клуба. Из репродуктора слышалась песня ансамбля “Мираж”. Карасик нащупал в кармане ключ от свободной комнаты, который дал ему Генка. Вспомнились его слова: “Здесь за красивые глазки никто с тобой не пойдет. Даже на французскую косметику ни одна не клюнет. Им платья сафари подавай или пеньюар американский”. Естественно, ничего этого у Карасика не было, а если бы и было, то предложить все это Татьяне взамен на близость он все равно бы не решился. “Она не из таких”, — думал он, глядя на милый профиль девушки.

— Холодно что-то стало, — Татьяна передернула плечами. — Может, зайдем к нам?.. Только я зайду первая, посмотрю, нет ли коменданта.

Она вошла в модуль. Через минуту открылось окно.

— Давай сюда, пока никто не видит! — негромко позвала она.

В комнате Татьяны находилась еще одна девушка. Карасик назвался, но она в ответ только фыркнула и ушла, стрельнув взглядом.

— Сердитая, — проговорил он.

— Да нет... Они меня считают недотрогой и постоянно подтрунивают, а сами давно уже обзавелись мужьями... здесь.

— А что, здесь так много холостяков?

— Нет, что вы, в основном женатые, а женятся, если можно так назвать, на время пребывания, а по замене разбегаются. Но бывают и исключения: остаются, бросают настоящих жен, но это редко... Ну вот, я все сплетни уже выболтала, а даже чаю не предложила.

— Спасибо, я не хочу, да и поздно уже... А как здесь по-настоящему женятся?

— А вы жениться собрались? У вас там, на юге, кто-то есть?

— Где это — на юге?

— Ну, там, где вы служите.

Карасик улыбнулся.

— Я, так сказать, боевик, все по рейдам мотаюсь, в полку почти не нахожусь, так что это исключено.

— А вам не страшно? Ведь могут убить.

— Могут.

Неожиданно Татьяна приблизила свое лицо вплотную. Карасик с удивлением разглядел, что она не такая уж молодая, какой казалась раньше. Погладив его по волосам, она притянула его голову к груди. Стало жарко, и почему-то он почувствовал себя беспомощным ребенком. Платье соскользнуло с ее плеч, и он с исступлением стал целовать ее плечи, грудь. Дикий восторг, острая жалость — все перемешалось в душе. Такого чувства он еще не испытывал...

Вернувшись в свой модуль, он был встречен раздраженным ворчанием Саньки Куликова:

— Ну где тебя черти носят? Пора в полк, машины уже на ходу!..

Но, заметив глупую улыбку Карасика, он ожил:

— Трахнул кого-то? Ну-ка, рассказывай!

— Да брось ты!.. — Карасик поморщился. — Знаешь, я, кажется, влюбился. Кроме шуток, представь себе. Правда, мы с ней друг другу ничего не обещали...

Санька упал на кровать, задрогал ногами:

— Ой, не могу! Ой, держите, а то лопну со смеху!..

В комнату с большой сумкой вошел Коновалов.

— С праздником, мужики! Что-то у вас весело!

— Да вот этот кадр уморил, — Санька, утирая слезы, кивнул на Карасика.

— Ну вас к черту! — поспешно сказал Карасик. — Давай, Ген, выпьем по махонькой, да нам пора в дорогу...

— Ну и чем он тебя уморил? — обратился Генка к Куликову, прожевывая кусок мяса, от которого шел приятный острый запах. Карасик уже не рад был, что проболтался Куликову. Взяв кусочек мяса, спросил у Генки:

— А это что за зверь?

— А угадай!

— Ну, судя по нежному запаху, что-то молодое... Хотя я такого раньше пробовал. Верблюжонок?

— Нет.

— Тогда... да нет, на баранину или свинину не похоже.

— Ладно, не буду вас пытаться. Дикобраз.

— Что-о? — в один голос воскликнули Куликов и Карасик.

— А что, вам мясо не нравится?

— Да в общем ничего... Но если бы ты сразу сказал, я бы эту страхлюдину есть не стал! — сказал Куликов.

Когда, попрощавшись, они направились к выходу, Генка невинным тоном бросил вслед:

— Татьяне привет передать?

Карасик запнулся: "Уже знает!.. А впрочем, все равно..."

— Передай, что встретимся. Я буду здесь при первой возможности.

— Тогда бей машины! — хохотнул Генка, потом крякнул, подошел, обнял каждого, похлопал. — Живите, мужики. Я очень рад был. Не обижайтесь, если что не так... Живите! Надоело смотреть, как вас возят, как мясо, мужики...

— Ну что ты, Ген, — Карасик расчувствовался. — Все было здорово!..

Шагая к машинам, они оглянулись в сторону границы, где жила мирной жизнью Кушка.

— Помнишь армейскую присказку? "Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют"... — задумчиво сказал Карасик. — Нашли, значит, возможность послать и подальше...

ПРЕДСТАВИТЬ К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДЕ

Готовились к операции. Возглавлять ее должен был лично командир дивизии генерал-майор Учкин: видимо, заваруха ожидалась серьезная. С утра Карасик поспешил на совещание к комдиву. Вот уже несколько дней, как капитан Мазов убыл в отпуск, и Карасик исполнял обязанности ротного.

Генерал-майор Учкин разместил свой командный пункт в соседнем полку. Условия там для работы были лучше: полк этот за время своего пребывания успел отстроиться. Вместо палаток стояли модули, дороги были забетонированы, кругом росли деревца, которые добросовестно поливались каждое утро. Но самой большой гордостью полка был огромный бассейн.

Командир дивизии своей манерой поведения, аккуратно подогнанной формой, четкими фразами сразу понравился Карасику. Он с уважением глядел на генерала, хотя и не очень внимательно вслушивался в его слова, а впрочем, они не имели большого значения. Самое главное, опять завтра строевой смотр, который проводят офицеры дивизии... От свалившихся на него обязанностей командира роты и так голова шла кругом. А тут надо было готовить технику, подбирать людей к предстоящим боевым. Да еще этот смотр. Опять получать втык за неподшитые подворотнички, за то, что куда-то деваются котелки, фляжки... И в баньку бы надо успеть к автомобилистам, давненько не приходилось париться...

Как только совещание закончилось, Карасик быстренько смылся из класса — пока их шеф из

дивизии, начальник инженерной службы, не начал долго и нудно уточнять обстановку на завтра.

Однако сегодня органически не везло. По привычке надел шлемофон и включив радиостанцию, он услышал тревожный голос и насторожился.

“...В районе Гератского моста обнаружена на обочине противотанковая мина!..”

“Что же делать? — мелькнуло в голове. — Можно сделать вид, что не слышал, занят был. Мало ли, кроме меня, других саперов... А вдруг время не терпит?”

Подавив досаду, он дал команду поворачивать БТР на мост. Вошел в эфир: “Я — “Щуп”, выезжаю на место!” — и, перейдя на внутреннюю связь, подбодрил молодого механика-водителя:

— Давай, Акулов, жми веселее, мы нужны, а поэтому счастливы!

А про себя подумал: “Еще не вечер. Может, успею и в баньку”.

На мосту стояли боевые машины разведчиков, ожидая саперов. Казалось, вынужденная остановка разведку несколько не расстроила: наоборот, солдаты оживленно переговаривались с охраной моста, выявляя земляков. Только командир нервно прохаживался вдоль машин. Он обрадованно пожал Карасику руку и указал место, где находился заряд. Отправив всех в укрытие, Александр склонился над опасным местом. Это была противотанковая мина китайского производства.

“Что же с тобой, голуба, делать?..”

Согласно инструкции, ее необходимо было уничтожить на месте накладным зарядом. Но тогда будет поврежден трубопровод и часть дороги, поэтому нужно сначала предупредить трубопроводчиков, чтобы прекратили подачу топлива. И, тем не менее, пожара не избежать — а значит, еще и пожарников надо дожидаться... В общем, долгая история, разведчикам вряд ли понравится, да и трубопроводчики в восторге не будут...

“А если рискнуть?”

Стало не по себе. В случае неудачи мало того что разнесет на мелкие куски, а...

Он опустился на колени и стал медленно, осторожно, пальцами выгребать твердый, накатанный тысячами машин грунт из-под мины, придерживая ее другой рукой, чтобы не сдвинулась с места. “Хоть бы элемента неизвлекаемости не оказалось!” — вертелось в голове. По лицу струился пот, а ноги предательски подрагивали.

— Бои-ишься... — вполголоса приговаривал он, подбадривая себя. — Боишься — это хорошо, это нормально. Вот если перестанешь бояться, тогда ты не сапер, тогда можно списывать...

— А теперь попробуем выкрутить взрыватель! — сам себе скомандовал он, понимая, что из этого вряд ли что получится: вон как заржавел. Однако, на удивление, взрыватель, хоть и не без усилий, но поддавался... В кровь раздирая пальцы, Карасик снова стал подкапываться под мину, но твердый грунт поддавался плохо. Вдруг, от неосторожного движения, мина сдвинулась с места!

Он замер. Но взрыва не последовало...

Облизнув пересохшие губы, Карасик взял мину в руки и пошел прочь от дороги, выбирая воронку, где можно уничтожить эту смертоносную штуку.

Подошли солдаты.

— Все! — улыбнулся Карасик. — Наложите сверху тротилковую шашку и поджигайте шнур... Мы свою работу сделали, пускай разведка топает дальше.

Доложив по связи о выполнении задачи, Карасик взял курс на командный пункт дивизии.

У двери, где командир проводил совещание, Карасик замялся, не зная, что предпринять. Глянул на часы: до перерыва было еще далеко. “Пролечу с баней, как пить дать, пролечу, а когда еще придется помыться — неизвестно...” Приоткрыв дверь, он внимательно следил за тем, что делается в классе. Дождавшись, когда комдив отвернулся, Карасик прошмыгнул и сел рядом с начальником инженерной службы дивизии.

— Товарищ подполковник, мина обезврежена, разрешите убыть в полк? — шепотом доложил он.

— Не спеши, — Огородничук положил перед ним чистый лист бумаги. — Нарисуй, как она была установлена, и кратко опиши.

Вздохнув, Карасик набросал схему и протянул начальнику, нетерпеливо ерзая и поглядывая на часы. Начальник склонился над схемой.

— Трубопровод и дорогу сильно разнесло?

— Никак нет. Все цело. Ну, я пойду? Меня люди ждут.

— Нет, подожди. Это как понимать — “все цело”?

— Да я снял ее и грохнул в другом месте. Разрешите идти?

Взгляд подполковника не предвещал ничего хорошего — Карасик это понял сразу.

— Да ты... ты у меня знаешь куда пойдешь?! Вы... — перешел вдруг на официальный тон, — вы что самостоятельностью занимаетесь?... Мало таких умников гибнет?

Полковник, забывшись, повысил голос. Генерал повернулся в их сторону:

— В чем дело?

Подполковник с Карасиком встали.

“Ну, кажется, нарвался... — мелькнуло в голове у Карасика. — И черт меня дернул сегодня соваться в это дело!.. Вон сколько их приходилось снимать с диверсий на трубопроводах, помалкивал — и все было нормально. А сейчас вспомнят приказ по армии о запрещении снятия мин вручную”.

Выслушав рапорт подполковника, генерал обратился к Карасику:

— Вы, товарищ старший лейтенант, почему решили не взрывать мину на месте?

— Товарищ генерал-майор! — слегка заикаясь от волнения, начал Карасик. — Там рядом трубопровод шел, нужно было останавливать перекачку керосина, еще и дорогу бы разнесло... А также мост был бы поврежден.

Про мост он явно загнул, чтобы оправдаться по весомер.

— Вы лично обезвреживали мину или с солдатами?

— Извините, сам, товарищ генерал.

Наступила пауза. Офицеры управления прекратили работу и с интересом наблюдали за происходящим. Карасик отвел взгляд от подтянутого генерала... Теперь, значит, что? Отстранение от предстоящих боевых, убытие на гауптвахту...

Решение же генерал-майора Учкина было для Карасика как гром:

— Товарищ подполковник, прошу этого офицера представить к правительственной награде. Думаю, он заслужил орден Красной Звезды. Спасибо за службу, товарищ старший лейтенант!

...Обалдевший Карасик выскочил из класса и, забыв, что его ожидает машина на КПП, пошел в

полк пешком, напрямик, не замечая пыли, которую поднимал своими ботинками, и все повторял про себя: "Представить к правительственной..."

— Мы тебя замучились ждать, — недовольно встретили своего командира офицеры роты. — Где пропал?

— Прошу прощения, мужики. Дайте переодеться — и идем в баню.

— А ты что такой взбудораженный? — спросил замполит Сан Саныч.

— Все, Санек, можешь оформлять на меня представление. Комдив лично ходатайствовал...

— Да ну?.. Тогда с тебя причитается!

— За этим дело не станет...

Отдыхая после парилки, офицеры слушали рассказ Карасика, прерывая его хохотом: так забористо преподнес он события этого сумасшедшего дня. После очередного похода в парилку он почувствовал страшный приступ голода.

— Ребята, пожрать бы, а?

— А правда, пожрать бы надо... Эй! Старшину!

— Старшину-у!..

Когда расселись за столом в предбаннике, Игорь Крымский протянул Карасику доставленную старшиной фляжку:

— Банкуй, будущий кавалер! Да смотри замполита не обдели!

— Это точно! — кивнул Куликов. — Сан Санычу надо мозги смазать, чтобы ходатайство о представлении сочинил как следует!

— Что там сочинять, — сказал Карасик, однако, уважив просьбу масс, в стакан замполита налил щедро — Сан Саныч был вынужден даже придержать его руку:

— Стоп! Мальчики шутят... Хотя, конечно, ходатайство составлять — это дело тонкое. Тут надо покумекать.

— Не надо ничего кумекать! — махнул рукой Карасик. — Как было, так и пиши: мину снял, а генерал представил.

— Ишь, разогнался! — усмехнулся Сан Саныч. — "Генерал представил!"... Ну и что? А приказ по армии нарушен? Нарушен! Ты пойми, дурья твоя башка, за снятие этой мины вообще вряд ли пройдет представление. Скажи спасибо, что от губы увернулся.

— Так что ж теперь? — несколько растерялся Александр.

— А говорю — надо толково написать. У тебя сколько рейдов было?

— Ну... шесть.

— Вот так и напишем: "Гвардии старший лейтенант Карасик участвовал в шести рейдах". Так... Ага! — "Неоднократно выезжал на ликвидацию диверсий на трубопроводе, где лично снял и уничтожил десятки мин иностранных армий"... Что еще? Да! "Принимал участие в операции "Гранит" по выводу наших войск из Афганистана"... Ну, а в самом конце аккуратненько вставим: "Особое мужество проявил при снятии мины в районе Гератского моста, тем самым обеспечив пропуск войск и предотвратив пожар на трубопроводе".

— Лев Толстой! — ухмыльнулся Крымский.

...Веселую беседу за ужином прервал дневальный:

— Командиру роты срочно прибыть в штаб!

Дожевывая тушенку, Карасик стал поспешно одеваться.

В техклассе собрались командиры подразделений. Командир полка был краток. Приняв доклад о готовности к рейду, он подошел к карте:

— Наш полк блокирует Герат с юга. Сигнал о начале рейда может поступить с минуты на минуту...

КАНДАГАР

Мы в горы делаем бросок,
В желудке пусто, и во фляге пусто,
А на зубах скрипит песок,
Как будто ем я что-то с хрустом.
...Но, зубы сжав и автомат,
От пота вытерев лицо,
Шепчу себе, что путь назад
Свободен лишь для подлецов.

Из афганской песни Н. Кирженко.

Капитан Мазов пришел со служебного совещания командиров подразделений возбужденный и повеселевший.

— На Кандагар! — торжественно объявил он, когда все собрались в командирской палатке. — Ну, мужики, началась крупномасштабная армейская операция. Заменщики могут остаться, потому что вернуться можем ой как не скоро!..

Куликов и Крымский согласно кивнули, а Сан Саныч заявил:

— Вы как хотите, а я иду с ротой.

Началось самое неприятное, чего страшно не любил Карасик: подготовка к строевому смотру. Снова склеивание огромных карт, проверка экипировки солдат, устранение бардака, обычного что в Союзе, что в Афгане. Куда больше он любил подготовку техники. Хоть и приходилось с боем выбивать запчасти, но зато в парке боевых машин меньше отиралось начальство, и там можно было, урвав часок, посидеть спокойно с ребятами в будке машины, болтая "за жизнь" и лакомясь консервированным компотом или каким другим деликатесом из военторговского магазина.

Но вот, наконец, все позади...

Карасик, усевшись на броне своего БТРа и проверив связь, всматривался в темноту, где, светя сотнями фар, вытягивалась техника дивизии. Где-то впереди, в десятке километров отсюда, в голове колонны двигался отряд обеспечения дивизии, — а полки все выходили на бетонку. Вот прошел, гроыхая траками, танковый полк, за ним артиллерийский. Поднялась такая завеса пыли, что даже при свете фар невозможно было разглядеть дорогу.

Наконец прозвучала долгожданная команда: "Вперед!"

БТР дернулся и, пристроившись за машиной ротного, медленно пополз по полевой дороге к бетонке.

Рассветало. Контрольный пункт прошли, когда было уже совсем светло. Южнее Шинданда Карасик никогда не был, поэтому с интересом смотрел по сторонам. Когда прошли защитный пояс дивизии, состоящий из застав, расположенных одна от другой на расстоянии километра, показалась старинная крепость, сложенная из глины. "Вот бы покопаться в этих развалинах, — подумал Карасик. — Наверняка нашлась бы какая-нибудь средневековая вещица — какой-нибудь кувшин медный..."

Голоса в наушниках не смолкали ни на минуту. Карасик передал было шлемофон сержанту Баки-

еву, но в тишине долго проехать не смог, чувствовалась какая-то оторванность от всего, и он снова надел наушники.

Впереди показалась машина с будкой, стоящая на обочине. Это был ГАЗ-66 из взвода Карасика, официально являвшийся машиной для перевозки взрывателей и детонаторов, а неофициально — плюс к тому — походной спальней: в будке было оборудовано освещение, отопление, лежали постели.

— Что случилось? — спрыгнув с брони, Карасик подбежал к покуривавшему у машины старшине и водителю.

— Грется! — старшина кивнул на капот. — Сейчас остынет немного — и двинем.

— Ну, напугали вы меня! — облегченно вздохнул Карасик. — Смотрите, не подведите! Не дай бог лишиться таких “хором”!

Покурили, глядя на пронесившиеся мимо машины полка, и двинулись дальше. А после обеда на БТРе Карасика полетел привод редуктора вентилятора, и радиатор вышел из строя. Пришлось идти на одном двигателе.

После ночного привала взводный сам сел за руль, чтобы дать отдохнуть механику-водителю, который вместе с ремонтниками всю ночь провозился с двигателем. Утро было прохладным, поэтому Карасик задраил люк, включил отопитель и с удовольствием накручивал баранку, напевая вполголоса. Уж что-что, а возможность сесть за руль он не упускал никогда.

После обеда механик-водитель, выспавшись, сменил его, и Карасик занял свое обычное место — справа на броне, свесив ноги в люк.

Стоял февраль, и в Союзе ребяташки еще катались на лыжах и санках, а тут крестьяне уже пахали свои участки. Проезжая мимо одного такого пахаря, Карасик невольно засмеялся дикому для нас контрасту: пашет быками, да к тому же деревянной сохой — а на обочине стоит и заливается японский магнитофон новейшей марки, а поодаль — его же “Тойота”...

Колонна двигалась спокойно, почти как в Союзе на учениях, и только обгоревшие остовы машин на обочинах напоминали о том, что идет война. Да еще небольшие обелиски, наскоро сделанные из подручных материалов — иногда из нескольких труб, иногда в виде деревянного столбика, — обозначали места гибели наших парней, предостерегая об опасных участках дороги. И снова полезли в голову мысли о доме, об отпуске... Вот он сходит с поезда, его встречают жена, дети, он всех обнимает, и они идут вместе домой, а на груди у него орден...

Дорога пошла под уклон, показался огромный мост. Колонна пересекала реку Гельмент, которая несла свои воды в никуда. Трудно было поверить, что такая большая, широкая река теряется в песках где-то в Иране, так и не дойдя до моря. “Вот так и мы, — подумал Карасик. — Несемся, а куда — неизвестно, и у многих из нас как у этой реки, путь затеряется где-то в песках...”

— Товарищ старший лейтенант, смотрите! — рядовой Заяц указал на левую обочину. — Что это?

Через равные промежутки вдоль обочины виднелись свежие воронки.

— Это саперы уничтожали мины! — крикнул Карасик сквозь шум двигателя. И скомандовал: — Усилить наблюдение!

В стороне от дороги показался подорванный танк. “Да-а, это уже не мина! — пробормотал Карасик. — Это фугас, и солидный, аж башню сорвало”.

На очередном привале в машину к Карасику прыгнул Сан Саныч.

— Скоро свернем с бетонки и пойдем в объезд! — крикнул он. — Ротный послал меня для подстраховки, чтоб ты не зевнул. Правда, объезд там обозначен, но кто тебя знает...

— Я что — слепой? — обиделся Карасик.

...Но он обижался зря. Два часа спустя на этом участке произошел трагический случай с его коллегой — командиром саперного взвода соседнего полка, а точнее, с водителем “Урала”, который не повернул с бетонки, а, проскочив знак, обозначавший объезд, ушел прямо в “зеленку”. Был уже вечер, поэтому спохватились лишь, когда стали на ночной привал. Разведчики доложили, что видели горевшую машину. Разъяренный командир полка послал взводного на БТРе за водителем. Тот прыгнул на броню и повернул на тот участок бетонки, по которому ушел “Урал”.

Здесь отрезок дороги, пересекавший “зеленку”, так и оставался под контролем душманов, хоть и принимались самые решительные меры по его очистке. В итоге, колонны, которые шли на Кандагар, обходили этот участок по пустыне, где для прикрытия стоял “пустынный” батальон.

БТР не прошел и километра, как взводный увидел сгоревшую машину, но пришлось срочно прятаться в люк: засвистели пули. Затем увидели и водителя, который лежал на дороге в луже крови. Почему душманы не забрали труп, было непонятно, но подойти к нему бородатые не давали. Тогда взводный выскочил через боковой люк, прихватив только автомат и “кошку”.

Обстрел был такой, что не давал поднять голову, пришлось ползти по кювету, вжимаясь в землю. Поравнявшись с телом, взводный бросил “кошку”, но неудачно. С БТРа солдаты прикрывали своего командира из пулеметов и автоматов. Наконец, дернув за веревку, взводный почувствовал, что зацепился за тело, и стал тянуть одной рукой. Веревка не поддавалась, тогда, отложив автомат, он лег на спину и стал тянуть веревку обеими руками. Из БТРа механик-водитель видел перекошенное, с трясущимися губами, покрытое каплями пота лицо командира.

Когда труп оказался рядом, взводный пристроил его у себя на спине и пополз по кювету назад. Неожиданно мертвец дернулся — и сполз с его спины. Взводный дико закричал, вскочил и бросился к машине...

Только утром, перед тем, как полк продолжил движение, Карасик узнал подробности. А того взводного он больше не встречал: отправили беднягу в госпиталь с сильнейшим нервным расстройством. “Крыша съехала”, — объяснили в соседнем полку, когда Карасик спрашивал о нем.

Чем ближе подходили к Кандагару, тем больше и больше валялось по обочине сожженной техники.

— А перед городом — звезда! — крикнул Сан Саныч. — Сплошная стена из металлолома!

— Смотри! — Карасик с веселым изумлением указал Сан Санычу на плакат, стоявший при вы-

езде на бетонку. На нем было написано: "Водитель! Выезд на обочину — смерть!"

— Доходчиво! — усмехнулся замполит и поспешно щелкнул фотоаппаратом. Действительно, эта надпись впечатляла сильнее, чем обычные "На обочину не выезжать — мины!".

Слева появилась огромная свалка покореженных машин, которая тянулась несколько километров.

— Ай, жаль, цветной пленки нет! — воскликнул Сан Саныч. — Такая бы фотка получилась! — он нацелился "Сменой" на мечеть, нажал пальцем спуск, огорченно повернулся к Карасику. — Катушка кончилась, как назло!

И полез в люк — наверное, менять кассету...

Зачарованно провожая глазами сказочно красивую мечеть, Карасик услышал совсем рядом птичью трель. "Ишь, распелись!" — подумал он, переводя глаза от удалявшегося голубого купола на кроны стоявших у дороги деревьев, отыскивая взглядом птиц. И вдруг, спохватившись, как ужаленный, бросил себя единым махом в нутро машины, захлопнул люк, припал к бойнице с автоматом.

— Какого черта уснул на броне? — накинулся Сан Саныч.

— Лысого! — с досадой бросил Карасик. И выпустил из автомата целый магазин в ту сторону, откуда запели "птички".

Эфир был забит вводными, командами, докладами, а через несколько минут в сторону "зеленки" понеслись снаряды. Показалась авиация...

Позади слышались тяжелые взрывы, а впереди уже подступали окраины Кандагара, разрушенные, нежилые. Заброшенные глиняные дома, поднимавшиеся в гору, пустыми глазницами смотрели на "шурави".

Когда же начались жилые кварталы, все полезли наверх, на броню, и с интересом разглядывали город, который так и не удалось взять под контроль. Только в светлое время суток можно было пересекать его. Танки и бронированные машины почти сплошной стеной стояли по обеим сторонам дороги, прикрывая проходящие колонны, а на ночь и они снимались и уходили в свои части, южнее Кандагара.

Появились дуканы. Торговцы и покупатели вот уже несколько часов наблюдали за проходящими войсками. Такое зрелище для них давно уже было не внове.

На площади показалось сооружение в виде часовни, только квадратное и с куполом наверху. По бокам стояли старинные пушки с огромными деревянными колесами. Сооружение обрамляли огромные цепи на массивных тумбах.

— Это памятник победы афганского народа над английскими оккупантами, — наклонившись к Карасику, пояснил Сан Саныч.

Проводив взглядом монумент, Карасик заметил:

— Может, рядом скоро поставят еще один, а?..

Замполит хмуро покосился на него, но Карасик все же продолжил:

— Памятник победы над советскими оккупантами!

— Остряк! — поморщился Сан Саныч. — Болтани где-нибудь по пьянке...

В витрине одного из дуканов их поразил огромный, не меньше метра высотой, до блеска начищенный самовар. А вдоль сплошного каменного

забора две женщины, закутанные в паранджу, вели верблюдов...

И снова пустыня. Сейчас, в феврале, она уже начинала покрываться зеленью, да такой яркой, что казалось, будто кто-то искусственно раскрашивал пейзаж. Справа от дороги показался военный городок, а колонна сворачивала налево, выстраиваясь рядами с большим интервалом, чтобы в случае обстрела не пострадало много машин разом.

Как только остановились, сразу стали отрывать окопы для укрытия людей. Но твердая, как камень, глина поддавалась плохо. Рядовой Лягин, водитель ГАЗ-66, выдолбив небольшую лунку, залил ее водой.

— Это что еще за фокусы? — поинтересовался взводный.

— Видите, даже воду не принимает, до того, собака, твердая! — Лягин выругался вполголоса. — Уже все руки сорвал!.. А так, может, хоть немного отмякнет. — Он закурил сигарету и прислонился к будке машины. — Долго стоять здесь будем, товарищ старший лейтенант?

— Думаю, скоро двинем.

— А куда дальше-то?

— В какое-то ущелье на границе с Пакистаном, надо у замполита спросить, вроде Шинкарей, что ли...

— Вода согрета, командир, — подошел старшина. — Будем мыться?

Несмотря на февраль, было тепло. Раздевшись догола, обливали себя водой, смывая пыль...

А на следующий день с утра зарядил дождь, и глинистая пустыня сразу стала непроходимой. Предстоящая операция откладывалась на неопределенное время. Пребывание на "поле дураков", как немедленно окрестили это место, затянулось.

Хорошо, что Карасик прихватил с собой резиновые сапоги! Почва раскисла так, что ноги по щиколотку вязли в жиже. Немудрено, что отложили операцию: не только колесная, но и гусеничная техника сядет на брюхо. На прием пищи бегали по очереди, и Карасик подтрунивал над офицерами, которые выпрашивали у него сапоги:

— Ну, как я вас, опытных, обвел? Старый воин — мудрый воин!

Наконец дожди кончились, и буквально за день все подсохло. А ранним утром, когда еще было совсем темно, прозвучала команда "Вперед". Дивизия взяла курс в сторону пакистанской границы, куда несколькими часами раньше ушла десантно-штурмовая бригада.

В полдень свернули с бетонки — и снова долгий путь по пустыне. Не верилось, что совсем недавно все вокруг представляло из себя непроходимую жидкую массу: мгновенно высохшая почва снова стала, как камень. Поначалу все шло прекрасно, пыли почти не было. Но затем, как-то незаметно, из-под колес снова стала подниматься эта гадость, лезла в рот, неприятно хрустела на зубах.

Не доходя километра три до ущелья, по которому протекала речка с поэтическим названием Лора, стали лагерем. Только успели отрыть окопы, как поступила команда: "Сбор". Все офицеры и прапорщики прибыли к командиру полка.

— Все здесь? — командир полка обвел собравшихся взглядом и, не дожидаясь ответа, сразу стал излагать суть дела:

— Завтра с утра наши войска приступают к ликвидации базового района мятежников. Наша задача: раздельными группами, с наступлением темноты, выдвинуться на вершины вот этих гор, — командир указал карандашом место на развернутой карте, — с целью — обеспечить пропуск десантно-штурмовой бригады по ущелью. Естественно, если на этих высотах окопались душманы, то выбить их к чертовой матери! Но действовать осторожно, со знанием дела. И зарубите себе на носу: самое главное — сохранить людей. Откровенно говоря, я могу простить даже невыполнение поставленной боевой задачи, но не прощу потерю людей! Вышестоящее командование придерживается точно такого же мнения. Как только почувствуете, что задачу невозможно... я повторяю: невозможно выполнить без потерь, — не лезьте на рожон! А сразу окапывайтесь и вызывайте подмогу. Ну, а мы привлечем артиллерию, да и авиацию, если понадобится. Более подробно обсудите все с начальником штаба...

Возвращаясь от командира, Карасик размышлял: «Необходимо взять с собой двух саперов. В первых, конечно, замкомвзвода сержант Бакиев... Ну, а второго он, пожалуй, пускай сам выберет...»

Его догнал командир мотострелковой роты капитан Гареев.

— Как дела, дорогой? Здоровье? Настроение? Что пишут из дома? — веселой скороговоркой выпалил он, пожимая Карасику руку.

— Салам алейкум, дорогой! — в том же тоне отвечал Карасик. — А ты что цветешь, как майская роза? Можно подумать, что собрался на пикник!

Гареев засмеялся:

— А я просто загадал, что если тебя направят ко мне в группу, значит, все будет нормально.

— А чего это ты именно на меня загадал? — удивленно спросил Карасик. — Мало ли у нас в роте толковых саперов?

— Ты везучий! — Гареев хлопнул его по плечу. — У нас в батальоне говорят: тебя судьба бережет! Да и опыт уже приличный!

— Старый воин — мудрый воин! — смущенно буркнул Карасик. Ему, конечно, было чертовски приятно такое услышать. Да и сам он был доволен, что попал в группу к этому чернявому, энергичному, никогда не унывающему капитану.

Карасик еще не добрался до своих, как неподалеку раздался взрыв. Над головой просвистели осколки. Это было неожиданно и нелепо: ведь рядом неоткуда было взяться душманам! Все застыли ошарашенные. Из соседней машины высунулся начальник связи полка:

— Кто тут дурью мается?

Новые разрывы, и вой реактивных снарядов вывели всех из оцепенения. Все бросились в укрытия. Карасик тоже метнулся в ближайший окоп.

— Откуда взялись «духи»? — крикнул в спину сидевшему рядом офицеру. Тот обернулся, Карасик узнал командира роты связи.

— «Духи»? Да их тут, скорее всего, и нету!

— Как так?

— А так. Эрсы, видимо, установлены были заранее. «Духи» ставят их на замедление и уходят, а они потом сами срабатывают.

— А как они узнают заранее? — крикнул Карасик, пригнувшись пониже от разорвавшегося недалеко снаряда.

— Нюхом чуют, мать их... Нюхом соображают, где могут остановиться «шурави»... Ну, и с учетом местности, конечно...

Когда все стихло, Карасик побежал к своему бронетранспортеру.

— Все целы? — спросил своего заместителя сержанта Бакиева.

— У нас нормально. За вас беспокоились!

— Ну, спасибо. А сейчас — экипироваться для путешествия в горы. И советую отдохнуть.

Карасик, проверив снаряжение, завалился спать в десантном отделении машины. Но не спалось. Сколько раз приходилось уже подниматься в горы, но каждый раз чувствовал он тревогу, боязнь дать промашку, которая может привести к гибели людей. А этого Карасик никогда себе не простил бы. Но самое главное, в чем он никому не мог признаться, — это паническое чувство страха, что не хватит запаса воды. Это могло показаться нелепым, но не мины, которые приходилось встречать на пути, не душманские пули, а именно боязнь остаться в горах без воды сжимала сердце страхом и болью. Как-то он поделился своими страхами с полковым врачом. «Это можно назвать «водяным синдромом», — кивнул тот, выслушав Карасика. — Со временем пройдет».

«Что-то не проходит!» — подумал он, вспомнив, с чего это все началось. Как-то в горах, при выполнении задания по окружению душманской базы, кончилась вода. Командир группы сообщил об этом на нашу базу только тогда, когда стало ясно, что придется оставаться в горах еще несколько дней. Но ни в тот, ни в следующий день вертолеты не появились. Два дня, растянутые в бесконечность под палящим солнцем, казалось, сведут с ума. Врач в группе маленькими порциями раздавал какую-то вонючую жидкость, но это мало помогало. Каждая клетка организма требовала воду. В воспаленном мозгу была только одна мысль — воды! Хоть немного воды! Командир в растерянности смотрел на радиста, а тот, с осунувшимся, давно не бритым лицом, виновато смотрел на командира. Передавать что-либо своим распухшим языком он уже не мог... Вертолеты, как всегда, появились внезапно. На сигнальные огни полетели резиновые сигарообразные емкости с водой. Сбросив их, «вертушки» скрылись так же внезапно, как и появились. Первая и вторая емкости улетели в пропасть, третья разбилась о камни, все бросилось к ней и хватало пересохшим ртом драгоценные струйки воды. Несмотря на то, что она была перенасыщена хлоркой, теплая, вонючая, — казалось, что вкуснее напитка нет на целом свете...

Карасик проснулся от того, что Бакиев тряс его за плечо: «Пора!»

«Фу ты, все же уснул незаметно, — подумал он. — Это хорошо, что поспал немного. Легче будет в горы забираться».

Взвалив на себя рюкзак, присев под его тяжестью, Карасик потопал в колонну. За ним двинулись замкомвзвода Бакиев и рядовой Заяц.

Группа, в которую они входили, была центральной. Справа, по соседнему гребню, и слева поднимались еще группы. Часа через два ходьбы в ночной темноте командир роты Гареев тронул Карасика за плечо:

— Смотри, командир соседней роты почему-то прижался к нам. Совсем рядом движется! Давай поглядим по карте — может, мы сбились с маршрута?

— Не может быть! — возразил Карасик, вглядываясь в темные горы. — Вот так, по этому гребню, мы и должны прибыть на место. Это, видать, наши соседи сбились. Надо им подсказать по связи.

Гареев подозвал радиста.

— Парус, Парус, я — Щука, как слышишь меня? Прием.

— Щука! Я — Парус, слышу вас хорошо! — послышался ответ по радиостанции от командира соседней роты.

— Парус, посмотри внимательно на “картинку”. Вни-ма-тель-но!

“Картинкой” условно именовали карту.

— Вас не понимаю, у меня все нормально!..

В наушниках послышался голос командира полка:

— Прекратить лишние разговоры!

Гареев выключил радиостанцию, удивленно сказал Карасику:

— Сосед считает, что это я сбился с маршрута!..

Группа снова начала подъем, но темп заметно убавился. Автомат и вещевой мешок становились все тяжелее. Мелкие камни, выскальзывая из-под ботинка, мешали устойчиво ставить ногу, приходилось опираться на автомат, но нога все равно соскальзывала, и все чаще колени ударялись об острые камни. Сзади послышался какой-то шум. Карасик оглянулся. Один из минометчиков, положив ствол на землю, стоял на коленях, закрывая лицо ладонями. Его напарник, который нес плиту от миномета, наотмашь ударил его и громко прошипел: “А ну, вставай, скотина!” Карасик с ротным подошли к ним.

— В чем дело?

— Не могу больше! — солдат поднял голову. Даже в темноте было видно, как лихорадочно блестят его глаза. — Можете меня пристрелить, но я больше не могу идти. Нет сил.

Гареев схватил солдата за куртку, с силой встряхнул:

— А ну, возьми себя в руки!

Затем поднял его вещевой мешок.

— Вперед!

Тогда Карасик взял ствол миномета и пошел в голову колонны. Идти стало тяжелее. В голове мелькнуло: “А не поторопился ли? К лешему такой героизм!” Но со злостью, костеря себя за минутную слабость, кусая потрескавшиеся губы, все же карабкался вверх. “Господи! Когда же мы дойдем, наконец?!” Почувствовав на своем плече руку, он остановился. Сержант Бакиев молча взял у него ствол миномета.

Сразу стало легче идти. Несмотря на темноту, угадывалось продвижение неподалеку соседней группы. “Давайте, давайте! — думал Карасик со злорадством. — Вот сейчас поднимемся с вами на одну вершину — а тут уж я над вами поизмываюсь. Придется вам снова на свою высоту карабкаться... Постой! — вдруг растерялся он от неожиданной мысли. — А может, это не соседи, а “духи”... Да ну, бред!.. И все же — я ведь в самом начале пути соседей-то не видел!..”

Стало светать, группа подходила к вершине, и вдруг Карасик вскрикнул от неожиданности. Через вершину, буквально в нескольких метрах от них, проскальзывали пригнувшиеся люди в развевающихся шароварах цвета хаки. Рядом ротный Гареев ударил по ним очередью из автомата, справа и слева его дружно поддержали, но было поздно. “Духи” скрылись за вершиной. Гареев, сбросив вещевой мешок, рванулся было вперед, но Карасик схватил его за руку:

— Стой! Ты что — захотел положить всю роту? Ротный немного остыл, окинул взглядом местность.

— Да. Они тут могут оборону занять и встретить нас... Вот тебе и “соседи”...

Послав вперед разведку, Гареев дал команду залечь. Но все уже и так с облегчением опустились на землю, воспользовавшись временной заминкой. И только троим пришлось, пригибаясь, короткими перебежками двигаться к вершине. Через некоторое время они уже стояли в полный рост и размахивали руками:

— Все в порядке! Можно продолжать движение, “духи” драпанули без остановки!

Последний бросок — на вершине все попадали, переводя дух. А потом стали зарываться в землю...

Карасик проснулся, когда уже совсем рассвело. “Надо проверить, как там мои устроились”.

Проходя по гребню, он увидел рядового Зайца — и оцепенел. Тот спал на самом краю площадки, которая заканчивалась пропастью. В правой руке сжимал автомат, а левая висела над самой бездной. Осторожно подойдя к солдату, Карасик рывком отодвинул его от края обрыва.

— Ты что, рехнулся? — Карасик со злостью дергал его за бронежилет. — Другого места не нашлось?

— Да тут острых камней меньше! — моргая заспанными глазами, оправдывался рядовой Заяц.

— Так ложился бы еще правее! — яростно прошипел Карасик. — Там вообще камней нет, один воздух.

Солдат, поднявшись, виновато молчал.

— Ладно! — уже мягче сказал Карасик, отходя от потрясения. — Хватит пыхтеть. Приступай к оборудованию окопа. Усек?

— Так точно!

— Ну и ночка! — двинув дальше, бормотал Карасик. — То “духи” провели нас, как пацанов, то этот Заяц отчебучил... И как он не свалился?..

Неожиданно над головой просвистела мина. Разорвалась где-то внизу. Это дали знать о себе душманы.

“Начинается! — вздохнул Карасик. — Недаром что-то беспокойно было на душе”.

Минометчики бросили оборудовать свою позицию и начали ответную стрельбу. Командир роты по радиостанции связался с командиром полка. Заработала наша артиллерия, реактивные снаряды с воем проносились над головами.

“Ну, эти-то теперь могли бы и прекратить, — подумал Карасик, глядя, как минометчики продолжали работать. — Только мины зря расходуют”.

На пригорке заливался лаем крупнокалиберный пулемет, а чуть в стороне подрагивал автоматический гранатомет. Сквозь этот грохот прослушивались и автоматные очереди.

“И куда они все стреляют? — усмехнулся Карасик. — Ничегошеньки же не видно!” — Однако и сам, примостившись за камень, стал бить очередями в ту сторону, где от разрывов эрэсов поднималось огромное облако пыли. Через некоторое время ему надоело палить в белый свет как в копеечку, он присмотрел чуть левее куст верблюжьей колючки и стал короткими очередями сбивать его. Получалось неплохо. Вдоволь настрелявшись, он отложил автомат с раскалившимся стволом и стал наблюдать. Бой, если его можно было так назвать, закончился так же внезапно, как заканчивается летняя гроза...

— Можно подумать, что на нас двигалась целая банда, — с усмешкой сказал Карасик, подходя к Гарееву.

— Да ну их, — с досадой махнул ротный в сторону солдат. — Как только появляется возможность, стараются истратить как можно больше боеприпасов, чтобы меньше было тащить обратно. Вон какие веселые рожи у минометчиков: выбросили мины в трубу — и сидят довольные, черти!.. А впрочем, переживать не стоит. Я думаю, больше на нашем участке ничего серьезного не предвидится. Десантники ушли дальше к пакистанской границе. Можно немного передохнуть.

Но отдохнуть Карасику не пришлось. По радиостанции саперов срочно вызвали вниз, назад, где продолжала подтягиваться колонна. Почему-то стали подрываться машины в ущелье, среди наших появились раненые. Необходимо было еще раз тщательно проверить дорогу.

С превеликим удовольствием оставив пехоте свой запас воды и продуктов, Карасик, Бакиев и Заяц, в сопровождении еще двух солдат, которых выделил ротный, начали спуск.

Спускаться днем и налегке — совсем другое дело, чем подниматься ночью и с грузом. Карасик продвигался вниз по гребню быстро и весело. Заметив, что солдаты отстали, он остановился и оглядел раскинувшуюся перед ним панораму.

Далеко внизу, справа, словно игрушечные, двигались машины по извилистой дороге. Но звук

работающих двигателей не долетал сюда. Тишина стояла пронзительная. А неподалеку, слева от гребня, примостились разрушенные домики небольшого кишлака. Несколько засохших деревьев свидетельствовали о том, что его давно оставили жители.

— Скоро отпуск! — подумал вдруг Карасик, вдохнув полной грудью свежий воздух.

Подошли солдаты.

— Вы с нами внизу останетесь? — спросил Карасик у мотострелков Гареева.

— Нет, наберем там воды и назад.

— Ну, тогда двинули!

И снова зашуршали под ботинками мелкие камешки, скатываясь вниз. “Сейчас пройдем мимо разрушенного кишлака, а там до бронегруппы совсем немного останется”, — думал Карасик. Солдаты опять приотстали. Он недовольно оглянулся на них, но кричать ничего не стал. “Ладно уж, куда торопиться, успеем...”

Автоматная очередь из разрушенного кишлака с треском разорвала воздух. Оглянувшись, Карасик увидел, как один из солдат медленно оседает на землю, второй бросился к нему...

Сильный удар в предплечье швырнул Александра в сторону. Он вскрикнул, выронил автомат, крутнулся волчком — и покатился вниз. Несколько раз перекувыркнувшись через голову, распластался на отлогом склоне, уперевшись в камни содранной ладонью. Падение это показалось ему мучительно долгим.

— Боже мой!.. Если б вы знали, как больно... — прошептал он и потянулся к боковому карману куртки, где находилась коробочка со шприц-тюбиками промедола, но не смог достать. Последнее, что Карасик успел увидеть — людей, которые, обстреливая на ходу кишлак, приближались к нему. От боли он не мог даже понять, свои это или чужие...

Затем наступила тишина.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Август 1991 — апрель 1993 г.

ГРИБЫ

Коченея в бетонах,
в лесу я немедленно таю.
И уколы хвои,
как родни поцелуи, терплю.
И немало еще
паутины на нос намотаю,
потому что леса
неизбывно и нежно люблю.
Я сюда на автобусе пер
и шаршил в гору.
И усталости ноженькам
долго еще не забыть.
Но дорога, дорога
не стоила хруста, с которым
под ногами растут на глазах
молодые грибы.
...Я в лесу не Мамаем, —
застенчивым гостем ступаю.
Ничего не ломая
и вслух комарье не кляня.
Это сладостно-грустная боль,
невозможно тупая,
будто леший, по родине
водит и водит меня.
А по этим туманам,
по травам, пронзительно
влажным, —
от взаимной любви
и они прослезятся порой! —
Хорошо побродить одному
суверенно и важно.
Никакой переклички
и счета на первый — второй.
Я ни славы дурной,
ни любви у грибов не стяжаю.
Отчего же изводит меня
беспокойная грусть?!Вот паук.
Я его, как родного отца, уважаю.
Как отца уважаю —
и где-то по-детски боюсь.
И грибы —
не признанья явились искать,
не оваций.
Только, может, услышать
в конце
восхищенное "Ах"!
Чем трагичнее им
приходилось на свет
пробиваться, —
тем они здоровее
и крепче стоят на ногах.
Вот пижон-мухомор,
как репей,
притягательно броский.
То ли он иностранец,
которому все по плечу,

то ли свой, примеряющий
чьи-то чужие обноски...
Он красив, но контактов
с такими иметь не хочу.
Мне встречались такие, —
с натурой угодливо-хитрой.
Лжеопята стояли "во фрунт",
как поручик Кижэ.
Ложный гриб —
настоящий, но только лесной
Лжедмитрий.
Так, где подлинных ищут,
всегда появляются "лже".
Хорошо, что сомнения
с толку меня не сбивают.
Я б такой не от ран, —
от сомнений пропал на войне.
Прохожу даже там,
где грибов, говорят, не бывает.
А какой попадется, —
так это удача вдвойне.
Я за ним в палестины,
а он — издевательски близко
Здесь, у леса, и ум вы найдете,
и совесть, и честь.
Если нет ни пенька, —
значит, можете больше
не рыскать.
А попался один —
значит, рядом сообщники есть!
Вот опята. Им вместе
живется и гибнется легче.
И тонки, да легки.
Как я в детстве, легки на подъем.
Беглый груздь по глазам
упоительно ветками хлещет.
И листок партизанской медалью
сверкает на нем.
Вот нарядный осинник
в осенние лужи глядится.
И умолкли сороки.
И, вздрогнув, застыли кусты.
Здесь дурной подосиновик
Запросто мог заблудиться.
Повезло же повесе
родиться среди красоты!
Где в нарядах своих
сыроежки не знают законов,
— и пестры по-цыгански они,
и строги, и нежны, —
вызывающе много
толпится грибов незнакомых.
Я давить их не стану:
червям и такие нужны!
Чем ценнее грибы, —
на глаза попадают реже:
избегает огласки

грибная богатая знать!
Неразборчивый кто-то
простых сыроежек нарежет:
мол, и то хорошо, —
В темноте было трудно узнать.
Чей-то хруст под ногами
напомнил простуженный
выстрел.
Грубый голос дрожит
повелительно:
"Ммать—перемать!"
Что с того,
что одни сыроежки
ломаются быстро.
По горячке любого
жестокостью можно сломать.
...Вот прошло впереди
тупорылое чье-то копытство.
Сколько грязной работы,
грибных изувеченных тел!
Вот масленок.
Ах, мне бы
сегодня его любопытство!
Раньше им распирало,
да что-то под нож не хотел.
Чем я больше берегся,
друзьями обложен, как ватой, —
тем надежней другие
упасть помогали бедром.
Слишком многое знать —
это было и слишком чревато.
А чреватость еще никогда
не кончалась добром.
Не сказать, что не тронут
сегодня червями пороков,
Даже если и блеск молодой
на себя наведу.
Нынче много таких —
неудавшихся, тихих пророков,
перезрело стоят
и сверкают у всех на виду.
Где кому-то хотелось
деревьев единого роста,
и леса вырубали,
внедряя свою красоту,
где потом насаждали
ряды молодого подростка, —
почему-то грибы не растут,
Или плохо растут.
А пожары, как войны, —
пожары безжалостной плетью
хлещут лес, по тебе,
по твоей прямодушной судьбе.
Лес, ты веришь в меня?
Я желаю тебе долголетия!
Потому что, прости,
долголетия хочу и себе.

Я слышу биение сердца Творца,
 Я знаю, что жизни не будет конца.
 Я знаю, откуда рождается свет,
 Я знаю, что в истине истины нет.
 Дорога моя — нисходящий восход,
 Рассудок меня у Вселенной крадет.
 Рассудок не верит, рассудок пустой,
 Но жизнь не означена этой тщетой.
 Безмолвно спускаюсь на те этажи,
 Где раны — рубцы от рожденья души.
 Где в небо ведут родовые пути,
 Где жизнь отдают, чтоб себя обрести.
 Рождает нас то, что из самых глубин
 Восходит величием вечных картин.
 Окрепла последняя дума моя,
 И воля, и память, но это — не я...

Есть искусство иное —
 Есть искусство глубин,
 В нем не царство земное,
 В нем небесный почин.
 Все, что кажется тленным
 В свой придуманный срок,
 Там полно постиженьем
 И бессмертьем в залог.
 Не полки Люциферов,
 И не райский погром:
 Одинокая вера —
 Всеединственный дом.

ТАК МНОГО НА ЛИНИИ ЖИЗНИ...

Так много песка, что он становится
 умом осушающих пустыню.
 Так много воды, что ее продают.
 Так много крови, что ее выпускают.
 Так много земли, что она становится
 кладбищем.
 Так много любви, что ее уже перестают
 любить.
 Так много глаз, что они становятся
 темными глазами воздуха.
 Так много лиц, что они становятся
 лицом пустоты.
 Так много времени, что оно становится
 ядом, сжигающим циферблат вечности.
 Так много сошедших с ума звезд,
 что они хотят закрыть Бога.
 И если это им удастся, то будет всего
 очень много для веселых носителей
 отверстий!

Там, где мысли мои
 Не доходят до сущего слова,
 Там, где чувства мои
 В тайниках непостижных лежат,
 — Говори, говори, —
 Запредельная шепчет основа, —
 Чем же ты в этой тающей жизни богат?
 По масштабам каким
 Ты свое разуменье отмерил,
 На какие вершины
 Ты, радуясь жизни, всходил?..
 Говори, говори! —
 И вершится
 И дышит дорога,
 И вливаются в вечность
 Мои безответные сны.

Пропадшим человеком стал, —
 С улыбкой заспиртован в банке,
 Века летят как наизнанку,
 Где ж остановка, где вокзал?

Ползу усталою собакой
 С дырявой истиной в груди,
 Без постижения, без знака,
 Без обнажения пути.

Из мысли в мысль, из света в свет.
 Из мира в мир, из тленья в тленье —
 Тащу я душу на крещение, —
 Крещения нет, прощения нет!

Взглянуть дирижеру
 в грядущую шею,
 скатиться под гору,
 стать братом траншеи,
 стать бедренной костью;
 о жизни поющей,
 на душу купить
 себе дух вездесущий,
 на мысли купить
 себе миг откровенья,
 себя сотворить
 до начала забвенья,
 стать тающим снегом,
 ползущим с вершины,
 живым человеком
 с умершей картины.

ЗАВТРАК АРИСТОКРАТА

Повесть

1. ПСИХОЛОГИЯ ОТРАВЛЕНИЯ

Полшестого. У нас — в мире законченных аутсайдеров — все спокойно. Еще спокойно.

Справа от меня лежит и булькает эта... мой плен и свобода. Та, с которой живу уже десять лет и никак не могу поверить, что десять лет назад я был настолько глуп... Хотя, уже пора привыкнуть, и я привык.

Привык к тому, что ближе к полуночи, нажавшись от пуза, чего попало, валюсь к ней под растекшиеся по всем нарам белые бугры. До зубовного скрежета мне всегда мало того, что она оставляет мне для жизни: мало сорока сантиметров, еще не занятых ею на двуспальных нарах, мало кислорода, который, кажется, весь к утру истребляет она одна (не воздух — гольный азот!). Нет и свободы передвижения — до абсурда: на работу — она со своей печкой справа, с работы — слева. Всегда хочется сказать ей какую-нибудь шикарную пошлость. Нет, правда, иногда я бываю ну просто принужден забраться на нее с тем, чтобы вымолить еще тридцать сантиметров пространства нар. Отрабатываю... И о работе. Да, работаю хорошо, потому что те звуки, которые сопровождают мой трудоподвиг, делают серо-зеленый взгляд больших глаз приемной дочери эдаким... сумасшедшеньким, похотливым, что ли... Не просто работа, — видимо, я вершу еще нечто сверх.

В общем, я старше этой лошади на десять лет, она младше меня на десять — целая пропасть. Все сложно, а уж это убийственное постоянство и однообразие...

Вот сейчас навалюсь, исполню обязательное утреннее интермеццо и, оставив необъятные распаренные пять с половиной пудов на влажной постели, отправлюсь к завтраку — взлетевший, как орел, расправивший крылья, все выше и выше.

Сазан будет, как всегда...

Да, перед тем надену этот дурацкий халат из велюровых знамен, что остались от парторга и партии. Там сзади герб, а впереди серп с молотом на самом... месте. Ольгины выходки. Все испоганит, кочерга закопченная.

Вчерашний, как всегда, неважно прожаренный сазан будет с запекшейся скрученной чешуей у головы. Нет, я, конечно, человек дюжинный, претензии-то минимальные, но ведь все должно быть. Пусть, конечно, она уже и не пахнет соблазном и медом, от меня и от самого дух тяжелый, но вот так утром жрать холодную, как смерть, вчераш-

нюю утку да еще с пентюхами, больными и протезированными зубами рвать эту говядину... Это говядина, а не... Господи, чего жрем-с?! Утром как-то нужно зарядиться на день, как-то быть в порядке. Какие задачи решаем!.. С утра до ночи: "Пал Алексеич, Пал Алексеич..."

Павел Алексеевич к шести сделали все как обычно. Подумал: чего бы кинуть к утке, сазану, говядине... Выловил в кастрюле недоваренное мясо будущего обеда, поперчил, присолил и — туда же, в топку. Выловил еще кусочек, ткнул в укропную нарезку и дослал. Последний заряд, вместо пыжа, подпер добрым помидором — "нехай брюхо лопнет". Закончил. Хотелось, конечно, и луковку разлупить да бросить сверху, да, может, бутербродик с маслом и слабосоленной икоркой шучьей, но — нельзя, нельзя. И мятущейся душе надобно бороться с обстоятельствами. Пусть этот акт воздержания пойдет в зачет, в стену строительства характера, а может, и новой жизни.

Груженой баржей выплыла из спальни Ольга. В любимых одеждах.

— Палуш, ты бы ушицы похлебал, че ли?..

— Нет, мать, это черт те что. С утра лицезреть твои кустодиевские ляжки и эти... кранцы. Люди как-то рубаху с утра надевают!

— А чего надевать — все одно снимать. Может, за добавкой пришла.

— Распутство засасывает.

— Обнаженная грудь — еще не распутство. Распушенность там, где застегнуты на все медные.

— Да, пристегни кранец к кранцу, ляжку к ляжке...

— Баклажанчики там, Палуш, тушеные... праймэри импотенс. Бьюсь-бьюсь...

— Да не нужна мне твоя жратва, господи! Людями надо быть!..

Но все же похлебал ушицы. Негоже начинать день с размолвки дома. Так это и покатится наперекосяк. Потом — за налимьей головой уже — застал звонок в дверь, а еще вопль:

— Ляксеич! Ссильничает Рыжий Маринку, ой ссильничает! Ой, спортили девку, обезобразили, осоромили — куды теперя перецца с таким репутацием, куды бечь?!

Покуда добежали до места преступления — там все завершилось. Маринка, как всегда скривившись на мамашу, фыркнула:

— Не бесились бы вы, мамо, свои дела сама решаю.

Рыжий, сойдя с лестницы, с достоинством космонавта, исполнившего долг на орбите, в стоптанных тапках прошлепал мимо свидетелей и сочувствующих. Показал мамаше штуку из трех пальцев и проговорил:

— Маринка — челаэк заинтересованный. А тебе, кочережка позорная, скажу: за эту твою вонючую барду из патоки, от нее в брюхе тоска, доиться больше не стану. Пусть и не ходит твоя Маринка.

Мамаша метнулась к Марине — уговаривать писать заявку и колоть, колоть мужика до пбследнего.

— Да не в моем вкусе, мамо, рыжие.

Марина поставила точку.

Ну вот и начался день. Пал Алексеич отправился в сельский Совет на работу.

Аристократы умирают рано утром, когда истомившееся тело и голова, истерзанная мыслью о долге, высоком назначении и, может быть, судьбинном разочаровании, останавливают сердце...

Полвосьмого. Поэтому дюжинный во всем, кроме своих претензий, Павел Алексеевич по прозвищу "Аристократ", занимает свое кресло, двигает по столу бумаги, меняя стопки местами. Он готов.

Сегодня последний день. Последний день Аристократа. Таких кресел, как мое, в России сто тысяч, — говорит Павел. — Вы понимаете — не о раритете сказ. Впрочем, не могу сказать и следующего: мол, возьми его и тысячу единиц нерешенки впридачу (да убереги тебя Созидатель!). Не жаль кресла, жаль ту самую нерешенку, без меня закиснет. Отчаянно смело? Если хотите. Держит нечто.

Кресло хорошее, удобное, глубокое, наконец... просто надеюсь, что меня понимают.

Вот вам и пример, нагляднее не бывает. Уже за двадцать секунд до появления вон той образины крупно (время перехода от калитки до моего кабинета), могу доложить, выдержав авторский слог, что Оно прохрюкает. Оно скажет:

— Павлик, позвони им, иначе не знаю, что сделаю этим стервам... Пять ящиков осталось, а мужики дупляцца, как кобели. Скока можна, ну скока можна?!

Оно уходит, а я звоню в продмаг, чтобы горемычного включили в список на пойло — пять ящиков осталось, — уже не замечая, что и сам в слове "ящиков" ударяю на последнем слоге. Меня уже давно не пугает его отталкивающий видок — законченного подлеца, с обвислыми оттопыренными губами... Тем более сегодня — последний день.

Вон прется Евтихьевна, будет испрошать, как все же Рыжего женить на Маринке: "Може, есть який варьянт..." — "Да нету, баба Ева, это делается раньше на небесах, а уж потом в Совете". — "Ниде правды не найдешь... Обжулять, как хочут, позасели тут..." — "Позасели... Слава богу — последний день"...

А может, все будет, как у поэта: "Из иллюзий выйду, словно из воды, оставляя на песке следы?"

Нет, долгой разбежке мысли не быть: вон чешет Жмурик.

— Паха, че учудили?

— В смысле?

— А чего это меня в психбольницу?

— Да ты самогончик жрешь, как бык помои, дома выкобениваешься. У меня вон и заява есть, и

протокольчиков набралось как раз на курс с сульфазинном.

— А че меня-то? Как че — так Жмурик. Заберите вон Гриху... Я и в хоре пою, и в волейбол играю, а он чего... только водку. Я ж понимаю — разнарядка, никуда не денется. Пусть Гриха, а я потом...

Ну, Жмурик, ладно, демоническая натура. Разве что припугнуть чуть... так... паллиативное решеньице... А вон идет образина!..

Угрюмое, более чем заурядное лицо, нет, рыло человека, явно засидевшегося на свободе. Оно входит в помещение Совета, трется о дерматин двери и орет, после ноты "ля":

— Можешь, конечно, и не давать, тогда я у китайца возьму за три хаты, вырву у детей кусок из горла, бля буду...

Отпишу пойло и этому, потому что, действительно, купит за три сотни у китайца, а так всего за сто восемьдесят, семье — экономия на три буханки хлеба. В общем, мирно сосуществуем. Я отдаю ему все, что просит, и еще — про запас, и с удовольствием наблюдаю, как удаляется это расхристанное чудо.

Есть другая причина, отчего не смею его судить строго. Говорят, было у него тяжелое детство... хотя росли, понятно, вместе, и тяжести этой я как-то не заметил.

Батя его великий был затейник, а еще ба-альшой любитель "самиздатовской" — из пшенички, свеколки или патоки. На том стоял. Импровизатор был с редким чувством юмора. Так, покупая весной в колхозе бычка за восемьдесят рублей, осенью умудрялся сдавать его, "откормленного", за семьдесят. Правду сказать, не сдавал, забирали, — как только голодная скотина поела во дворе все, что мало-мальски съедобно, вплоть до дедовских еще, драных хомутов (внутри солома).

Сиживал он крепко и не однажды. Казалось, выходил лишь затем, чтобы подтвердить слова то ли девиза, то ли жизненного кредо... или любимой присказки: "Чем старше бык, тем тверже рог". К появлению очередного дитя его, как правило, уже не было.

В последний раз, изобретательная натура, сидел за то, что приделал валенки совхозному бычку и отправился в соседнее село торговать. Валенок была лишь пара... так и вычислили, хотя уряднику пришлось покумекать.

Но это была последняя ходка. Сынок, на правах старшего, съездил в северном направлении поглядеть на столбик с номером двести сорок один.

...А вот и "учитель". Единственный в городе прописанный рецидивист. Конечно, после кончины папаши только что удалившейся образины. Лучший среди равных. Пять ходок, а еще — пахан. Впрочем, свидетельство о высоком звании не прилагалось к документам. Сейчас чего-нибудь учудит. Уронит быстрюю и удивительно крупную слезу, чувствительная натура, станет бить поклоны, возможно целовать руки, припадать в экстазе на раненую ногу... Когда затем прощаемся, обычно шарю по карманам — все ли на месте.

Входит:

— Пал Алексеевич, дорогой, горе у меня, какое горе!.. Маменька моя Зинора померла... Нету боле надежущки моей, нету супружницы моей... Прости, отец наш, не сдержусь... но како горе!.. Не

сдержался. Однако надо справлять. Слышал, Алексеевич, там водочки привезли такой — подешевле. Как-тошь надобно материальну помочь да пару ящичков. Хватить, как думаешь, мэр наш дорогой?

Признаться, горло перехватило. Что тут скажешь?..

— Прости, дед, я как-то не слышал про бабушку. Вчера вроде еще шевелилась, или обознался...

— Так от ходорила-ходорила по дому да хозяйству, а потом враз...

Дед заливается горькой слезой, а мне становится по-крупному стыдно. Психолог вселенский, мэтр е...

Даю команду выписать материальную помощь, звоню в магазин, в гараж — на завтра нужна будет машина, похоронная команда, могила, носильщики, речь на пару—тройку минут. Прошу выписать все о жизненном пути бабушки — много, много лет в хозяйстве отработала, а теперь вот... отмучилась, значит.

Психолог...

Забегала завмаг — делить барахло из привоза. Однако настроение на нуле, отправил распределять самих. Обещали что-то оставить и крестьянам. “Лишь бы пену не взбивали”. Пены будет столько, что хватит укрыть зеркало океана.

Господи, вот так — век живи, век мучайся от собственной прогрессирующей дури. Благо, хоть завтра на похоронах будет уже кто-то другой, мне бы еще там выступить в роли попки.

Одиннадцать. Народный ход отвернул к магазину, водку разобрали и пьют себе по работам да по фазендам — как пять, пятнадцать, двадцать пять лет назад.

Да уж, господа психологи, так я, ведомый вашей светлой мыслью, сегодня объехал сам себя. Надобно полистать Ярошевского. Ага, вот про меня: “...о разрушительном влиянии редуционизма. Редуционизм — осознаваемая или не осознаваемая установка, направленная на сведение явлений одного порядка к явлениям качественно иного порядка...” И так далее — подколоть к обвинительному заключению.

За то и получу завтра по полной программе. Все говорит за то. Сначала — народ дюже злющий, — понятно, станем играть в метателей молний и громоотвод. Во-вторых... Последнее время действительно как-то распределял... тенденциозно, что ли... И вообще: сделай человеку сто раз добро, а сто первый не добавь — судить станет по последнему.

И все же, и все же... Будем сражаться. Как там учила в институте Лариса Ивановна Мельникова — о правилах выхода из конфликтной ситуации?

Первое. Не должно быть множества претензий, Две—три, не более.

Второе. Не должно быть категорической формы ведения разговора. Да, мол, есть два мнения — мое и неправильное.

Теперь пусть скажут! кого я поддушил за последние три года, кого унизил, давил? Ничуть не бывало.

Чем более неприятен человек, тем более будь с ним корректен.

Вот же пример: только-только ушли два убожества, каждого из которых я презираю больше, чем самого позорного голубого или там женонасильника, — отвратительнейшие ведь рыла, но ведь нет...

Другой бы, наверное, и говорить с ними не стал, я же выплясываю перед ними на все сто пять понимания и прочувствования ситуации.

Третье. В начале конфликта не прибегайте к помощи третейского судьи.

Да не прибегал я... я читал им бумаги, которые, бывало, по первости штудировал. Или просто уходил — берег и их, и себя.

Четвертое. “Обвиняемый” должен иметь возможность принять позитивное решение, он не должен терять своего лица.

Если кто и потерял свое лицо с дедом Пенковым — Зинориным чудом, так это я... Надо позвонить врачам: может, бабка лежала трое суток, покуда я тут заседал...

Звоню.

Звоню и узнаю, что бабушка Пенкова жива-здорова, чего и всем желает. “Утречком забежала в амбулаторию прикинуть давлению. Все в норме. Да вот только что пролетела мимо окон — на огород, должно быть”.

А что тут скажешь? И кому? На это есть пятое:

Не оскорбляйте личного достоинства в любом конфликте. Что будем делать? А беречь достоинство, и хорошую сделаем мину при отвратительной игре. Неумехи мы, что ли, или штанишки свои переросли? Вон, Светоний еще во втором веке про нас глаголил: “Сенат давно уже разросся и превратился в безобразную беспорядочную толпу — в ней были и люди самые недостойные, принятые после смерти Цезаря по знакомству или за взятку, их в народе называли замогильными сенаторами”.

Замогильные сенаторы. Что-то в этом есть. Дети тех еще аристократов — замогильных сенаторов, уцененных аристократов. Да и тем даже мы равны разве по части пронциательности — от слова “проникать, пробираться”? Мы столь же живучи, вроде кольчатых червей, органы даже регенерируем — вместо четырехкамерного сердца стальное, а уж голова... Впрочем, — обрывки Ольгиной теории. Много чести. Как я ненавижу эти ее умненькие глазки. Пусть мы — нынешние, не дохнем от сердечных взрывов уже с ранья — в тридцать, живучи... требует эпоха.

Обед. Славное время. Утром я парил, словно орел, теперь, как коршун, долго — до момента, когда сок захлестнет горло и стану захлебываться, — выслеживающий добычу и, найдя, всецело устремлен к ней. Этот путь от письменного стола к кухонному я проделал бы в один прыжок, да не пускают пустяки вроде должностной степенности да барьеры по всей дистанции. Так что, будь ласка, поклонись каждому, ответь согласно памятке Ларисы Ивановны, даже если наградят эвфемизмом или сравнением.

Беру препятствия, словно на дистанции спринта на сто десять с барьерами по мастерам.

Почти не задержался у барьера даже тогда, когда встретились братаны Букреевы — рожи в кровавом корже после вчерашнего. Довольно. Вчера я отдал им полтора часа. Заводные они, с буху включенные, с пол-оборота хлещут друг друга чем попало по самому рядовому пустячку, вроде:

— Знаешь, братуха, я решил брать мотоцикла.

— Бери одноцилиндрового, он будет надежнее.

— Не-а, возьму двухцилиндрового. Он мощнее. Насажу баб — и на природу...

— А я говорю: бери одноцилиндрового.

— А я говорю...

— А я говорю: поставь на место моего двухцилиндрового, а то харю разлохмачу!

Этот разлохма-атит. И тот тоже.

Алкаш — жрец особой науки. В его среде грубо-математический дележ — это для начинающих, для плебса, для тех, кому не суждено вырасти до миропонимания элиты. Алкаш же из категории плотницкой — надстройка пирамиды, где все остальные ниже и еще ниже.

Все психологические нюансы аккумулирует плотницкий распил... извиняюсь, разлил.

За пятьсот лет до рождения Христова царь государства Ахеменидов Ксеркс первый высек море прутьями, и в нем воцарилось спокойствие. Через две с половиной тысячи лет капитан запаса пятидесятилетний Воронин разлил не поровну, и жмурики — бригада строителей-шабашников — дерется три дня, то прерываясь на опохмелку, то возобновляя сражение. Три дня штормит разлитое водочное море, и три дня же валы его разбивают умиротворение компашки, которое и так восстанавливается лишь на время похода в сортир. То они громко хохочут на любую двусмысленность, то, изрядно пропарив носы самогоном, принимаются биться с еще большим исступлением.

Вот и теперь, проходя мимо “замерзшего” объекта, вижу их в деле и спрашиваю:

— За что бьемся, мужики?

— За истину! А еще Жмурика провожаем в психбольницу.

Все правильно — нет гениальных вопросов, есть только гениальные ответы.

— Успехов вам, и готовьтесь следом...

Однако диалог не получается. Диалог — это когда на “да?” отвечают, как минимум, “вполне может быть”. Один Жмурик вскинулся: “Я-то не пьяный, они тут бузят... Я пьяный? Черта с два. Смотри! — зажигает спичку и, глубоко вдохнув, дует на нее. — Вишь — не горит?!”

Пытаюсь вести на экспертизу, уже поворачиваю в проулок к амбулатории, Жмурик следом. Дошел до лужи и остановился. Явно передумал. “Дальше не пойду, я в коцах. Угрожаю новые коцы. Если хочешь — неси меня”.

Я не хочу, хочу на обед.

Обед. Доедаю, что осталось от завтрака, и “слушаю молчание жenuшки”, молчит даже эта стрекотуха—дочь. Все-о понимаю, нам ведь уже девять.

Есть острое предчувствие скорого окончания этих семейных мордастей. Скорей бы уже. Конечно, привычка — вторая натура, такая натура хуже дырявой шкуры, нужно рвать. Бечь надобно. Я отдал им лучшее время единственной своей жизни, с постоянно гнущими меня внутренними стенаниями за судьбу, за многое свое через них нереализованное, за то, что не состоялся ни в чем. Стыдно вспоминать о выданных и не отработанных авансах, сколько слов было сказано, сколько словей?!

Пока обедал, у жмуриков случилось. Пора, пора везти мужика в больничку и садить на сульфазиную иглу, хоть недельку пусть попостится печенка его бедная.

На этот раз умудрились на грузовой машине захватить меж домом и забором — меж двух берез. Жмурик подобрал две рейки и взял “размер”, сло-

жив рейки одна на другую, — на ширину кузова, померял расстояние между березами. Потом упал, вымарал коцы, однако размер удержал... Промерил еще раз. Затем мерил капитан Воронин, после Гриша, прибегли и к помощи третьей судьи — все равно сошлись на том, что проехать никак нельзя. Но машина-то в тупике...

Бросаю рейки и этот “размер”, иду в Совет. Ничего не понимаю, впору самому лечиться.

Я искал человека, который бы меня все время по жизни, что называется, подстегивал. Мне казалось, что переизбыток желчи у Ольги — вот что раскачает мой мир. Однако что же сделалось с моей мечтой — я принужден заниматься этими бухарями. Я весь уже истлел вместе с ними, толкни хорошенько — и рассыплюсь, потому что это уже не я, это мой прах. Алчу критики — говорил себе и ей. Но вот ведь и с Критикой, с этой язвой, — все равно на дне. Ни тебе удачи, ни счастья в романтическом его варианте, вместо этого слобная жenuшка да еще приемная дочь. Более того. Того более: я выяснил — и это совершенно точно: запросто могу “замочить” человека. И что еще страшнее — не сожалея о том. То есть, конечно, пожалею, но... лишь оттого, что этим актом моего воображаемого зримого врага не заставлю мучиться в агонии так долго, как мне хотелось бы.

Если возьмусь убивать, то сделаю это талантливо — сдохнет немедленно. Он сдохнет немедленно... так стоит ли кашу заваривать?... Только это останавливает меня в движении к...

Бог ты мой, договорился! Нужно повернуть назад и дообедать. Ежели начинаешь бредить на базе психологического нигилизма, а проще говоря, сходить с ума — пообедай плотнее, и все пройдет. Это не Светоний, не Сократ или там Ярошевский — это я прочувствовал каждой клеточкой своей.

Павел Алексеевич добежал домой мигом, ворвался на кухню и...

Перебрал в корзине помидоры, отложил пяток побольше, порезал и, перемазав сметаной, запихал в место “где”. Мало. Выбрал розовых — в них железа больше, обмакнул в мед и — туда же. Вернулся к сазану еще раз, затем почистил зубы об утиные кости и еще икорки щучьей свежайшей откусал и с маслицем домашним, да сметанки — ложка в банке стоит, как солдат в карауле, или там... А потом еще... и еще...

Затем, помня святое со студенческой поры — полное брюхо к учению глухо, — упал на диван и прикрыл голову газетой. Приснул чуть, однако не надолго. В дверь постучали. Сначала посередине, потом сбоку, сверху.

Мильтон... урядник, кто еще такой шутник-с?

Отряхнул сон, как невеликую печаль. Отправились на аварию. Кто? Конечно, жмурики.

Высоченный мост через протоку, грузовая внизу. Жертв нет.

Спрашиваю Григория: “Как умудрился?” Дуется: то ли переживает, то ли злится. Ясно одно — “машина помирай”.

— Ехали вместе со Жмуриком...

— Ну?..

— Че ну?! Допек он меня. Жмурика не знаете?... Говорю ему: шас, падла, как е... с моста, сам подохну, но и тебя урою!..

— И урыл?

— Урыл. Крутанул вправо, колесо зацепилось. Упали.

А Жмурик в эту минуту уже командует краном:

— Равновесие ищите, ищите равновесие!..

Григорий, наверное, на это деловое спокойствие друга и обиделся:

— Я, значит, беги за краном, а он командует тут... Домой уже слетал, наверное: и похмелился, и из штанов вытряхнул...

Подбежал Жмурик и спросил, как ни в чем не бывало:

— Гришуха, как ты мог, — считай, новая машина?!

— Дак я же из-за тебя, солобон! С тобой ехали...

— Как со мной? Я дома был, по хозяйству управлялся, прибежал на гудок. Ты меня в это дело не впутывай. Как ты мог, Гришуха, как ты мог?..

И тут же:

— Ничего, Гриха, председатель с участковым разберутся. У них яйца хоть и квадратные от сидячей работы, а все...

Последнее стоило Жмурику свободы. Через полтора часа областная психбольница приняла еще одного пациента. Сульфазинная мечта обрела реальность. Еще находясь в бреду, Жмурик набросал в минуту просветления план, а едва очнувшись, изложил мысль на бумаге: письмо, которое закончил крылатой фразой всех живущих общаком: “Осознал все, забери, бригадир”.

А пока с участковым съездили к молодому пахану домой — на поклон.

Грязная, засиженная мухами летняя кухня. По ее периметру на лавках сидят: два десятка пар пацанячьих глаз испытующих, нагленьких, уверенных в безнаказанности, а в центре, напротив двери, — пахан, или “учитель”, Федя, уже упитый. Пьет, похоже, сам, не балует мелочь, разрешая, наверное, только травку.

Однако в таких случаях участковый говорит: “Нету закону”, — и мы землю пятками не роём, держимся. И, раскланявшись, просим вернуть рыбацкие сети — по заявлению пенсионера-рыбака.

— Чья работа?! — прохрюкал Федя так, что два пацана подскочили немедленно.

Вопрос решен. Убираемся.

Следом, прихваченные в компанию областными крылатыми гонцами за собирателями трав, — а их тут отовсюду, от бухты Ольги до уральских хребтов, собирается, что блох у поганой твари, — летаем на автомобилях по зарослям. Кого-то хватаем, других травим собаками, и последнее наводит на ассоциации. Призванные решать дело быстро, бьют морды первым и вторым, уже покусанным собаками, каждая из которых похожа на доброго телка. Довольно жестко, но по жизни.

Зализывать свои раны иду в клуб.

Дед, работающий тут в шахматном кружке, — наверняка обрадованный моему первому за пару лет появлению здесь, — расставляет фигуры и зовет присесть. Не хочется, однако деда уважить надо.

— ...а знаете, Пал Алексеевич, мы с вами играем замечательный вариант, которому...

— Не знаю. Простите, в теории, как, впрочем, и в практике, не силен.

— Так вот. Лет восемьдесят назад я читал в “Спорте”, — был у Хосе Капабланки оппонент

Фрэнк Маршалл. Не из самых главных, знаете, но с амбицией, как говорят. Он применил в старом-престаром дебюте новинку, связанную с материальной жертвой — за хорошие виды на мощную атаку. Он долго вынашивал план отмщения за многочисленные обиды, и специально для Капабланки, зная, что тот не очень-то балует вниманием “госпожу теорию”.

— Понятно — это про меня. Ну, и что же Хосе Рауль?

— Кубинец запросто разобрался в хитромудрых замыслах противника, а партия с тех пор стала хрестоматийной.

— Отбил охоту покушаться?

— Не тут-то было. Несмотря на фиаско, у американца появилось много последователей. Кто из нас не пытался ухватить ту самую птицу хотя бы за хвост да выдернуть перо авторитета. Так что в этом смысле — все мы дети американца по фамилии Маршалл.

— У нас же ничья. Все-таки я не Капабланка.

— Да и я, пожалуй, не Маршалл.

...Итак, завтра последний день.

Сегодняшний день — еще Ольге, завтрашний — волкам, собранию. А ночь между днями — моя.

Наконец добрался до дому, выловил в куче гаражного хлама острогу, направил зубья напильником, глубже насадил черенок, застопорил его гвоздем.

На протоку. Июнь, начало. Сом у берега, в зарослях осоки дуреет.

При появлении Павла Алексеевича на берегу протоки браконьерский актив сразу было дернул врассыпную — те, кто помельче, взрослые же поприветствовали, точно оценив ситуацию, и продолжили свое дело.

Спарился с дедом — соседом по лестничной площадке: “Паша, если че — я тута по бережку, а ты в броднях...”

Пропустить такой день не можно. Их всего-то два—три, а потом только через год, и то не всегда.

Медленно двигаясь в воде вдоль берега, Павел высвечивает ФАСом воду до дна, бьет острогой и, выйдя на берег, подошвой сапога сдирает рыбу с остроги. А то выбрасывает сомов на берег, и уже дед, чертыхаясь, собирает сопливые экземпляры — каждый чернее ночи, — матерясь где-то за кустами тальника.

Павел несколько раз оступался, падал, пробил сапог, набрал его полный и только тогда успокоился.

В четыре закончили.

Поделили с дедом поровну, тот благодарил всю дорогу, пока добирались домой, так что Павел впервые пожалел о соседстве.

Дома вывалил содержимое рюкзака в ванну: “Пусть дура поорет утром”, — завел будильник на полвосьмого, упал в чем пришел и забылся у порога — ноги в нише, голова на кресельной подушке.

Ольга сделала побудку в шесть отборным матом. Такой злой Павел Алексеевич ее еще не видел. Это было...

Веки не разлипались — чертовски устал, поэтому ответственность, нет, вещал, с закрытыми глазами:

— Из дерьма, говорите, Ольга Борисовна, никогда не вылезем? Старуха, теперь я знаю, что мы с тобой живем в Дерьмовке, это... где-то между

Содомом и Гоморрой такое... сельцо, вся погань собралась. Боженька всех нас накажет. Но, так как я невезун, вроде твоих е...рэй, что были до меня, то есть я — не Лот, — сгорим вместе. Что меня и устраивает, и успокаивает — сдохнем вместе.

Ольгу, похоже, тоже устроил развернутый ответ мужа — затихла, как мышка. Большая такая мышка. Поэтому сто раз прав современный поэт: "Все равно, что от курицы ждать селезня... Так однажды решить, будто бы разбираешься в женском характере..." Или что-то в этом роде.

Делать нечего, вставать надо... Покачиваясь — отходняк после ночных борений нескорый — пробрался в ванную, открыл кран, сунул указательные пальцы под струю и, наконец, разлепил веки. Понял, отчего орала Ольга.

Битые, иногда дважды—трижды, сомы с саднящими багровыми ранами ползают в слизи и крови по ванне, пытаюсь выбраться.

Павел на минуту оцепенел...

Шок прошел, но затем что-то в нем сломалось, переключилось помимо воли, замкнулось где-то глубоко—глубоко внутри: там, где человек еще и не бывал ни со скальпелем, ни другим медицинским инструментом или средством.

Павла вывернуло. Так отчаянно его еще не рвало. Туда же — в ванну. Отравился человек. **ОТРАВЛЕН.**

II. ВМЕСТЕ С ЖМУРИКАМИ

Голос его — небольшого диапазона, однако удивительно светлого тембра, без часто встречающейся у людей такого питейного разряда надтрещинки или даже металла.

Необыкновенно хорош бывает и в танце. Часто, когда удача в жизни, как расхоже говорится, катит, — он умеет показаться и тут. Поэтому, когда он солирует в совхозном хоре, а затем, против всяких там хормейстера планов, пускается выплясывать, — у внимающих действию сложнейшая гамма настроений: от гомерического смеха до чистейшей слезы. Больно жалостно выводит чертяка. Талантище. И, если пить за оба таланта-бриллианта в сто сот каратов, то дай бог не захлебнуться. Дитя экспромта, конструктор того, что называют придуманным праздником, организованной удачей...

В минуту такой ладно организованной эйфории его песни — это его песни, его танцы — его танцы, и уж если этот танец — лезгинка, то обязательно вдохновенно и на пуантах. Потрясающий человек!

Разумеется, не лишен простого, узнаваемого, понятного — общечеловеческого. Что говорить, все под богом, всех нас питает мысль богова; одним теплом и заботой оберегаемы, пусть и общего в нас — хромосомный набор да блажь, что, впрочем, по-разному — как привыкнется, как сложится. Тут даже объем варьирует по-единично, хотя в большой разброс не верится.

В жизни все на чуть-чуть, если верить местному литературному классическому. Ныне, правда, беглому... Однако отмечен даже и тут — в устремленности и способности достичь желаемого, в способности устоять перед крайним адептом — и следом... поверить ребенку, в умении не обидеться на очевидную издевку — и крайней полярности и непосредственности в своих суждениях, в детской на-

ивности порою — и часто практичности необыкновенной.

Потрясающий человек.

Замечателен даже и своим сплошь и рядом не красным словом, своим и не без-особинки. В пространном монологе замечен не был. Мы все устали от длинных речей и какой-то экспансивной доказательности и логичности современных ораторов.

Хорош в труде — не этим ли сегодня мерить человека раньше прочего? Труд его — труд свободного человека, творца до самоотречения.

Так явись же, человек, способный хоть отчасти передать, пусть грубым мазком, образ человека, который...

Потрясающий человек!

Трясти от него, от Жмурика, начинает примерно с третьего часа близкого знакомства: быстро сыплется, как несвежая роза, первое впечатление. Для тех, кто способен, — остается лишь философствовать по поводу обманчивости первого впечатления.

Жмурик.

...В проволочную петлю, которых вдоль забора с десятков, угодила справная, большая, зубастая, неистово гавкающая с сатанински отчаянной злостью собачка. Опять сработало!

Покуда Жмурик выплясывал восторженно на пуантах около, пытаюсь кончить Полканку вилами, Гриша степенно сходил в дом, вернулся с инструментом и тукнул животину дважды обушком. Не промахнулся. Потом залил кровью снег у порога, ловко и довольно быстро освобождая тушу от шкуры:

— Будет Жмурику теплый намордник — хайло прикрывать, когда на морозе песняка давит.

Все сделал, может быть, только чуть-чуть медленнее, чем сам резюмировал свершившееся:

— Мы встретились, как три рубля на водку, и разошлись, как водка на троих.

Жмурик почти не обиделся, однако счел необходимым как-то отреагировать:

— Не стану жрать вашего Полканку. Хватит уже кидать в брюхо чего попало, совсем осатанели...

Предложил свой вариант — подледную рыбалку.

Капитана Воронина, как старшего по званию и вечно крайнего, оставили готовить харч, а сами идем к озеру через поле — на ключи. Бредем через поле, кувыркаемся в ранних февральских сумерках меж черных кочек, Жмурик и Гриша много благодарят друг друга. Один — за то, что не отказал генератор идей, другой — за опрометчиво включенный блок реализации. Единственный фонарь не включаем — бережем батареи, еще пригодятся. Жмурик говорит, что так умели "берегить добро" разве что его предки, ходившие "у Благовещенск с сапогами в положении "на плечо", впрочем, хоть как-то они все же боролись со вшивостью.

Неудивительно, что против обычного Жмурик много вопросов не задает, даже когда, наконец, выгребли по снегу к озеру. Жмурик прекрасно знает, кто должен все решить, поэтому задавать вопросы — значит напрашиваться на дополнительную работу. Это уже потом, когда Гриша охренеет от теперь еще только предстоящей адовой работы, тогда он задаст вопросик из запасника, где

сплошь сакраментальные. Но — позже, в паузе, чтобы это было сродни удару плети вдоль спины. Долгов не прощает.

И потом, Гриша дело знает. Едва добрались, а он уже тычет пешней:

— Павлик, под кочкой, Жмурик — тут, я — рядом.

Коротенький, эмоциональный всплеск Жмурика, который, впрочем, сопровождает любое начало любого дела:

— Не-е, тута отродясь ключей не было, совсем Гриха мозги пропил, ниче не помнит...

Это — как преамбула к работе, как молитва. Но вот он уже крушит лед рядом с Григорием, который охлаждает лед пешней так, как живет — ледяная крошка во все стороны. Ищет родник. Ходит, примеряется, вновь рубит ледовый панцирь — в месте, где подо льдом ключ, — там звуковая отдача характерна по тону.

И здесь все на чуть-чуть.

Уже и шапка долой, и фуфайка, и дежурный, обязательный плотницкий ватный противорадикулитовый пояс... Но после довольно продолжительных поисков, неуспеха, когда находили "пустые" родники или мутные, так что и близкого дна не видно, — наконец попали... здорово попали. От предчувствия крупной удачи Григорий даже замурлыкал чего-то из любимого Магомаева: "Быть судьбой тебе не судьба, все растаяло, как во сне..." — но поправил ситуацию: не дай бог хорошее настроение передастся партнерам, по-трезвому не дай бог поделиться... Сделал даже выговор: мол, если б Жмурик под ногами не путался — с полвоза уже выбросили бы. А впрочем, ночь, мороз, рядом на скотомогильнике тьякают собаки или лисы, — неуют, но не давящий, а скорее располагающий вершить дело быстро. Поэтому не стал Гриша собирать крохи авторитатные или бальзамические, — для души, их он достанет из-под льда. Он уже весь там, и больше нигде.

Пробил отверстие во льду с кулак величиной — в нос ударил затхлый дух ограниченного подледного пространства. Сунул руку в воду по локоть: "чудненько попал — шивеляца". Обломал лед еще чуть, сделал отверстие настолько больше, чтобы щучьей башке протиснуться, однако и не сверх того: надышится рыба и — поди ее собери потом... Глубже запустил руку и выбросил в четыре приема четыре щуки; пятой, такой же сонной, как и первые, достало сил упереться задней третью в озерный вонючий кисель да в бока соседей и сойти с Гришкиной рогатки из указательного и большого пальцев, запущенных снизу в жаберные щели. Зато следом выбросил змееголова килограмма на три.

— Хорошее соседство — два озерных юда — черт и сатана! Все равно что два Жмурика, такое в природе... как говорят умники, — нонсенс, "не может быть".

Потом выбрасывал еще, и еще. И еще. Покуда пространство в родниковой нише не разрядилось. Остановиться уже никак не можно — сбрасываются свитер и рубаха:

— Жмурик, разведи, пес, костерок, я щас...

И вот уже сосульки в волосах со стороны ныряющей руки, вот уже нет сил терпеть холод, уже примерзло желание рыбака, заправленное истерикой, — немеют от холода спина и руки, трещит от

статики положения позвоночника — хоть бейся об лед, будто выброшенные эти последние два десятка рыбин, хоть вой. И завыл бы и забился, если б только не Жмурик около, который, забегаю то с одного боку, то с другого, тычет острогой в расширенную прорубь, через четыре на пятый делая удачные попытки.

— Жмурик!.. — нет, только злоба. — Де костер, падла?! Скрючился, презер... Бегом за дровами, бе-гом! Шшакал!.. — ненависти у Григория было столько, что, казалось, добавь еще скромненькую к ней единичку — и растает под ним лед.

Гриша кое-как влез в фуфайку, застегнул пару пуговиц — уже на бегу — и, матерясь, понесся по льду вдоль берега. Замыкая километровый круг, чуть оттаявший, поинтересовался:

— Как там с костерком?..

— Дома водочкой отогреемся, — сообщил Жмурик.

Увы, новенького Гриша для себя тут ничего не открыл.

— Но каков поросенок? — обратился к темноте за кустами Григорий, отправляясь на второй круг. — Прибегу, если не будет костра, чума рыжая, — пригорбачу, похороню, Жмурик, при...

— Я че я? Рази я тебя посылал под лед? — вот и был задан Жмуриком тот самый сакраментальный вопрос.

На ужин — к ушице из щучьих голов, собачьей грудинке и ребрышкам, ну и к водочке — собралось мно-ого друзей, трудно было представить себе что их ТАК много. Но какие люди собрались!..

Однако Жмурик, окинув взглядом укрытый пергаментом стол, который, что называется, ломился от харча, и что-то для себя вычислив, от Жучки в луковом соусе наотрез отказался.

— Ничего, пару стопок жажнет — и куда он денется, — Гриша ничуть не расстроился.

— Просто не хочу вместе с вами однажды захрюкать, людьми надо быть, — обвинил Жмурик общество — вместо пожелания приятного аппетита. Наверное, потому, что общество, хапнув по кружечке, навалилось на...

А впрочем, Жмурик говорил. Говорил, хоть и путанно, и немного, однако до пятого полустакана линию держал. Между третьей и четвертой мисками хлеба из рыбы, слегка чищенной бульбы и соли (Воронов сыпал от плеча), отвалился было. Хотел, правда, перебить оскомину прижаренными ребрышками ("а ну ее — принципиалку!"), да таз с ними уже ушел на другой край стола.

— Ну ты, Жмурик, здоров жрать, четвертую миску охаживаешь, мы вон по одной не закончили, — Гриша не мог не отметить.

Простая душа Жмурик не сразу сориентировался:

— А че там, первые две все одно через край попил — не считается.

Размяк, подобрел обычно молчун капитан Воронин:

— А Жмурик характер удержуить — як сказав, шо псину исть ни будить, так и...

Жмурик налил ковшом пятую миску — обиделся на Воронина, другого, наверное, ждал от него, надеялся, что тот скажет что-нибудь вроде: мол, распробуй, Шура, вместе охотились, и тому подобное. И тогда бы уж он, Жмурик, распробовал...

— Ничего, я и ушицы похлебал от пуза. А ты, Ворона, лучше думай про семью... благодетель выискался.

— А чего семья, деуки у мене страгие, просто так к себе не подпустят. Да и мужики у мене...

— Да-да, их бы всех, вместе с тобой, под пресс — может, один путный и вышел бы. Ладно, скоро я от вас свалю, Гришка женится да к бабе уйдет — закончится твой курорт, отправишься к деткам, снова харя будет в крованом корже, они тебя распишут... — Жмурик не на шутку рассерчал. — Когда женишься, Гриха?..

— А когда будет тридцать шесть.

— А щас сколько?

— Двух сантиметров не хватает.

За столом. К полуночи тут уже не было ни трусливых мужей, ни хитромудрых любовников, ни солнцеподобных чревовещателей — покинули его рабы страха, остались только бойцы и герои. Установился режим общения на электроимпульсах подкормки, почти телепатический — когда каждый понимает каждого, пусть и не все возможно объяснить. Собрание интуитивистов.

Все бы ничего. Но распахнулась дверь, и ввалилось то, что Жмурик называет обычно “откудани-возьмись”. Даже известный своею широтой души Григорий обиделся. Но лишь чуть-чуть.

— Насилье рвется в хату... Кто таков? Сам пришел?.. А мы хотели в лаптю наср... и за тобой послать.

Однако налил:

— Хапни, может, осознаешь ошибку. Сам-то переселенец или чего?..

Не вступился за вошедшего и Жмурик:

— Гришуха, а я всю прошлую ночь почту носил — из-за вашего горохового супа, так и подумал — сегодня чего-нибудь стрясется. Кишка-то у меня, сам знаешь...

— Из Черновицкой мы области. Хочим к вам у бригаду испроситься, — наконец заговорил вошедший.

— А зачем говоришь — мы? Там в сенях еще один, что ли, прячется? Сбегай, Жмурик, а то эти переселенцы сопрут жратву...

— Во, я и говорю — чего-то стрясется. Не-е, хлопец, гроши, они на четверых лучше делятся, чем на пять, — решил Жмурик.

Тут практики. Давно усвоили истину, что человека с обезьяной разнит способность смеяться. И гогочут от души.

Гриша:

— А без нас никак?

— Та не-е, у вас и гроши хороши, да и мужики, говорят, не больно ушлы, я сам, — робить так робить... У совхоз встрялися, у лэкарки побував.

— Хату дали?

— Та дали. Пол разошовся.

— Сойдетсся.

— Яблочок в вас нэма.

— Яблочки там, откуда приехал. Не нравится — чеши в переселенотдел.

— Не, Гриш, не берем — больно кучерявый. На свет винтом шел, эти — непредсказуемые. Беги, мужик, беги... У тебя вон и кадык, что челнок, не угонишься за тобой. — Жмурик против пополнения.

Решил, как всегда, Григорий. Постановили дать парню подкормиться... если выдержит не-

дельную пьянку. “У нас, баран кучерявый (будто есть бараны, которых причесывают на пробор), неделю хуржун — по-нанайски война — после полочки, неделю — после аванса. Аванс получили вчера, так что только начали — поспел вовремя, правильно про вас говорят... Когда робить? А месяц состоит из сколько-недель?”

— Об одном прошу, — Гриша почти умоляет, — не опорожняйся в валенки. Все стерплю, но, когда кинешь на каменок свои обутки, а от них понесет мочой... У меня, мужик, голова от этого дюже болит. Вот тут вот, и тут, — Гриша указал места и изобразил, как это у него бывает. — Я потом день пахать не смогу. Постарайся, а?

Ну вот, кажется, по главным вопросам проинструктировали. В любой обстановке новому человеку непросто уследить за ходом мысли, как говорится, по первоснегу. Будь новичок поискушенной, многое смог бы прочесть в глазах заговорщиков, еще было время посчитать без суеты и бесплатно для здоровья. Если бы. А так вожденная мечта о скорых грошах, а значит и более близкая цель — отъезд домой при грошах, — мостиком упала на целину справа и целину слева — соединила неопыт с незнанием. Но все придет. Может быть.

А Гриша наливает, приговаривая любимое: читай, мол, паря, подстрочник:

Водка холодная пьется приятно,
И веселит она душу твою.
Но, если водка мешает работе...
Брось ее на хрен... работу свою.

Новичок уже не интересен.

Жмурик завел песню собственного сочинения на мотив “Забудь обратную дорогу”. В ней искра памяти зажигает костер сердечной боли и сострадания к рыжей дворняге, что осталась маяться привязанная — в соседнем селе на попечении жены и детей, которые, конечно же... “За глазами какой там уход за животинной, а сюда не привезешь, тут — варвары”.

О минутах единения душ.

Собачонка удивительным образом чует расположенность к ней хозяина, поэтому ее ожидание едва ли менее томительно и, если удастся Жмурке освободиться от цепи да запасть на скотомогильнике рогами и копытами... Жмуркин жест любви не менее очевиден, чем жест чувства хозяина — уж кому-то всегда удастся прихватить с птичника куренка ли, куриные потроха, головы или ноги. Обычно встреча наполнена проявлениями любви и утешой в ласках, ее внутреннее содержание едва ли объяснимо, однако стержень в том, что оба изгои. Ведь спроси любого человека, отчего полюбил, толком и не ответит: просто люблю и все. А то еще спросит: зачем изгаляешься?

Эх, Жмурка, миленький мой Жмурка,
Зачем тебя я погубил?
Сосед мой Пашка говорил,
Чтоб на прививку не водил.
А я-то Пашку не понял,
И ты пол-уха потерял.
Эх, Жмурка, миленький мой Жмурка...

Такая вот незатейливая песня.

Скорее даже не песня — гимн, что ли. В пору глубокого похмельного синдрома приобретает зна-

чение медитационного элемента — успокаивает, помогает настроиться на работу.

В два часа ночи — за разговорами время ушло — обнаружили, что исчез Жмурик, ближе к трем попадали на нары. Перед тем, правда, капитан Воронин нечеловеческим усилием воли заставил себя собрать остатки из кружек в стеклянную посудину, которую спрятал в рукав фуфайки. После чего, уже без малого в обморочном состоянии, пометался-пометался по комнате... Устроился в углу и облил его. Главное — не в валенки, вот уж не дай бог... Затем, уже сбитым внезапным порывом ветра планером, уронил тело на нары и забылся.

Сказать, что лицо его в ту минуту выражало полное удовлетворение или, может быть, печать греха, — нет, ни первое, ни второе. Если одним словом, то ближе будет — отмучился-а-а-а. Не исключено, это слово — вообще слово последнего вздоха. Тогда насколько же оно бывает отрепетированно?!

Гриша — главхолостяк округи — напротив: брови сдвинуты к переносице, закисли углы рта и глаз, чего-то там булькотит себе под нос — разное обещает... и много-много.

Жмурик сбежал туда, куда теперь уже не смог бы пойти Григорий. Впрочем, ноль-два за вечер — обычный результат в их с Жмуриком играх (уже десять лет), и поскрипишь тут, и поворочаешься, и побулькотишь.

Те, кто знают их с Жмуриком давно, обычно при встрече удивляются:

— Так вы, Гриша, все вместе работаете? За столько лет совместной работы тебе пора бы уже и Героя Советского Союза присвоить!..

— Не-е, пока только орден Дружбы Народов дали, да Жмурик его пропил, — отшучивается Гриша.

К восьми проснулись. Это подсознательно, это на острие копья интуиции, это как закон самосохранения.

Григорий проснулся — уловил ухом еще неясной природы хлюпанье, чавканье.

Капитан Воронин проснулся “ущипнуть пробочку”.

Не удалось. Жмурик к этой минуте уже выплеснул в себя содержимое баночки, которую аккуратно прикрыл гибкой крышкой, забросал питье сверху остатками от собачки, и прилег на свои нары у печи поковыряться спичкой в зубах.

Что тут скажешь? День начался. Ну, разрядил по Жмурику обойму с уже привычными для уха — попробуй сыщи поутру да с похмелья чего-то новенького в анналах... Да Воронин подсевшим голосом полюбопытствовал: “Расскажи хоть, сколько?”

— Да знаешь, как сказать... Почитай, что один раз, да и то все равно, что изнасиловал. До-олго измывалась, все надеялась, что Гриня придет. Пять раз перед тем сгорел синим огнем. Кое-как — уже под утро... А потом говорит: “Я еще-о-хочу”. Зараза! Пришлось раздеваться.

— Дак ты одетым, что ли, справлял дело? — недоумевают Воронин.

— Все! Баста! — вмиг расвирепевший Григорий вскочил на ноги. — Большой сбор, подъем флага и флагов расцвечивания — пять секунд на горшок и марш на стену! Нажрался, Жмурик, шас

сделаю твоей кишке разгрузку... покуда пульс не перестанет биться.

Шевельнули костер, что греет воду для раствора, сделали первый замес — нервно, быстро — с надрывом. И это утром... после ночи.

Денек обещает быть. Трое на стене, включая Жмурика и бригадира, двое на подхвате. Григорий до обеда не разогнулся, рассчитывая загнать, упакать, пригорбатить или еще что-то там...

Вот уже “в мыле” капитан Воронин — подсобник Григория. Другой — Жмурика — крутится, кажется, без усталости, как и сам прогонистый, поджаристый Жмурик, который мурлычет себе под нос свое... Порою заливается погромче, уверенный в своем голосе, будто Пласидо Доминго:

— “Ах, Жмурка, миленький мой Жмурка...” — громко-громко.

— Все равно упарю гада, — Гриша, не вслух.

— “Сосе-эд мой Пашка говорил...” — еще громче.

— Захлебнешься ты когда-нибудь моей кровушкой... — Гриша про себя, не глядя в сторону Жмурика.

— “А я-то Пашку не понял, и ты пол-уха потерял...”

Время к обеду, однако Жмурик в одной поре. Вот уже и у бригадира дыхание сбивается, тяжело дышит капитан Воронин, пал градус оптимизма, и не так сильно желание “большой копейки” у новенького.

Нет, ровно. Как шли по раствору ведро в ведро, так и идут. За работой минуло время обеда... ужина. В стену нового корпуса птицефермы осталось положить всего два ряда, но... Воронин уже постанывает в голос, а напарника Жмурика давно уже не слышно — затих во внутреннем желании дотерпеть...

“Дожду хлыста позорного, пусть хоть мученической смертью падут и все эти...” — держится Гриша. И жмет. Два ряда. Ряд остался, когда рухнул с подмостьев “кучерявый”. Свалился на зубастую кучу половняка и завыл отчаянно.

Еще не понятно, отчего же грустинка-то ударила его в нос и погнала соплю, отчего погнала слезу...

“Падал неправильно, безвольно падал, — решил для себя бригадир (это как приговор: “ваш сын погиб, нарушив устав корабельной службы”... — хочешь, жалей, а хочешь, упрекай). — Чего скулить-то так?..” А вслух проговорил довольно твердо:

— Будя соплю жувать, полряда осталось... грязи давай, грязи! Понаехало тут Матрениных детей: ни шить, ни стирать, а как на бабу залезть — руки золотые.

Однако “кучерявый” подпрыгнул, будто гоголевский бесенок, ослабился, точно сумасшедший, явив ряд мелких зубов, и заорал:

— Я у гробе бачив за вами тута подыхать... ма-етэсь друг поперед друга, а мы мэчимось пидля!..

Прекрасный повод разогнуться, передохнуть. Жмурик наконец выпрямился:

— Тихо, бригадир, не перебивай — немой говорить будет. С трех часов уже молчит, падла, — наверное, думает, нам с тобой опохмелка не нужна. Во, эгоисты пошли молодые... Помолчи, хо-хол, выискался тут герой жатвы!

— Бачь, Грыша, як вин вывалюе раствор. Усе мимо стены! — на нет изошел парень.

К десяти были уже “на базаре”. Порубили пяток рыбин, печку раскочегарили, поставили ужин... то есть, конечно, завтрак. Гриша с Жмуриком долго препирались, решая, кому идти за пойлом. “Сходи, сходи, Гришань, мне все одно не даст: с прошлого раза полсотни недонес, да и очередь вахтить у нее нынче твоя...” Сдался Григорий, в сердцах жахнул канистрой о дверь, и скрылся в темноте.

Итог дня: ноль — два. По существу — нормально.

Многое, очень многое изменилось в эти полчаса. До возвращения бригадира съехал Жмурик: вызвали домой — залегла в больницу супруга. Уехал на попутке.

Следом и “кучерявого” забрала жена: “Спорите мне мужука, про вас тут всяко говорят”.

Зато Гриша вернулся очень довольный — принес на пятерых. Пили “утрех” (а вернее — вчетвером: три члена бригады и... Тоска). Потом втроем, ОНА отвалила передохнуть до утра.

Пили так, что к семи даже капитана Воронина, легендарного молчуна, прорвало:

— Однако и я, Гриша, вывершую нашу апопею, вже и желудок не выдержуить, да и баба материт — дома не буваю почитай что, а в мэнэ и девки, и мужики в мэнэ...

— Да-да, понимаю — страги-ие, — все понял Григорий. — Вы помоложей будете, може ще у бригаду сберетса...

Вместе отогнали трактор на машинный двор, сдали инструмент. Определенно повеселевший от предстоящей перемены жизни капитан Воронин даже блеснул юмором (вот уж чего от Воронина не ждали), когда ехали сдавать трактор:

— Девки, осторожней, трактор не топчеть, трактор давить!

Зашлись в хохоте, когда те ответили:

— Как вы топчете, так уж лучше бы задавил.

В полдня рассчитавшись, Гриша снова пил, оставалось еще много, очень много.

Напоследок в хату заглянул Воронин — подобрать вещички. Выпили и еще выпили. Уже пала голова Григория в миску с похлебкой, однако на вопрос Воронина отвечает утвердительно. Пьет.

Как-то еще вырливающий Воронин на очередное Гришкино “начисляй” сует тому стакан с водой — Гриша опрокидывает его в себя, уже не замечая подмены.

Была заминка, когда бригадир попытался подняться, дойти уж не в сортир, хоть в коридор, однако не сумел. От двери трудно возвращался к нарам, оставляя на полу мокрые следы.

Наутро, подсобрав кое-каких харчей — мороженой рыбы, что осталось от Жучки, — и остаток из канистры, — отправился в соседнюю деревню проведать Жмурика и, может, уговорить того вернуться. Все-таки три одиночества — это без малого два человека — считай, полбригады.

— Скажи ему, Павел, что наливать ему станем по рубчик... а то и с бугром. Без него, дурогона, и работа, и копейка не в радость...

Отправились вместе. Тягостную картину лицезрели. Оттого, быть может, что сами были в кризе: хата не топлена, детишки, позакутавшись кто во что, сидят на диване, включен цветной роскошный телевизор — для контраста в этом эпизоде нет, наверное, лучшей детали, — и только рыжие батины глаза чуть “навылупку” да брови его же — наружу. Жмурка, освобожденный отцом-благодетелем, тут же. Хвостом виляет, то облизывая маленькую, то умастившись у ног старшей. Засуетился, когда навстречу гостям из-под пола стал трудно выбираться хозяин: как он там поведет себя, может, прикажет гнать непрошенных?..

Трудно Жмурику, дюже трудно. К утру доняла всегдашняя постпохмельная лихорадка, подсобрал в квартире что смог, вылил в себя — в харю проклятому червю, страдал до рассвета, однако холод донял еще больше, поэтому, укутавшись в одеяла, спустился в подпол — там все же теплее, да и к центру Земли ближе, а равновесие держать надо, надо держать равновесие.

Глянул на гостей — видок не лучше, посмотрел на детей... и взвизгнул, на фальцет сорвавшись:

— Чего скалитесь, сучьи дети? Отец закоченел, а они скалятса...

Гриша выручил.

Но... “Мало водки, мало. И закуски тоже очень мало”. Друга Григорий выручил, а самому до полного счастья нужно много, очень много. Искал и находил. И пил, пил, пил.

В один из дней второй недели объявленного “хуржуна” Гриша закончился.

Лежал на нарах лицом к потолку: “Как много белого — зима, что ли?..” Впервые то, что безотказно шло в него “с севера на юг”, враз ринулось в обратном направлении. На бок повернуться было никак не можно, а подсобить уже некому...

Помалу оставили тело моторные силы и тепло, зрение и слух, испарились последние крохи истерзанной, невидимой, без заряда веса субстанции. Последнего было уже так мало — совсем чуть-чуть... Оно оттолкнулось слабо-слабо — и медленно, словно невидимый дым, стало подниматься выше и выше. Истаяло в белом морозном солнце...

ВОКЗАЛ

Вокзал галдит, все выглядит вокзально.
 Плевки, газеты, мусор, детвора.
 И пьяные, собаками, печально
 Глядят на мир, что пропили с утра.
 Тоскливо. Все откуда-то, куда-то
 Спешат и ожидают поезда.
 И только я без плача и возврата
 Еду в эту взрослость навсегда.
 И меня никто тут не окликнет,
 Никому я больше не нужна
 За большой дворовой калиткой,
 За окном, за рощей, у окна.
 Там уже идет чужое детство.
 Там, увы, меня не заждались.
 Мне осталось пьяное соседство
 На вокзале перед въездом в жизнь.

Извечно у последней сигареты,
 Прикуренной от пламени свечи,
 Знакомый вкус тревоги и запрета,
 И запах одиночества в ночи.
 Извечно от последней встречи с вами
 Тоска и боль, застывшие в глазах.
 Да безысходность, прячьась за словами,
 Едва мелькнет в нечаянных слезах.
 Пройду, не оглянусь, навстречу ветру.
 Ничто не возвращается назад...
 Извечно у последней сигареты
 Знакомый вкус обиды и утрат.

Белый, белый, белый мир.
 Сон протерт до белых дыр.
 В этом белом сне дырявом
 Белый Месяц кучерявый
 Со звездой, такой же белой,
 Босиком по небу бегал.
 Белый иней на деревьях,
 В лебедино-белых перьях.
 И белы кругом дороги,
 И крылечки, и пороги.
 Все скамейки, окна, крыши,
 Даже маленькие мыши...

Жизнь прозрачна и бела.
 Все! Опять зима пришла!

Тротуар, многолюдная улица.
 Бесконечности лиц и машин.
 Вся российская жизнь — безрассудица
 Отражается в стеклах витрин.
 У вокзалов, церковных обителей
 Не опустим обиженно глаз.
 Проят нищие ради Спасителя,

Унижая себя. Или нас?
 Только души все накрепко заперты,
 А за этим замком — пустота.
 Вся Россия сегодня на паперти
 Просит милости ради Христа...

ПЕЧАЛЬ

Ты не тронь моей печали,
 Не твоя она, не тронь.
 Мне б найти такие дали,
 Где гуляет верный конь.

Там, где друг мне будет предан,
 Где любовь и нету зла,
 Где б никто меня не предал,
 Где бы я не предала.

Там, где ждут меня и любят,
 Где пойму, что не одна,
 Там, где рядом будут люди,
 Те, которым я нужна...

Мне б найти такие дали,
 Только нет их, очень жаль...
 Ты не тронь моей печали.
 Не твоя она, печаль.

Не согреть никогда этот мир огоньком сигареты.
 Ни февральских снегов растопить,
 ни душевного льда.
 И сковало меня лютым холодом лунного света.
 Моих рук, моих губ никому не согреть никогда.

Не встревожены сны опустевших полночных
 кварталов,
 Слышно, как в бесконечность ночные стучат поезда.
 Боже мой! Этот мир... Сколько раз от него я бежала —
 И, как будто по кругу, опять возвращалась сюда.

И учило меня одиночество точным наукам —
Как забыть свою боль в суете и мелькании дел.
И была мне холодная ночь самым преданным другом,
И уже не хотелось, чтоб кто-то меня обогрел...

■

Мне тоже не избежать этой участи.
Молиться на ночь, веровать судьбе.
Другие на своих ошибках учатся,
А я все испытаю на себе.
Все как во мгле, как в дымке расплывается:
Случайный взгляд, твой кофе на столе.
Когда со скрипом двери закрываются
И я одна в квартире, на Земле...
Одна во всей Вселенной и во времени,
Растерянная девочка, стою.
Мне не поднять опущенного бремени
На душу, слишком хрупкую, мою.
Другие на моих ошибках учатся,
А жизнь меж пальцев — струйками песка.
Мне тоже не избежать этой участи —
Понять, как безысходность велика.

■

Протяните руку к Богу
С каплей крови и зарей.
Есть безумная дорога,
Что кончается петлей.
На елабужские звоны —
Тишина забытых мест.
Только птицы словно стонут,
Только холмик, только крест.

Оголтелые сороки,
Да безмолвие одно...
И текут на сердце строки —
Драгоценное вино.
Не судите, люди, строго
Жизнь, увядшую листвою.
Был поэт, поэт от Бога,
В хрупком теле — божество.
А с душою исполина
Далеко ли до греха?! —
Где же ты сейчас, Марина? —
Я жива, жива в стихах...

■

Пусть не тают снега, только в воздухе пахнет
весною.
Вот и птицы уже разгалделись; знать, чувствуют тепло.
Время все забывать, и грустить о прошедшем
не стоит.
Первый отблеск весны, дождалась. Значит, нам
повезло.
Значит, снова увидеть, как будет земля
просыпаться,
И как в небе весеннем бездонная синь высока.
Значит, снова любить, быть счастливой и вечно
смеяться.
И еще не последняя будет пропета строка.
И я рада, что так бесконечно весны повторенье.
А простуженный март будоражит остывшую
кровь.
Первый лист, как рождение ребенка и как
вдохновение.
Оживает земля, предвещая большую любовь.

ТОЛПА

Я, в общем, многого боюсь на этом свете:
Боюсь, когда глаза покойника слепы,
Боюсь кого-то никогда уже не встретить...
И все же пуще страхов всех
Боюсь толпы.

Когда толпе на растерзанье кто-то брошен, —
Всегда, как видно, так останется в веках, —
Мозги и кровь толпа растащит на подошвах,
На грязных кедах и высоких каблуках.

И элемент толпы, излив свои обиды,
В своей квартире упадет вдруг на кровать,
И, вновь из особи вернувшись в индивида,
Над унитазом принимается блевать...

Читатель мой, и ты увидишь, может случиться:
Рычаг жестоких чувств — ослепшие рабы!
Так дай же боже человеком мне остаться,
Не стать животным среди бешеной толпы...

Дмитрий Клоков

■
Погода — слякотная стынь,
Нежданный снег залетной хмари.
И настроенье, как полынь —
По вкусу, а по весу — камень.

В душе дождинок мокрый след,
И тучка на челе застыла,
От дум остался лишь послед,
И грусть меня вдруг полюбила.

Мой взгляд не видит никого,
Мне безразлично жизни бремя,
И для меня застыло время,
И мне не нужно ничего...

■
Пока мы служим Человеку,
Не Богу — сущности его,
Мы пленники от века к веку
И для себя, и для него.

Мы возвышаем сущность Бога,
Не видим Бога лишь в себе.
Петляет ленточкой дорога
В пугающей и смертной тьме.

Мы свет во тьме найти не можем —
Источник тихого тепла.
А есть известная дорога —
Ты загляни вовнутрь себя!

Познай себя.
Ты — сын Вселенной,
Частичка разума ее.
Не подчиняйся жизни тленной —
Твори для сущности ее!

РАССКАЗЫ

КРЫЛО САМОЛЕТА

В эту сопку, рассказывали, почти в самую вершину, врезался самолет. Возвращался с испытаний и в тумане врезался. Летчики погибли. А на вершине будто бы вкопан кусок крыла.

Мы в это верили. Сопка была самой высокой в гряде, преградивший городу путь на север. Она была похожа на наседку, прикрывшую пестрыми крыльями леса выводок сопкок помельче. И клюв был — торчал на самой вершине, словно наседка опасно глядела в небо: не свалится ли еще что-нибудь на голову. Как объяснил мне отец, “клюв” этот был какой-то особый знак, которые ставят на заметных вершинах. Вроде как три жерди, которые так же внаклонку прижимают к стогу, чтобы не раздуло сено. Такие стожки стояли в наших огородах за сараями у тех, кто держал коров, — ветра-то вдоль Амура, особенно в январе—феврале, гуляли злые.

Конечно, нам хотелось на сопку. И крыло увидеть, и оглядеться вокруг — старшие пацаны рассказывали, мол, оттуда весь город видно. Мы этому верили и не верили. Поселок-то наш был в пригороде, а до города надо было добираться на попутках, автобусы тогда еще не ходили, потому и трудно было поверить, что оттуда видно такую даль. Я ведь впервые поехал в город, только когда уже учился во втором классе, а тогда, вот той весной, мне было шесть лет, в школу я должен был пойти только через пять месяцев.

Родители не разрешали нам пока ходить на сопку. Они нас пугали, что там, в тайге, которая начиналась за грядой и кончалась неизвестно где, можно не только заблудиться, но и попасть в пятую колонию, где держали самых главных бандитов, которые и детей едят — были такие случаи. Да мы и сами побаивались. Дело было в том, что гряда кончалась круглой, поменьше “наседки”, сопкой с обрывом. Внизу был наш поселок, и эта сопка почти нависала над ним. А на ее вершине стояли солдаты, и у них были самые настоящие зенитки. Они охраняли город от неба.

Это были другие солдаты, мы их вблизи и не видели, привыкли к своим, охранявшим завод и лагерь при заводе. У наших солдат даже были свои семьи в поселке, правда, не у всех. Эти приходили

в наш клуб, в наш магазин, даже мылись с нами в бане. Мы к ним привыкли, вернее, просто не замечали: они отличались от остальных лишь формой и оружием. Мы их и за настоящих-то солдат не принимали, они ведь не воевали, а что это за работа — бандитов охранять? На сто бандитов хватило бы и одного с автоматом, считали мы, а вот чтоб защитить город и страну от тех, кто постоянно грозил нам из-за границы, надо было быть настоящим солдатом. И оружие иметь серьезное.

Солдат на сопку подвозили на невиданных еще КраЗах (на заводе были только полуторки и “захары”), они быстро выпрыгивали, цепочкой взбирались на сопку, а вскоре такая же цепочка скатывалась по склону. Мы это наблюдали издали, боясь приблизиться.

Уже семь лет как кончилась война, город наш был от ближайшей границы почти в тысяче километров, но по-прежнему на этой и на других сопках стояли зенитные батареи.

Моим любимым занятием было играть в сражения. Для этого я везде — у магазина, у столовой — собирал жестяные пробки от лимонадных бутылок. Они у меня служили и танками, и пушками, и долговременными огневыми укреплениями. Время от времени старший брат делал набеги на мои сокровища: выкрадывал пробки и расплющивал их двумя булыжниками. Если мне удавалось поймать его за этим занятием, мы дрались... Когда я увлекался, то ничего уже не слышал. В каждом сражении у меня обязательно были зенитные посты.

Кажется, лишь в третьем классе я оставил это занятие, но и когда уже служил в армии, клацанье автоматного затвора, щелчки патронов при зарядке магазина напоминали мне тусклый звон жестяных бутылочных пробок.

Впрочем, в войну тогда, наверно, играли все. И сегодня для пацанов это одно из любимых занятий. Одно из... А тогда было только оно.

И когда мы первый раз тайком решились пойти на самую высокую сопку, мы сделали это в честь нашей первой победы: в тот день нас впервые приняли в свою компанию старшие пацаны и мы почти на равных с ними дрались против пацанов Первой линейки.

Это было заведено до нас — когда только появились Первая и Вторая “линейки”: два ряда двухэтажных деревянно-засыпных домов, по пять в каждом ряду. Их-то и называли “линейками”. Между ними было метров сто пустырей и огородиков, а посерединке — заброшенная кочегарка с поваленной трубой. Дома эти построили перед войной, а кочегарку забросили уже после, когда тепло в дома пошло с большой заводской котельной.

В развалинах кочегарки мы как-то нашли (я тогда был уже в шестом классе) проржавевший ручной пулемет. Говорили, что его спрятали военнопленные японцы, работавшие в кочегарке после войны. Из-за этого пулемета дрались уже целых три поселка: мы объединились с Первой линейкой против пацанов Зеленого, которые выкрали пулемет с чердака одного из наших сараев, из тайника при штабе. Тогда была большая драка и, как обычно, — камнями. Кидали пацанов по пятьдесят с каждой стороны, а другие им подтаскивали камни.

Тот бой мы выиграли, пулемет нам вернули, так как у нас опыта было больше: Зеленый стоял на отшибе, пацаны там между собой воевали редко, а мы между “линейками” дрались постоянно, переставая только когда из-за побитых окон в дело вмешивались взрослые. Но для меня драка из-за пулемета, кажется, была последней.

Дело в том, что я швырял камни далеко и метко. И попал в одного из “зеленовцев”. Он схватился за голову и упал, а я заорал от восторга:

— Попал, попал!

К лежащему подскочили несколько пацанов, потащили его, а мы бросились вперед. Конечно же, тогдашнюю победу я приписывал себе и потом приставал к каждому:

— Видал, как я его!

А ночью я проснулся от собственного крика. Мне приснилось, что я убил этого пацана и что утром меня придут забирать в колонию. Нас тогда часто пугали колонией, кое-кто в нее и попадал...

Я, к счастью, не стал убийцей в свои тринадцать лет, так как такой случай стал бы известен в тот же день. Но увечий и шрамов от камней в те годы было столько, что на них обращали внимание только в семье. Допытываться же, кто виновник, было бесполезно: мы друг друга не выдавали. Ведь не из какой-то особенной злобности мы дрались, — споры возникали за территории, за переманивание сторонников, а часто просто так, ради интереса, чтоб доказать, что “наши” сильнее. Это уже позже, в шестнадцать и старше, многие из тех, кто вовремя не отошел и не занялся делом, так же бессмысленно, но уже с озлоблением стали участвовать в жестоких драках с поножовщиной и во многом другом подобном... Но все это для нас придет позже, тогда мы только осваивались.

...Нас было трое — Вовка, Борька и я. Жили мы в одном доме, только в разных подъездах. У двоих отцы служили в колонии при заводе, у третьего отец был мастером на заводе. Всем троим в том году предстояло идти в первый класс. А пока было

начало апреля, утром мы выиграли первый бой, а после обеда, когда родители ушли на работу, отправились на сопку искать крыло самолета, а заодно посмотреть, что за мир открывается с такой высоты.

Снег в том году сошел рано, но было прохладно, и камни, которыми мы по пути набивали карманы, собирая их на обочинах или в канавах, куда их отбрасывало колесами грузовиков, были прямо ледяными. Камни подбирали такие, чтобы их удобно было держать большим и средним пальцами, придерживая сверху указательным, — лучше всего овальные, потому что круглые встречались редко, а плоские или изломанные кувыркались в воздухе и попадали не туда, куда хотелось. Я первый научился ловко швырять камни, а Борька так и не одолел эту науку, кидал будто из-под мышки (мы это называли “по-бабски”), и камни у него летели куда попало, бывало даже, в своих. Он потом отошел от нас, занялся баяном, это у него получалось гораздо лучше. У него были удивительные пальцы — длинные и гибкие. Потом я где-то вычитал, что такие пальцы бывают у музыкантов и карманников.

Быстро научился кидать камни и Вовка. Мы с ним это часто делали на спор. А потом и во многом другом стали соперниками, конкурентами. По части девчонок тоже. Я, например, страшно завидовал ему, что он первый познал женщину, а ко мне они были равнодушны. Зато после он признался, что мучился из-за долгой и серьезной моей переписки с девчонкой из младшего класса, которая потом ждала, но так и не дождалась меня из армии. В девятом классе мы вместе с Вовкой таскали спирт из школьной лаборатории, из колб с лягушками. Потом как-то разошлись, попали во враждебные поселковые группировки. После одной из драк, как тогда говорили, на выезде, его группа кого-то сильно покалечила, и Вовка чуть не угодил в тюрьму. Видимо, это его сильно отрезвило, он пошел в вечернюю школу, стал работать на заводе, потом учился в институте и теперь неплохой организатор-администратор.

Все трое были вроде бы из благополучных семей, а что стало с теми, у кого отцы или матери, а то и оба, сидели в лагерях?..

Мы шли и расстреливали камнями консервные банки, комки бумаги, вытаявшие из-под снега; доставалось и кошкам, жмурившимся у калиток на весеннем солнышке. Если на дороге не видно было взрослых, начинали обстреливать белые ролики-изоляторы на столбах, но ни разу не попали, зато Борьке отскочивший от столба камень врезал по голени, после чего он брел за нами прихрамывая.

Вовка лучше нас знал обходную дорогу. Она сперва приводила в маленький поселок подсобного хозяйства — на склоне за сопкой с солдатами, — а потом по распадку поднималась на большую поляну, как раз позади сопки с клювом, — то есть, как мы очень надеялись, с самолетным крылом.

У Вовки в этом поселке были знакомые. И зимой они с отцом ездили на лошади, запряженной в сани, за елками к Новому году как раз по этой дороге — через поляну и в тайгу, она как раз тут начинается. Все это Вовка рассказывал на ходу, причем главным образом для меня, с торжеством в глазах. А в доказательство показывал на черные лошадиные котяхи, разбросанные на дороге и полураздавленные полозьями. Здесь снег растаял мало, — это был северный склон гряды.

— И я тут катался! — гордо сказал Вовка, показывая на укатанную санками дорогу. — А вас сюда не пустят поселковские. Вот если только со мной...

На самой поляне, открытой солнцу, снега уже не было, но налево, по склону, ведущему к нашей вершине, он еще, хотя и мокрый, осевший, лежал. Тут мы брели, помогая друг другу: склон становился все круче. Обуты мы были, конечно, в ботинки, так что и ноги, и брюки скоро промокли. Но до того ли было! Мы цеплялись за ветки орешника, за стволы тонких березок, вытягивая себя наверх. Едва отдышавшись за толстыми стволами сосен, снова лезли вверх. Под самой вершиной каменный горб был без кустов, сухой — на его крутизне даже снег не держался. Только посерединке торчал небольшой тухлявый пенек.

— Может, обойдем? — предложил Борька, когда мы сели передохнуть перед последним препятствием.

Обойти можно было и слева, и справа. Там от вершины к соседним сопкам спадали седловины, и по гребню легче было добраться.

— Кто налево пойдет, — волку в пасть попадет, — рассудил Вовка.

— А кто направо пойдет, — тому от матери достанется, — мрачно сказал я, глядя на размокшие ботинки, забитые между шнурками рыжей хвоей.

— Вперед! — скомандовал Вовка, и мы рванулись на приступ.

Срываясь, скользя мокрыми подошвами, разрывая на коленках брюки, позабыв о солдатах с зенитками, а потому и вопя истошно “ура!”, мы кое-как вскарабкались к пеньку, где и попадали, задыхаясь, но все-таки зацепившись за него. Отсюда склон шел вверх более полого, и Вовка предложил ползти дальше на брюхе и врассыпную: на случай, если на вершине засел враг и его надо сбросить.

Предложение нам понравилось. У каждого за поясом было по деревянному пистолету, мы их приготовили к бою. В то время еще делали красивые резные пистолеты, очень похожие на настоящие, со всякими штучками — насечками, мушками, прицельной планкой, предохранителем, даже ствол прожигали каленым гвоздем. Все это, говорили, пошло от военнопленных японцев, которые мастерили такие пистолеты за папиросы. Позже сделанные пистолеты были уже простыми деревяшками, лишь на первый взгляд похожими на оружие.

Пропахав брюхом еще метров пятнадцать, оставив на камнях нитки и пуговицы, мы наконец

выскочили на вершину с криком “ура!” И замерли.

...Все-таки снизу вершины кажутся не такими, как на самом деле, — ни по высоте, ни по значению. И, наверно, оценить их по-настоящему можно только в детстве, а не впоследствии, когда тебя уже и перекосит не однажды, и веришь уже в очень немногое...

Тогда я не знал еще слова “панорама”. Но я вспомнил в тот момент географическую карту. У нас дома была большая карта полушарий. Я елозил по ней на коленках, читал по складам названия морей, где сражался с пиратами... Вот такая карта открылась сейчас передо мной, и, конечно, воображение мое тотчас разыгралось.

Я был в самом центре карты, и она тянулась во все стороны, нигде не кончаясь. Мы уже знали, что Земля круглая, но для нас она была еще и бесконечной. Назад смотреть было неинтересно: там шла волнами по сопкам сплошная тайга, только далеко-далеко видны были высокие заснеженные горы, горевшие голубым пламенем. Меня те вершины — хребет Мяочан — потянут потом, когда мне захочется стать геологом. А вот впереди... Прямо от ног — вперед и в стороны — разбежался город, и он показался мне огромным, с бесчисленными домами и улицами... И только вдали, на горизонте, как сверкающий голубой обод, город опоясывала лента Амура, еще не освободившегося ото льда. А за рекой, уже подпирая конец неба, по всей длине реки стояли темно-синие сопки. Но я знал, что и за сопками небо не кончается, и там неведомые земли, а слева, куда вдалеке исчезала голубая река, должен быть безбрежный океан. Может, он там прямо и начинается, и по нему можно плыть куда угодно по всему свету. И мне хотелось в теплые страны, потому что зимы у нас были длинные и очень холодные, а лето комариное и короткое, так что не успеваешь набегаться голяком.

Потом мы стали разглядывать город, и чтобы не путаться, решили это делать слева направо. Тут выяснилось, что мои друзья знают город лучше меня, так как родители вывозили их из дома чаще. Я, конечно, немного обиделся, пытался объяснить, что у меня больше братьев и сестер, потому и внимания каждому поменьше, но это Вовка и Борька пропустили мимо ушей.

Итак, слева вдали были видны озера, куда ездил на рыбалку с отцом только Борька.

— Видите — шоссейка пересекает железную дорогу и проходит через поселок, а потом она пропала... А за высоким забором — это там лагерь, зэков держат. Эти зэки, как наши, тоже на заводе работают, только у них там бензин, — отец говорил. А дальше, глядите, уже другой поселок, наверху, а за ним дорога на озера. Ух и далеко! Зато какая рыбалка!..

Про поселок Дземги мы долго не говорили, он все-таки рядом с нашим поселком, туда нас не раз возили в больницу, там и роддом был, кто ж не знает, что там делают самолеты. Там и лагерь

своей, а еще дальше, на Старой площадке, — большие белые бочки с нефтью, — там тоже лагерь, так что ничего интересного. А вот нефть, говорили, аж с самого Сахалина перегоняют, — это большой остров в океане, я его видел на карте...

В нашем поселке мы нашли свой дом, определили нет ли шевеления среди противника с Первой Линейки. Потом подробно разглядели завод, пытаясь угадать, в каком из краснокирпичных корпусов работают наши родители.

Дальше, за заводом, был "наш" лагерь, тоже за высоким забором и с вышками по углам, а за ним начинался большой лесной массив. И опять выскочил Борька, — оказывается, отец и туда водил его на рыбалку: на Силинку, горную речку, впадающую в Амур. Они там ловили ленков. Конечно, и мой отец мог бы меня туда сводить, но ему все некогда, все работает. Зачем же наплодил нас столько...

Спецом по городу был Вовка. Мы так и говорили: "город", потому что самый центр был там, за Силинским парком. Но тут-то как раз Вовке не повезло. Парк был очень большой — высокий и широкий, так что видно было в дымке лишь множество труб, несколько высоких крыш — и все. Хотя Вовка и уверенно говорил, что если повернуть налево у управления лагерей, то сразу попадешь на главную улицу имени Кирова, а по ней, если до конца, — к заводу, где строят суда, даже океанские. Отсюда, с вершины, все это видно не было, а потому мы слушали Вовку рассеянно, перебивали, а вскоре переместились на правый фланг, где хорошо был виден еще один завод, гораздо крупнее нашего со множеством красных труб.

— Это Амурсталь, — сказал Борька, и тут мы сразу поверили, потому что много слышали про этот завод. К тому же мы сверху разглядели, что в ту сторону от нашего завода идет железная дорога, а по ней, мы знали, на Амурсталь везут металлолом. Неподалеку от Амурстали видны были четкие квадраты двух лагерей.

— Все-таки большой наш город, — сказал Вовка. — Наверно, самый большой на Дальнем Востоке, куда там Хабаровску, — тот еще до революции буржуи строили, а наш — уже по-новому, весь народ.

— Пока мы вырастем, уже и строить будет нечего, — забеспокоился Борька.

Мы ненадолго приуныли, но потом вспомнили, что по радио говорили о необходимости осваивать огромные пространства Сибири. Ох, что еще предстоит!

И ветер бродяжничества влетел в наши души на той вершине, мы готовы были рвануться в неизведанное. Не знали и не чувствовали тогда, как мертвый груз и груз мертвых тяжело будет держать ноги и души. Тогда все было еще впереди, в том числе главное — познание.

...Крыла самолета мы на вершине не нашли. Была, правда, под тем знаком из трех высоких стальных труб большая яма. Наверно, кто-то вы-

копал и утащил крыло. Это нас, конечно, огорчило. Но не сильно. Мы ведь очень многое увидели с той вершины.

ВЫШКА

Кроме пистолета, у меня ничего нет. Но я надеюсь справиться. Прохожу, полупригнувшись, сквозь мелкий хвойняк, и только у самой колючки ложусь в траву. Здесь, вдоль проволоки, проходит неширокая тропа. За колючкой — опять трава, а дальше, вдоль забора, на высоте моего роста, тускло блестит толстая проволока. К ней на ночь цепляют овчарок. Но сейчас еще день, этим я и хочу воспользоваться.

Я к этому готовился долго, несколько лет. Главное, как мне теперь кажется, нужно было преодолеть страх. И перед теми, кто за забором, и перед теми, кто их охранял. Одних я боялся как людей вооруженных, потому что мне, да и не только мне, часто внушали, что если у тебя есть оружие, то его надо применять. Чужих людей с оружием я сторонился, а они нередко появлялись в поселке, кого-то искали. Других — тех, кто за забором, — я боялся, не зная их, видел лишь издали, когда их водили на завод. О них говорили всякое. Они шли по дороге, огороженной двойной колючкой, и их сопровождали солдаты с автоматами. По ночам там лаяли овчарки, шарили по небу прожектора. Но потом, в пять лет, я разбил себе губу и на какое-то время оказался за забором. Меня зашивал врач-заключенный, и мне он не показался страшным. Позже я стал думать, что врач там не должен быть. Только я боялся спрашивать у взрослых.

Теперь я стал старше и знал, где взять пистолет. И решился. Я рассчитал, что легче всего — захватить вышку, а уж оттуда, с высоты, потребовать свое. Но еще лучше — сразу стрелять.

Прежде чем перемахнуть через тропу, я осторожно огляделся... Одно мгновение — и я у колючки. Нижняя проволока проржавела и лопнула с тихим стоном при одном прикосновении. Я на спине проскользнул под колючку и нырнул в давно не кошенную траву. На миг замер, прислушался — все тихо. Даже кузнечики застыли в июльской полуполуденной тяжелой жары. Я бесшумно пополз к забору...

Может, надо было взять берданку? У отца были берданка и двустволка шестнадцатого калибра. Берданка нравилась мне больше, у нее был боевой вид, и затвор был, да и отдача послабее, чем у двустволки. В прошлом году, как раз в день моего десятилетия, отец увел меня со старшим братом в тайгу и учил стрелять. Пулями из берданки я дважды продырявил консервную банку и срезал ствол молодой березки. Из пистолета отец стрелять не разрешал, но я знал, где он его прячет.

Я мог бы, конечно, взять и берданку, но с ней много возни. Меня бы, наверно, сразу застукали с ней — ее же не спрячешь за пазуху, да и ростом я пока маловат.

Сегодня утром отец сказал:

— Все, мать, поеду оформлять увольнение, жди вечером.

Лицо у него было довольное, сапоги блестели, парадная форма отглажена. Я помнил, как в последние годы он часто говорил матери: “Надоело, надоело...”

Пистолет Макарова лежал в сундуке под замком. Когда мать ушла в огород, я быстро отодвинул сундук, подставил под задние ножки по детскому кубику и отверткой отогнул в левом углу фанерное днище. Там, под тряпками, и лежала плоская коробка с Макаровым. Пистолет я вынул, коробку сунул на место и придвинул сундук к стене. Через пять минут я уже бежал через хвойный лесок к зоне.

По правде сказать, я знал, что уже поздно, что там, наверно, никого уже нет, но все же бежал. Все эти годы во мне что-то вызревало, выбаливалось в гнойник, и я не выдержал.

...Влажной ладонью я ухватился за перила крутой лестницы, правой рукой вынимая из-за пояса пистолет. Ступени, почти вертикально ведущие вверх, были серые, покоробившиеся под солнцем, все в трещинах. В нашей тайге растет почти одна лиственница, и из нее построили в городе много высоких заборов и вышки. Когда я стал подниматься, лиственничные ступеньки громко заскрипели, и я замер. Наверху было тихо. Я снова пошел, стараясь ставить ногу на стык ступеньки и боковой доски, на ржавые шляпки гвоздей — так меньше скрипело.

Подъем был нелегким. Сухие растрескавшиеся перила впивались в ладонь занозами, рубашка липла к спине. И было так тихо, что отчаяние все больше охватывало меня. Опоздать теперь, когда я наконец решился!... Хотя я и понимал, что давно уже опоздал — месяца на два. Тогда почти неделю отец пропадал ночами, и от зоны в сторону железнодорожного вокзала тарахтели грузовики. В это время в поселке появились некоторые из-за забора. Они и раньше иногда появлялись, но теперь их стало гораздо больше, четверо даже поселились в последнем подъезде нашего дома. Взрослые их вроде не замечали, привыкли к ним на заводе. А мы, пацаны, разглядывали с жадным любопытством. Особенно было странно видеть в первые дни, как они, выходя из подъезда, озирались, будто только на свет появились.

Почему же их выпустили? И зачем их раньше так охраняли, раз теперь так вот, запросто, взяли и выпустили? Если они враги — их нельзя было отпускать. И потом, если враги — то зачем тогда один из них, доктор, меня зашивал? А что если враг — тот, кто их выпустил?.. Разве можно это было делать в один день, всех сразу?

Я поднимался по скрипучим ступеням, уже не таясь и не обращая внимание на занозы. Беспольный пистолет сунул за пояс. Ясно, что на вышке никого не встречу и стрелять будет не в кого.

Откинул крышку люка и выбрался на дощатый настил. Прошел в угол, который нависал над зоной. Здесь, у перегородки, стояла железная тренога. Раньше на ней крепился пулемет, а теперь — ничего. А жаль...

Я глянул вниз. Передо мной расстеленной скатертью лежала зона. Вся, до последнего уголочка, с бараками, с ровными дорожками и невысокими тополями. С внутренним, как и снаружи, колючим ограждением, чтобы нельзя было от барачных приблизиться к забору. Напротив меня, на противоположном углу зоны, — такая же вышка. И по бокам такие же. И ворота высокие, тройные, а от них — дорога к заводу между двойными рядами колючей проволоки.

Солидно все сделано, надолго. И потому меня покорило, что ворота были распахнуты. Словно кто-то торопился, по небрежности забыл закрыть. Да и в бараках двери нараспашку. Может, скоро в эти бараки снова кто-то войдет, двери закроются и ворота захлопнутся? А сейчас в зоне пусто и глухо, словно выжжено солнцем...

Я встал за треногу, сжал ладони, и будто потеплели в моих ладонях рукоятки “станкача”. Я медленно повел стволом вдоль барачных, к воротам, выискивая на подметенных дорожках что-либо шевелящееся. С вышки все хорошо просматривалось, высокая была вышка, удобная. Но в зоне стояла мертвая тишина. Тогда я повел стволом вдоль дороги, к заводу. Но и на дороге никого не было. Приподнял ствол над заводским забором с колючкой поверх остроконечных плах — и увидел в прорезь прицела большие окна цехов с пляшущим в стеклах солнцем.

Солнце мешало смотреть прицельно, резало глаза. И от этого еще шире расплзался разлом в груди, в голове. Но тут же появился и стал быстро нарастать восторг, небывалое прежде чувство подвластности всего, что лежало внизу, мне и моему пулемету. Я ведь хорошо умею стрелять!

Я повел стволом “станкача” от завода к поселку, и тот вдруг оказался в прицеле так близко, что я отшатнулся. Когда смотришь на зону из поселка, даже с крыши нашего двухэтажного дома, она, в темном обрамлении высокого забора, всегда расплывчата, чужда, а потому далека. Сейчас же, с вышки, которая вдвое выше моего дома, хвойный лесок превратился в траву, а наш дом приблизился вплотную, даже видны были пеленки на балконе соседей, что живут над нами.

Я снова прикинул к прицелу. Сквозь прорезь четче вырисовывались окна. Я осторожно вел стволом. Вот за стеклом шевельнулся силуэт. Я замер. Сейчас влажные рукоятки затрясутся в ладонях, под пулями посыплется стекла этого жуткого взрослого мира. Я же умею стрелять...

ВОЗДУШНЫЕ МОСТЫ

Мой первый космический аппарат прилетел ко мне, когда я болел и не ходил в школу. В полудре-

ме я почувствовал, как эта конструкция опустилась за нашим домом, рядом с разбираемой старой кочегаркой. Я было испугался, что аппарат заде-нет за высокую трубу, и все, кто в нем, погибнут. Но потом вспомнил, что трубу свалили уже неде-лю назад. Она еще грохнулась так, что в полуки-лометре на заводе что-то заскрежетало и завизжа-ло, будто кошачья стая, вокруг разбросало снег и за клубилось рыжее облако. Вспомнив об этом, я успокоился, вскочил с кровати и кинулся к балко-ну. Хотел выскочить, но дверь еще была по-зимне-му законопачена и к тому же разбухла от мартов-ской сырости. А из окна было видно только разру-шенную кочегарку. Я бросился одеваться, чтобы бежать во двор, но меня перехватила мать:

— Ты это куда собрался?

— Пусти, мам, ну пусти! Улетят ведь...

— Кто улетит, куда?

— Ну там, за домом... С другой планеты.

— Очумел? С какой еще планеты? Ну-ка быст-ро в постель, у тебя ведь температура!

— Ну почему ты не веришь? Иди сама посмот-ри, они за кочегаркой сели!

Мать укладывает меня в постель, уговаривает, сидит рядом, пока я не перестаю плакать и упра-шивать. Уже уверенный, что они улетели, я отво-рачиваюсь лицом к стене. У меня перед глазами плотная ткань с каким-то странным рисунком, где повторяются спирали и стремительные штрихи, — и от этого становится еще грустнее.

Решив, что я задремал, мать подходит к окну, долго дергает, вполголоса чертыхаясь, форточку, наконец распахивает ее, подставляет стул и высо-вывается на улицу. Томительно тянутся секунды, из большой комнаты доносится мерный стук ходи-ков, и я надеюсь, что мать все же что-то увидит.

Но вот она закрывает форточку, отодвигает стул, вздыхает, и я понимаю, что поздно — улете-ли... Мать подходит к кровати, и я поспешно за-крываю глаза. Прохладная ладонь ложится мне на лоб, как бы вслушиваясь в меня. Мать снова взды-хает и выходит, тихо прикрыв за собой дверь. Я тут же бегу к форточке, подставляю стул, высовы-ваюсь и долго всматриваюсь в пустырь. После это-го болею еще три лишних дня...

... Я в гостях у Олега. Сажу и слушаю, как он долбит на пианино свои гаммы. Олег младше меня на год, он ходит во второй класс, а я уже в третьем. В этом году он пошел еще и в музыкальную шко-лу, которую только что открыли в поселке. Препо-дают там жены зэков. Их мужей, говорят, вот-вот выпустят: уже ноябрь пятьдесят четвертого года.

У Олега в квартире чисто и тихо. Мы сидим в самой большой — северной, полутемной комнате. За стеной, на кухне, мать Олега стряпает пирожи-ки, и это меня интересует не меньше, чем пиани-но. В соседней комнате, с окнами на юг, живет Олегова бабушка. Ей, наверно, лет сто, она ленин-градка, как и Олеговы родители, ее привезли сюда сразу после войны, когда отец Олега вышел из ла-геря. А в самой маленькой комнате — сестра Оле-

га. Она намного старше его: с тридцатого года. Отец и не видел ее, когда она родилась — его как раз забрали. Сестры сейчас дома нет: она учитель-ница, преподает в школе русский язык. Замуж она пока не вышла. Отец Олега тоже сейчас на работе, он повар в заводской столовой, а в Ленинграде до ареста был шеф-поваром в одном из лучших ре-сторанов. Посадили его, как я потом узнал, не за воровство, а за "связь". В сорок пятом его выпу-стили, — то есть из колонии при заводе он пере-брался в поселок, а работать остался в той же сто-ловой. К нему приехала семья, через год родился Олег.

В их квартире много воздуха, просторно и даже торжественно. Или мне так кажется после нашей квартиры — тоже трехкомнатной, но переполнен-ной бестолковым движением. У нас всегда тара-рам, даже когда мы делаем уроки и кричим друг другу: "Тише ты! Да тише же, кому говорят!" Торжественность Олеговой квартире придает пи-анино: оно черное, блестящее, строгое, и даже гам-мы здесь не стучат в стены, а будто плывут в ти-шине, в полумраке комнаты... А я сажу на краеш-ке стула и слушаю.

Иногда Олег делает передышку, и тут же в две-рях появляется его мать — небольшого росточка, круглолицая, вся макового цвета — и лицо, и одежда. Олег делает вид, что разговаривает со мной:

— Да что ты так сидишь? У стула же спинка есть, сядь нормально!

Сам Олег сидит на круглом вертящемся табуре-те, и ему откинуться не на что. Похоже, он мне за-видует. И еще ему почему-то хочется к нам, — мо-жет, потому, что нас в квартире много. А мне до-мой не хочется: у нас нет пианино. Мать, когда я как-то о нем заикнулся, сказала, что у нас тесно — все же девять человек, инструмент ставить неку-да, — и отвернулась. Я все понял и не стал больше об этом говорить. Через год-два я уже буду помо-гать старшему брату пасти поселковых коров, что-бы заработать, — где уж тут пианино...

Олег в семье поздний ребенок и единственный мальчишка. Его куда надолго не отпускают, и я этому только рад: прихожу, когда он играет, и слу-шаю музыку. И, странное дело, его это вроде дис-циплинирует. Олеговы родители это тоже замеча-ют и поощряют мои приходы. Олег играет уже не-плохо. Мне иногда кажется, что я тоже так бы смог, но я не решаюсь попробовать — и лишь по-глаживаю блестящие клавиши.

Мне все хочется рассказать Олегу про косми-ческие аппараты, которые я не раз уже отчетливо видел, и уверен, что не во сне, а наяву, и про то, в каком месте они приземляются. Я даже рисунки успевал делать по памяти. Обидно только, что ни-когда не удастся добежать до этих аппаратов, — они всегда торопятся снова взлететь, и поэтому можно только разглядывать их издали, присев на корточках. Чаще всего они похожи на решетки с

шарами, какие я видел в учебниках по химии у старших сестер. Но бывают и другие. Эх, была бы подмога! Я бы мог вот так сидеть, а Олег в это время осторожно подкрался бы сзади или сбоку, и тогда инопланетяне, может быть, вышли бы и заговорили с нами. Я бы им рассказал, что во сне часто летаю в космическом пространстве сам по себе и встречаю их корабли, вечно куда-то спешащие. Рассказал бы им, что мне бывает скучно на Земле, а играть мне не дают, особенно старший брат все время мешает. И что я бы с радостью улетел вместе с ними, только маме оставил бы записку, чтоб не волновалась. Я люблю музыку, а в космосе очень торжественная музыка, я бы только ее и слушал.

Да, очень хотелось рассказать обо всем этом Олегу, но всегда что-то меня останавливало. Все же он какой-то ерзанный. Поймет ли? К тому же он на год младше меня и учится с моей сестрой Лидкой, а девчонок я презираю. В общем, это сложно объяснить...

Но вот что больше всего мне мешает довериться Олегу, так это его отец. Я его боюсь, хотя, кажется, ни разу не слышал его голоса. Олег его тоже, по-моему, боится. Может, отец его лупит? Мне, например, от моего достается: он у нас взрывной. Иногда мне даже хотелось оказаться найденышем, чтоб после очередной взбучки горько и гордо кинуть ему в лицо: "Вот как ты с неродными-то поступаешь? Ладно, я уйду!" Хотя в нашей семье всем поровну доставалось, — сами напрашивались. И лишь через несколько лет, когда я уже сильно вырос, мы с отцом сдружились. Даже на политические темы спорили. Я его быстро убедил, что носить узкие брюки (это тогда не одобрялось) — выгодно: экономия ткани и меньше пыли поднимают, чем клеши. Мне необходима была его поддержка, потому что в школе меня называли стилигой, и директор, а также завуч и комсомольский секретарь взяли меня в оборот. К тому же меня прозвали "космополитом" за значок — яркий значок с английским флагом. Он был красивый, а во флагах я еще не разбирался, да и не сильно к тому стремился в свои пятнадцать лет. Главное — чтоб меня замечали. Одно из собраний кончилось строгим выговором, но я все равно носил узкие брюки, только значок спрятал и не мог его потом найти. А слова "космополит" в том смысле, который ему тогда придавался, я не понимал. Оно связывалось у меня с космосом и напоминало иную мою жизнь — детскую, яркую и радостную, но окончившуюся так грустно...

Да, так вот, Олег боялся своего отца. Как-то той же зимой мы возвращались из школы, а его столовая была по пути. Она считалась заводской, но находилась не на территории завода, а недалеко от проходной. Я предложил Олегу:

— Давай пойдем, твой отец нас накормит.

— Нет, не накормит, лучше дома поедим. — А голос все же неуверенный. — Дома же все есть.

Дома у них, и правда; все было. Мать, правда, стряпала только пирожки с рисом и яйцами, — они всегда у нее пышными получались — зато отец готовил все остальное: и сладкий хворост, и борщ, и кулебяку, и много чего еще... Но из форточек столовой тянуло так вкусно, а вместе с клубами пара из дверей, то и дело распахиваемых, выбрасывало такие запахи, что у меня желудок будто заквакал.

— Ну давай, Олег, чего ты, чего страшного?

Все-таки он пошел. А минут через пять вернулся, прячет глаза, молчит. Иду с ним рядом, тоже молчу, несу его портфель. У самого дома он портфель забрал.

— Говорил я тебе... — А голос тоскливый-тоскливый. И к себе меня не позвал.

Отец Олега был высокий, худой, большеголовый. Лицо темное, с крупным носом и тонкими губами, с тяжелым подбородком. Волосы, как и у жены, — седые. Когда Олег занимался музыкой, а я сидел рядом, он никогда в комнату не входил. Остановится на минуту в дверях, посмотрит и исчезнет. Во мне тогда что-то замирало, в Олеге, наверное, тоже, потому что в аккордах возникал еле заметный сбой. Иногда мне казалось, что отец Олега хочет что-то сказать, причем именно мне, а не сыну. Может, мне просто хотелось так думать, — ведь мне доставалась лишь малая часть родительского внимания, разделенного на многих детей. К тому же мои отец и мать были задерганы ежедневными заботами об еде, одежде, хозяйстве, работе.

Вот в такие минуты, когда Олегу было не по себе, мне и хотелось рассказать ему о своих космических встречах, и я удерживался из последних сил. Мы с трудом досиживали до конца занятий и мчались во двор. Там недавние переживания тотчас пропадали, там была другая жизнь.

Зима в тот год выдалась теплая, а многоснежными наши зимы были почти всегда. В ноябре и декабре у сараев и за огородами вдоль изгородей наметало высокие и длинные сугробы. Взрослым зимой там было делать нечего, и тут начинались наши владения. Траншеи, внутренние переходы, блиндажи тянулись в сугробах на сотни метров. В некоторых блиндажах можно было встать во весь рост. В них мы устанавливали печки-буржуйки, устраивали лежанки из досок. Старшие пацаны здесь курили, давая затягиваться и нам, играли в карты на деньги и папиросы.

Олег с жадностью набрасывался на эту жизнь. На одной из наших старых фотокарточек он стоит с радостной улыбкой, закинув руки мне и моей сестре на плечи, в углу рта — папироса. Все в нем клочкотало, бродило, все ему было интересно, особенно неиспробованное. И у нас дома он любил бывать. За столом со всеми он становился совсем не таким скованным, как у себя дома. Я, конечно, не присматривался к нему специально, просто все это отложилось в цепкой детской памяти, а потом отсеялось, выделилось.

Обозначился, например, для меня и только намечавшийся тогда между Олегом и его отцом разлад. В дальнейшем, как я сейчас понимаю, он мог запросто перерасти в тяжелый конфликт. Буйное жизнелюбие Олега, каким, наверно, обладал в юности и его отец и которому, возможно, он и был обязан пятнадцатую годами лагерей, скорее всего пугало отца, и он старался направить его так, как ему бы хотелось. Или он и меня хотел привлечь в союзники? Но это только мои предположения.

...Этой зимой более или менее упорядочились мои отношения с космическими гостями и их аппаратами. Я за ними по-прежнему наблюдал, но мои знания о них стали пополняться и из других источников. Прежде всего мне попала "Аэлита" Алексея Толстого, и я тотчас ее прочитал. Нашел я эту книжку у Олега, в одном из книжных шкафов. В том же шкафу стояло несколько громадных томов Шекспира довоенного издания, богато иллюстрированных. Читать их я, конечно, не стал, но картинки просмотрел внимательно. Олег Шекспира тоже не читал, хотя с неохотой признался, что сестра и мать пытались его заставить. А библиотека, он сказал, — еще от деда. В том же шкафу стояло множество томов в красных переплетах — первый советский энциклопедический словарь. Я обратил внимание, что в некоторых томах многое заклеено или тщательно зачеркнуто чернилами. Спросил у Олега, почему это. Он побежал к матери на кухню, вернулся и сказал, что такими они получили книги из магазина еще до войны. Кроме "Аэлиты", ничего из фантастики я в шкафу больше не нашел. Но я уже загорелся, записался в поселковую библиотеку, рылся в журналах, читал все подряд. Теперь мои видения приобретали новые формы, Вселенная раздвинулась, и однажды я ужаснулся тому, что она бесконечна и мне никогда не достичь края, не заглянуть за него... Потом я и к этой мысли стал привыкать. Попалась книга, не помню чья, где описывались корабли, которые могут появиться в любом краю Вселенной. Это меня совсем успокоило, я настроился побыстрее вырасти и стать пилотом такого корабля. К сожалению, фантастики и в библиотеке, и у моих знакомых было мало, все больше книжки про индейцев и шпионов, даже в газетах печатали сплошь рассказы, повести и романы про шпионов, вроде "Красной маски". Но индейцы и шпионы меня особо не интересовали.

Понемногу я все-таки втягивал Олега в свой фантастический мир, под видом прочитанного рассказывая мною на ходу сочиненное. На наши вечерние посиделки во дворе приходили моя сестра, соседка Людка, еще какие-то пацаны. Иногда для разнообразия я рассказывал страшные истории, которые к концу выговаривались полупшепотом, а заканчивались воплем вроде: "Черная рука!.." Девчонки визжали, из окон с руганью высывались соседи.

Но у Олега интересы пока не определились. К тому же занятия музыкой требовали времени и

усидчивости, и всю ее, сколько у него было, он тратил на пианино. И все-таки я иногда сердито ему выговаривал, что он до сих пор не прочитал того, что надо было прочитать еще неделю назад. Он виноватился, а через пять минут про это забывал.

...Весна началась с того, что пропала знаменитая своим подлым характером овчарка — Стерва Ляля. Хозяин ее, инженер, расспрашивал всех мальчишек во дворе, разговаривал и со взрослыми, но все было напрасно — овчарка как в воду канула.

Мартовские вьюги сменились оттепельной слякотью, потом снова шел снег, снова завывали вьюги. Промозглая сырость стояла на дворе все весенние каникулы. Детвора сидела по домам. И мы с Олегом почти не встречались — ко всему добавились каникулы в музыкальной школе. В апреле начались домашние заботы — у нас был большой огород, целое поле, где мы сажали картошку, которой кормились не только сами, но и свинья, и корова с телком. Других-то кормов, кроме сена, не было. Семенную картошку нужно было вытаскивать из подпола, перебирать, рассыпать, готовить к посадке. В конце апреля стали копать огороды, в мае пошли посадки, потом прополки и многое другое. Но у Олега опять начались музыкальные занятия, и я снова стал ходить к нему. Отец с матерью даже стали подумывать, не купить ли мне баян, — он попроще, подешевле, чем пианино. Но баян мне не нравился.

Олег к концу учебного года играл уже совсем хорошо. Конечно, это были простые классические вещи, но в них даже малейшую фальшь сразу заметно. К тому времени уши у меня уже достаточно наострились, и я сразу улавливал, если такая фальшь проскакивала. Но ошибался Олег очень редко, а когда это случалось, он искоса поглядывал на меня и, видя, что я заметил, довольно улыбался. А если я не замечал сбоя, он хмурился и повторял это место. Такая забава нравилась нам все больше.

Потом начались долгие летние каникулы, и Олег в конце июня впервые уехал в пионерский лагерь — на тот берег Амура, в тридцати километрах от города вниз по течению. А я остался на все лето дома: в том году в лагерь очередь была ехать моим старшим сестрам, по льготным путевкам. Зато отец впервые взял меня с братом в тайгу, и мы там учились стрелять. У меня хорошо получалось из берданки.

Как только Олег уехал — нашлась Стерва Ляля. О ней уже и думать забыли, в конце концов решив, что ее поймали и съели зэки, — такое случилось часто. А тут ко мне подошли два старших пацана, из пятого класса, и говорят:

— Ваш сеновал сейчас пустой?

— Да, — отвечаю, — а что?

— Кой-кого спрятать надо. Только если сболтнешь...

— За кого вы меня...

— Ладно, пошли.

Мы пошли в сарай, где хранились дрова, и пробрались туда через боковую стенку: какие надо доски отодвинули — и все. Сарай у нас вообще лепили все, кто мог: у кого была коза, у тех дрова, у этих свинья, а у некоторых и корова. Сарайше, а рядом — сараюшка, загородка какая-нибудь... Наша улица — “линейка” — состояла из пяти двухэтажных деревянных домов по два подъезда, и каждый хозяин что-то да имел. Так что вдоль домов, напротив них, шла неразбериха хозяйственных построек, в которой мы, пацаны, прекрасно разбирались и могли запросто с одного конца сарая в стенку войти, а с другого выйти, ни разу при этом не появившись на улице.

В одной из таких сараюшек я и увидел Стерву Лялю. Она сидела в углу, за дощатой перегородкой, замаскированной бочками и корзинами. А возле нее, на подстилке из драных фуфаяк, возились четыре серо-черных щенка. Я остолбенел. Ляля коротко взглянула на нового человека и снова занялась щенками, которые играли ее хвостом, кусали друг друга за уши.

— Вот их надо перенести к вам на сеновал.

— А как она сюда попала?

— А мы знаем? Шарились здесь с полмесяца назад, глядь — лежит, и эти шевелятся. Ну, мы тряпок притащили, поставили перегородку, пожрать принесли. А теперь новый хозяин хочет в сарай дрова привезти, так что надо ее выручать.

И тут я замер. Да как же мы возьмем щенков, если Ляля к себе никогда никого не подпускает? Недаром же ее прозвали Стервой!..

Но пацаны смело подхватили по паре щенков и пошли за сараями, хоронясь от окон домов. А Ляля спокойно потрусилась за ними, покачивая тяжелыми сосками. А следом и я — с телогрейками. Дорогой я думал, почему это Ляля не стала щениться дома, а еще весной, задолго до появления щенков, исчезла из дому? Не доверяла даже хозяевам? А теперь, когда появились щенки, — выходит, стала другой и подобрела к людям? Для меня это была такая загадка, что я решил поделиться ею с Олегом, когда он вернется из лагеря. Щенят мы спрятали в нашем пустом сеновале, но я предупредил пацанов, что к концу июля сюда будут вывозить из тайги сено.

Лето стояло жаркое, дождей почти не было. Я нашел в сарае большую алюминиевую миску, отмыл ее и принес Ляле свежей воды. Она жадно лакала, уже не рыча на меня, а потом кормила щенят. Я по два раза в день бегал на сеновал, и мы с Лялей вроде подружились.

А события тем временем накладывались одно на другое.

Через несколько дней после первой моей встречи с Лялей поселок облетела новость: в тайге за высокой сопкой нашли человека. Застрелился из двустволки: большим пальцем босой ноги нажал на курок. Это оказался муж моей учительницы Лидиванны, работник управления лагерей. Главное, это случилось в тайге: чаще-то смерти или по-

ножовщина происходили в поселках. А в тайге ловили беглых, там была таинственная пятая колония (ее быстренько ликвидировали в пятьдесят третьем). Но чтобы человек сам ушел подальше в тайгу, спрятался ото всех и покончил с жизнью?..

Конечно, осмысливал я все это гораздо позже — уже в зрелом возрасте. А тогда просто с жадным вниманием впитывал все происходящее. Не говорю уж о мелких событиях — таких, как сгоревший соседский сарай, очередная драка камнями с пацанами Первой линейки... Чаше стали появляться в поселке бывшие зэки — с вещмешками и фанерными чемоданами они ждали у перекрестка попутной машины в город, на вокзал. Загорелся среди бела дня барак неподалеку от бани. Горел он очень быстро, от толя на крыше клубился густой черный дым, а сухие дощатые стены просто таяли в огне и обнажали внутренние беленые перегородки, будто кости скелета. Пожарные машины ничего не могли поделать. Слава богу, никто не пострадал, говорила мать. Будет что рассказать Олегу, думал я.

К тому же я начал строить летательный аппарат. Я давно его задумывал и подыскивал подходящее место, — ведь все нужно было делать втайне. И такое место я нашел — сеновал Олега. Он был рядом с нашим и пустовал уже несколько лет. Когда его построил отец Олега, там года два держали корову: Но ухаживать за ней было некому: отец постоянно на работе, а мать прибалывала, да и не расположены они были к серьезному домашнему хозяйству. В конце концов в сарае остались лишь куры да поросенок, а сеновал использовался под всякую рухлядь. Туда как раз мы и переместили Лялю с ее щенятами, когда к нам на сеновал стали возить сено.

Для аппарата я уже и материалы подыскивал. Несколько раз ходил на свалку, где нашел моток цветной проволоки, алюминиевые трубки и трехкольников разного размера, обломки цветных стекол, несколько хороших кусков плексигласа, остов “взрослого” велосипеда и отдельно — три обода велосипедных колес, один даже со спицами. Все это я перенес на сеновал. Оставалось продумать конструкцию. Но это я хотел делать уже вместе с Олегом, твердо решив вовлечь его в свое предприятие.

Часто, покормив собак, я сидел на ящичке и представлял, как на высоком сеновале, в полумраке, расчерченном золотистыми струями солнца из щелей, вырастает наш аппарат, похожий на гигантскую этажерку, опирающуюся на три широкие дюзы, как раз по ободу велосипедного колеса, — я уже и чертежи начал набрасывать... А в один из последних дней лета, перед самой школой (и ну ее, школу!) разваливается крыша — и мы взлетаем! И летим — над поселком, над черной колонией и дымным краснокирпичным заводом, над городом с черными коробками домов, кирпичными высокими трубами и прямыми широкими

улицами. А потом — и Амур под нами, тайга без края и другие города, где мы ни разу не были...

Но прежде чем совсем улететь с Земли, мы должны хорошо опробовать аппарат, а потому слетаем сперва в самые теплые места, где никогда не бывает зимы, побегаем по песку и поедим бананов, о которых, кстати, я тогда только слышал. На минутку залетим на Северный полюс, повидаемся с полярниками, заодно завезем им бананы. Хорошо бы еще слетать на остров, где взорвался “Наутилус”, — может быть, капитан Немо все-таки остался жив? А потом... потом все — прощай, Земля!

Такими планами была занята моя голова не только на сеновале, но и когда я с матерью и сестрами окучивал картошку; она к тому времени, к началу июля, уже кое-где зацвела.

А тут случилось еще одно событие, которое меня сильно расстроило.

В поселке играли свадьбу. Для июля это дело довольно необычное, ну да чего не бывает. Я лично свадеб сторонюсь. Всегда мне кажется, что этот пьяный галдеж кончится чем-то недобрым, — во всяком случае, дракой. И ничего торжественного, завораживающего, на всю жизнь остающегося в памяти... Может, я и не видел настоящей свадьбы? Или это после той свадьбы во мне засело так, что не могу теперь отличить белого от черного?..

Свадьбу играли у соседей: женился четвертый сын дяди Кирилла Меньшовина Васька — самый смирный из своих братьев.

— Во приспичило, — говорил накануне моему отцу в кухне дядька Кирилл, уже успевший где-то “перехватить”. — Ни помидоров в огороде, ни огурцов, а с того года припасенное все слопали. Ты, Петрович, приходи обязательно, и ты, Степановна. Мы вас уважаем, справедливые вы. А мне вот досталось. Сидел — а за что? Сыновья говнюки. Не, ну Васька, тот смирный, а эти — оторвы!.. Пока отца не было, сами чуть не следом за ним... Спасибо, Петрович, хоть ты не забывал. Приходите, ладно? Может, чего бы и прихватили, а? Ну говорю же — хоть шаром покати, а ему подавай свадьбу, и все тут! Ладно бы Васька, а то и эти оглоеды требуют — старшие. На своих свадьбах не нагулялись, жен гоняют теперь по углам, так хоть на Васькиной решили покурлесить. Ну, мне уж чего, пусть гуляют, век короткий, я-то за колючкой сполна все понял. Пусть гуляют!..

Мать в большой комнате хмуро готовила подарок невесте, а отец в кухне прикидывал, как и выпить — и вовремя уйти со свадьбы.

... Дом, где гуляют свадьбу, последний на нашей “линейке”, отсюда дорога идет сперва в другой поселок, Дземги, при самолетостроительном заводе, а затем уже в город. В жизнь, которой я еще не знаю. Свадьба — на втором этаже, все окна в квартиру распахнуты, оттуда несутся нестройный гул голосов, звон посуды, переборы гармошки и залихватские женские частушки.

**Он не хочет, а она
Вся желанья полна...**

Мы — вся ребятня, что осталась на лето в поселке, — сидим на бревнах у сараев. Перед нами, ближе к дому, расположились старухи (кстати, я не помню в нашем поселке ни одного старика — ни на скамейках, ни в магазинах, нигде). Они вынесли свои стулья, сидят на самом солнцепеке и смотрят в подъезд, будто самое интересное выплеснется оттуда.

И выплескивается. Из подъезда вываливается парень в разорванной до пояса белой рубахе. В руке у него сломанные белые астры. Он останавливается под окнами, прямо в центре лужи.

Я не раз вспоминал все это уже в зрелом возрасте и был благодарен судьбе, что мои родители к тому времени уже ушли со свадьбы. Ведь нельзя было предугадать, как ко всему, что произошло потом, отнесся бы отец. Он всегда, как я теперь думаю, находился в неравном с другими положении: глава многочисленного семейства; рассудительный, но вспыльчивый, если его не понимали; особое служебное положение, когда с “чужими” — ни-ни; любопытство к каждому человеку; частенько желание гульнуть; привычка спорить до хрипоты, хоть и не до драки, влезать куда не просят в попытках постоять за справедливость (за что и получил после семидесяти лет железным прутком по ногам)...

— Валя! — обращается парень к свадебным окнам. — Валя, что же ты делаешь? Валюша, уходи оттуда, иди со мной!

Голос его, поначалу тихий, постепенно становится громче. Парень заметно пьян. Девчонки, что сидят рядом со мной, шепчутся. Я узнаю, что этот парень пришел на свадьбу в костюме, с букетом. Он пробыл там недолго, выпил за здоровье молодых, а потом его вывели в соседнюю комнату, сорвали пиджак и разорвали рубаху. Оказывается, он “ходил” с теперешней невестой, но Васька ее отбил. А невеста-то — тьфу, глядеть не на что, — мелкота, тихоня.

— Валя, иди ко мне, уйдем отсюда! — уже кричит парень.

Свадебный гул притихает, кто-то выглядывает из окон. У меня холодеет внутри, мне очень хочется, чтобы парень поскорее ушел. В его голосе такая безнадежность и такой надрыв, что за него страшно.

Из подъезда выскакивают мужики и женщины, уговаривают стоящего в луже парня, но он их не слышит, смотрит на окна и кричит:

— Валенька, да не, да не, да что ты делаешь, опомнись!

И тут из подъезда показывается жених — его оттуда вышвыривают братья. Он куда мельче парня, но в руке у него — сверкающий на солнце нож. Старухи на стульях начинают визжать. Но визг этот скорее поощряющий, чем запрещающий.

— Валя, я сейчас приду к тебе! — несется из лужи.

От этих слов Васька звереет. Он бежит к парню, размахивая ножом, но его перехватывают те, кто

выскочил раньше. Нож летит в сторону, а Васька с размаху бьет парня ногой в грудь. Я весь сжимаюсь. Васька — оттого что так высоко задрал ногу, шлепается на зад. А парень, прижав к груди руки, падает на колени прямо в лужу, и подбежавшие Васькины братья начинают месить его ногами и кулаками. Парень вяло отмахивается, рубаха на нем повисает клочьями, с лица бежит кровь, и, наконец, он ничком падает в лужу...

Свадьба всасывается в подъезд, гул из окон на втором этаже становится громче. Старухи со своими стульями расходятся. Парень лежит в луже лицом вниз. Я боюсь, что он захлебнется. Но вот он поднимает голову, мотает ею, встает на колени и долго стоит так. Уже и пацаны разбежались, и свадьба притихла, когда парень наконец поднялся на ноги, содрал с себя остатки рубахи и, не оглядываясь, двинулся в сторону Дзезмог, в другой поселок. Я увидел его глаза — запавшие, измученные, ничего не замечающие... Подумал: вот и об этом расскажу Олегу.

Два дня спустя я чистил на кухне картошку, а мать возилась у плиты, иногда покрикивая на меня:

— Толсто, толсто берешь!

А я думаю о своем, и кожа с ножа сползает действительно толстая. Мне хочется расспросить мать о том парне, но я не знаю, как к ней подступиться: в кухне жарко, время уже к обеду, мать торопится, вся распаренная, от вопросов просто отмахнется.

Тут хлопнула входная дверь, и в кухню влетела сестра Лидка:

— Мам, там тебя зовут, помочь надо!.. — Голос у нее дрожит.

— Кому помочь, чего там еще?

— Ну, там... Олежку привезли, утонул он. — И Лидка громко всхлинула.

— Да что ты несешь?!

— Ну да, ну да! Тетя Наташа сама как мертвая, а Олежку привезли...

— Ой, да что ж это такое?! Она ж не хотела его отпускать, как чувствовала...

Я продолжаю машинально чистить картошку, и до меня все еще не доходит, о каком Олеге они говорят. Мой друг Олег через неделю должен вернуться из пионерлагеря, и я ему уже столько подарков наготовил...

... Все остальное, что происходило в те дни, было словно не со мной, как бы во сне, — размыто, отрывочно. Подготовка к похоронам, похороны, поминки, девять дней, сорок дней... Помню, когда я нес перед гробом венки, — все пытался представить себе холодную и бездонную глубину воды. За год до того я увязался со старшими пацанами на Амур. Там они обо мне забыли, а я залез в протоку, зашел по пояс, потом шагнул еще — и ухнул с обрыва, который оказался под водой. Плавать я не умел и сразу стал захлебываться, колотить руками по воде, рваться к берегу. Но меня неумолимо тянуло вглубь. Уже и силы были на исходе, я и кри-

чать не мог. Хорошо, какой-то мужик увидел это и выхватил меня из протоки. Потом я сидел на берегу, давно уже просохший под палящим солнцем, но продолжал дрожать, потому что все еще ощущал под ногами мертвящий холод воды. И сейчас я думал, каково было Олегу ощутить весь этот ужас...

Я механически ходил со всеми на поминки, на девять дней, потом на сорок. Мы сидели в большой комнате, где стояло пианино, оно было раскрыто, и ноты стояли на подставке, а зеркала и стекла книжных шкафов были закрыты черным, и оттого в полутемной холодной комнате казалось еще темнее и холоднее, и я снова ощущал в ногах нарастающий бездонный холод. Потом тот же холод возникал в левой ладони. Ею, прощаясь с мертвым Олегом, я коснулся его ледяного лба, прежде чем приподнять подушечку из стружек в изголовье и сунуть под нее свою драгоценность — чертеж нашего с Олегом будущего звездолета. До сих пор не знаю, почему я это сделал. То есть, сегодня, отмотав с того дня не один десяток лет, я могу объяснить это достаточно разумно. А тогда объяснить, конечно, не мог, только почувствовал какой-то толчок: так надо...

... Зимой я провел как во сне: безвылазно сидел дома, много читая, но почти ничего не запоминая из прочитанного. Иногда пытался играть жестяными пробками в военные сражения, чем был увлечен дошкольником, а потом в первом и втором классах, но скоро все опять сбрасывал в ящик.

В начале января, через полгода после смерти Олега, уехали из поселка его родители, — говорили, что в Ленинград. А к концу зимы, в февральскую вьюжную ночь, я тяжело заболел.

Почти мгновенно поднялась температура, было то жарко, то холодно, во рту все стало вязким, ватным, язык, казалось, распух, не вмещался во рту. Меня положили в спальне родителей, приходил врач, мне стали давать какое-то питье и порошки. Но мне становилось все хуже. Всякие видения стали посещать. Одно я и сейчас хорошо помню.

... Будто стою я на нашей высокой сопке, а внизу, в болоте, эки пытаются поднять что-то большое и темное, вроде башню. Руками, шестами, все в грязи, чуть-чуть приподнимут, а она падает, тонет. Какой-то начальник бегает вокруг, кричит, матерится, а по краю болота — солдаты с автоматами, у некоторых на поводках овчарки, рвутся в болото, лают. У одного солдата — Стерва Ляля, но она не лает, а смотрит на сопку, на меня. Я кричу вниз: что вы, мол, делаете, дураки, посмотрите, сколько места, где нет болота, идите сюда, посмотрите сами! Но они меня не слышат, только мать гладит по голове:

— Ну успокойся, успокойся...

Я плачу, просыпаюсь и вновь проваливаюсь в видения.

... Вижу звездолеты, но они почему-то никак не могут сесть на Землю. Только приземлятся — и

сразу взрываются или разваливаются, сгорают. Я пытаюсь к ним подбежать с полными ведрами воды, но вода мгновенно высыхает. Остальные звездолеты разворачиваются и улетают, а я стою и беспомощно плачу. И сказать ничего не могу: во рту сухо, как выжжено. Рядом появляется мать, она сидит на табуретке. Я смотрю на нее и шепотом прошу пить. Она дает какую-то теплую гадость, и у меня нет сил это выплюнуть. Опять куда-то проваливаюсь, и снова передо мной лица, знакомые и незнакомые. Глаза избитого парня... учительница Лидиванна с лепестками цветов багульника на губах... страшная заросшая физиономия, совершенно незнакомая... улыбающийся Олег с папиросой во рту...

— Олег, Олег!.. — обрадованно кричу я.

Но он поворачивается и медленно уходит. Я остаюсь один, и невыразимая тоска охватывает меня. И вдруг чувствую, что вокруг меня начинают сжиматься стены и потолок — медленно, но неотвратимо, а откуда-то из темноты плывет мрачная и торжественная музыка. Бежать некуда, меня вот-вот раздавит, и я отчаянно кричу:

— Мама, мама, спаси меня! Не хочу умирать, не хочу!..

И до меня слабо доносится мамин голос:

— Ты не умрешь, сынок, ты будешь жить долго—долго...

Я плачу навзрыд, захлебываюсь слезами и потом проваливаюсь в темноту, в забытие.

Это был перелом, болезнь пошла на убыль. Но вот это ощущение неумолимо сжимающегося пространства с тех пор так со мной и осталось. Оно превратилось в физическое неприятие всяческих рамок и границ. Я не могу, например, долго находиться в комнате, узкой, как пенал, или с низким потолком. Как-то в студенческие годы я ездил в Посьет — это в Приморье, южнее Владивостока — и все время остро ощущал, что с одной стороны берег моря, а с другой — граница, что я нахожусь на узкой полоске земли, и мне очень тесно, хотя эта полоска на самом деле — шириной в несколько десятков километров.

...После болезни я как-то быстро, незаметно для себя и для окружающих, оформился в “трудного” подростка.

прижимаюсь к твоим бедрам,
стекаю
на твою кочующую объемность.
Плавлюсь,
плаваю,
не в силах выдать ни единого слова...
Я — некогда такой умный —
до рези в желудке начитанный,
понастроивший дверных проемов,
сотни замков врезавший, —
растворяюсь в тебе.
И голый,
как младенец Вишну, —
на тебе,
мой лотос,
мой кочующий...

V.

Молчаливая вата — облако
порождает воду.
Вода поглощает землю.
Разрушает Эвклидову геометрию
и логику Атлантид —
Слава богу!
В воде ходят многия рыбы.
Растворенный
в великой воде, я —
одна из икринок —
в икринке, как в первом нуле,
зреет,
расправляет плечи кочующий остров...
На острове — в междуречьи рождающем воду —
вырастет дерево.
Самое главное в Дереве —
тень,
образующая сеть нулей.
И облако глядит из ветвей — в воду.
и порождает воду...
Растворился...

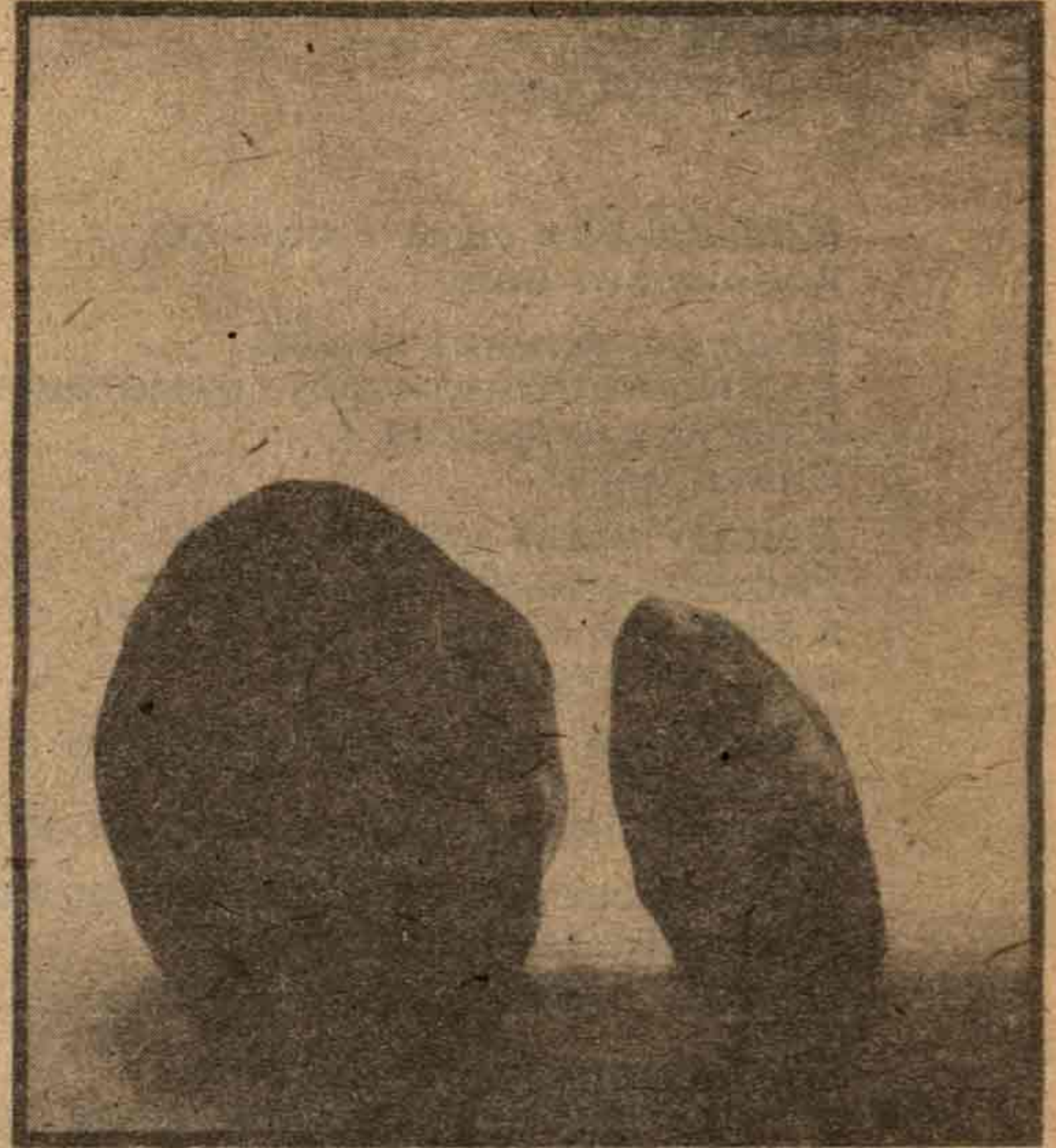
*

В это время
в Нантакете —
времена Моби Дика:
пьяные китобойцы говорят об удачах и не
возвратившихся.
На великой желтой реке —
времена Драконов, и черепахи в Саду императора;
маленькие гейши с лесными глазами ланей и кошек
скользят на ажурных плотках...
в нескончаемых лотосах...
Вещи были гостями.
Я прятался за улыбкой и скрылся на дне своего умолчания.
Облака же — как клавиши, прикрытые осторожной крышкой, —
белые и невидимки.
Несколько шагов по жесткому половик
под разговор морозильной камеры и штор, стыдливо отведших глаза.
Во всем мире
не было и не могло быть телефонов,
хотя,
телефонные книги остались, муравейниками,
жильцов навсегда усыпившими...
когда она,
становясь прозрачной,
опустила стеклянную фразу:
— Если хочешь, разденусь...
Лежа
впервые на розовом лотосе,
я спросил отвечая:
— Ты этого хочешь?..
Время в стране парадоксов ветром ткнулось в тростники.
И запутался ветер в ветвях флейт, издающих молчание...
Лодка египетского жреца, лысого, как вытатуированная роза,
приблизилась к хрустальному крокодилу...
догоны славили Сириус...
И упали, как падают на свои же тени срубленные деревья...
Закрыли глаза...
Муж.
Жена.

Графика Николая Савченко

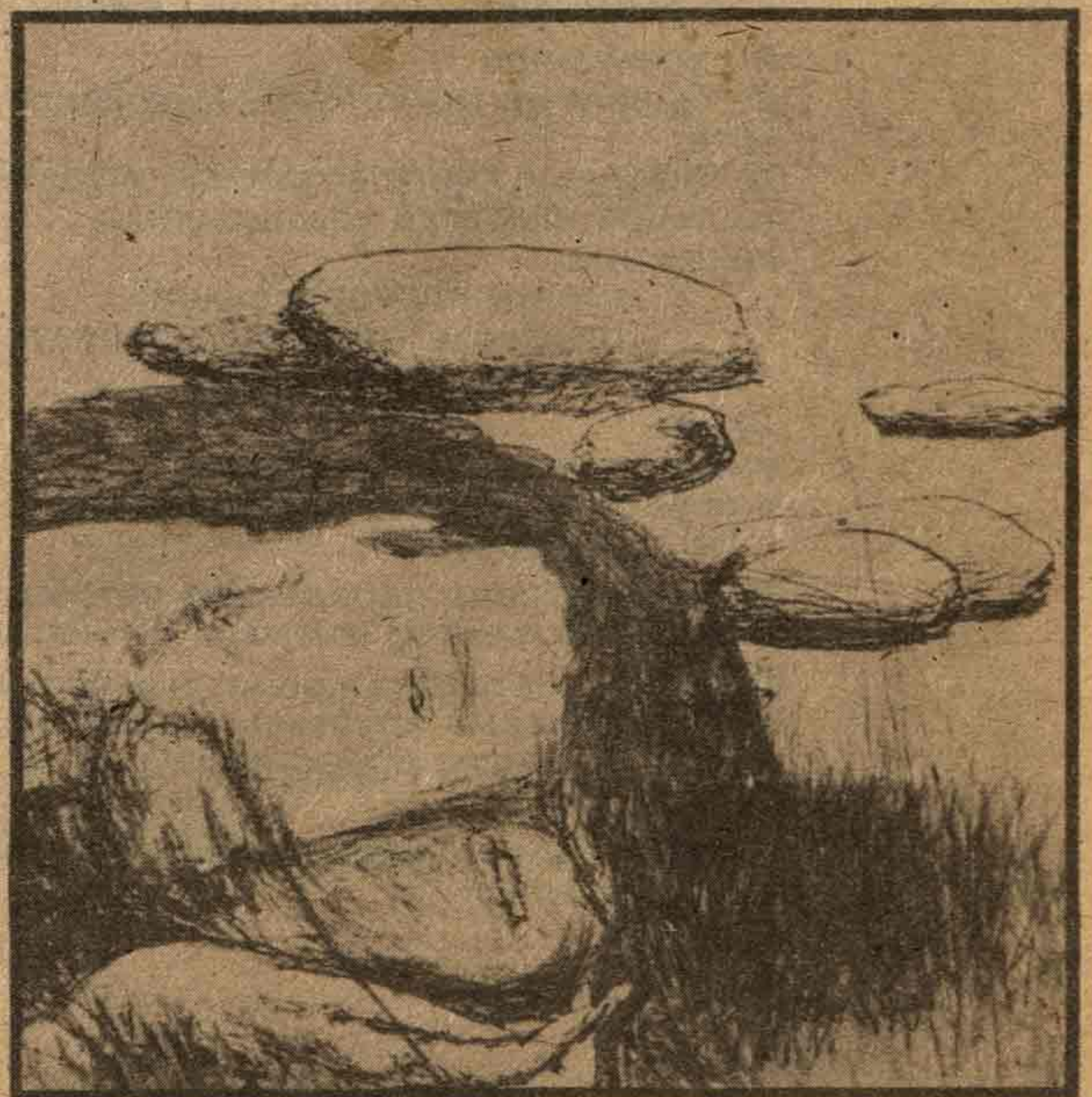
"Стрелец".

"Объяснение". Серия "Камни".

"..."

"Сон".

"Ослепленная".

"Вершина!?". Серия "Камни".

МНОГИЕ О ЕГО ЛИСТОЧКИ СПОТЫКАЮТСЯ...

С Николаем Савченко я познакомился в 1984, в августе. Он зашел ко мне в мастерскую и... сразу не понравился. А сегодня это мой лучший друг и надежда. Его плечо всегда рядом. Больше всего я ценю в людях "фанатизм", преданность работе, способность в момент работы не думать о меркантильных интересах. У Николая это есть.

Все эти годы мы с ним рука об руку. Ссоримся, ругаемся, но... только с ним можно поговорить "на полную катушку" о величии человека, о назначении художника, о нашем месте в искусстве, мире, о фатализме, судьбе, роке — и о многом, многом, до бесконечности.

Впервые я понял, что это Художник, когда увидел его "Беседу при Луне". Этот холст был удачей. Если говорить об "удельном весе", то я уверен, что он "весил" где-то на уровне блоковской "Незнакомки". "И каждый вечер друг единственный в моем стакане отражен..." Теперь эта работа где-то в Японии. Я верю, что у нее будет богатая история и, надеюсь, длинная жизнь.

Вообще-то Николай очень противоречив и многогранен. Он любит импровизировать — но эти импровизации поразительно глубоки. Он психолог или психотерапевт с карандашом в руках.

Когда-то, года три-четыре назад, я смотрел "музыкальный ринг", где пытались Б. Гребенщикова уличить в глупости, надувательстве и т. д. и т. п. В Новом Завете Христос все время говорит притчами, повторяя: "имеющий уши — да услышит, имеющий глаза — да увидит". Тогда меня поразила напо-

ристость слепых и глухих. Их агрессия, темперамент. Мол, туфту нам гонишь, а ничего там, внутри, нет.

А внутри — душа.

Колино искусство такое же. Многие о его листочки спотыкаются, как о бетонные плиты, и набивают шишки на деревянных лбах — жаль только, ума не прибавляется. Но есть у него свой зритель, который так же "торчит" от его работ, как и он сам. И они могут хихикать, болтать, причем перескакивая от сюжета к сексу, от секса к фатализму, от фатализма к Богу, от Бога к дьяволу, от дьявола к женщине, от женщины к ребру, от ребра к яблоку, от яблока к яблоне... Самое интересное, что складывается впечатление — беседуют старые приятели, а они знакомы пять минут.

Обычно о человеке говорит круг его привязанностей. У Николая в "любимых" Гессе с его "Игрой в бисер", Босх, Филонов, Барлах. Работы говорят о том, что он их достойный ученик.

Вот, например, цикл его графических листов "Камни". Я видел в жизни много камней в природе, на картинах, в музеях. Как-то даже написал стихи:

Камни — и сразу баня,
Где жар костей не ломит,
А раны, в том числе и
Душевные, — лечит...

Камни — и сразу ваятель
И его изваяние,
Что на века создается...

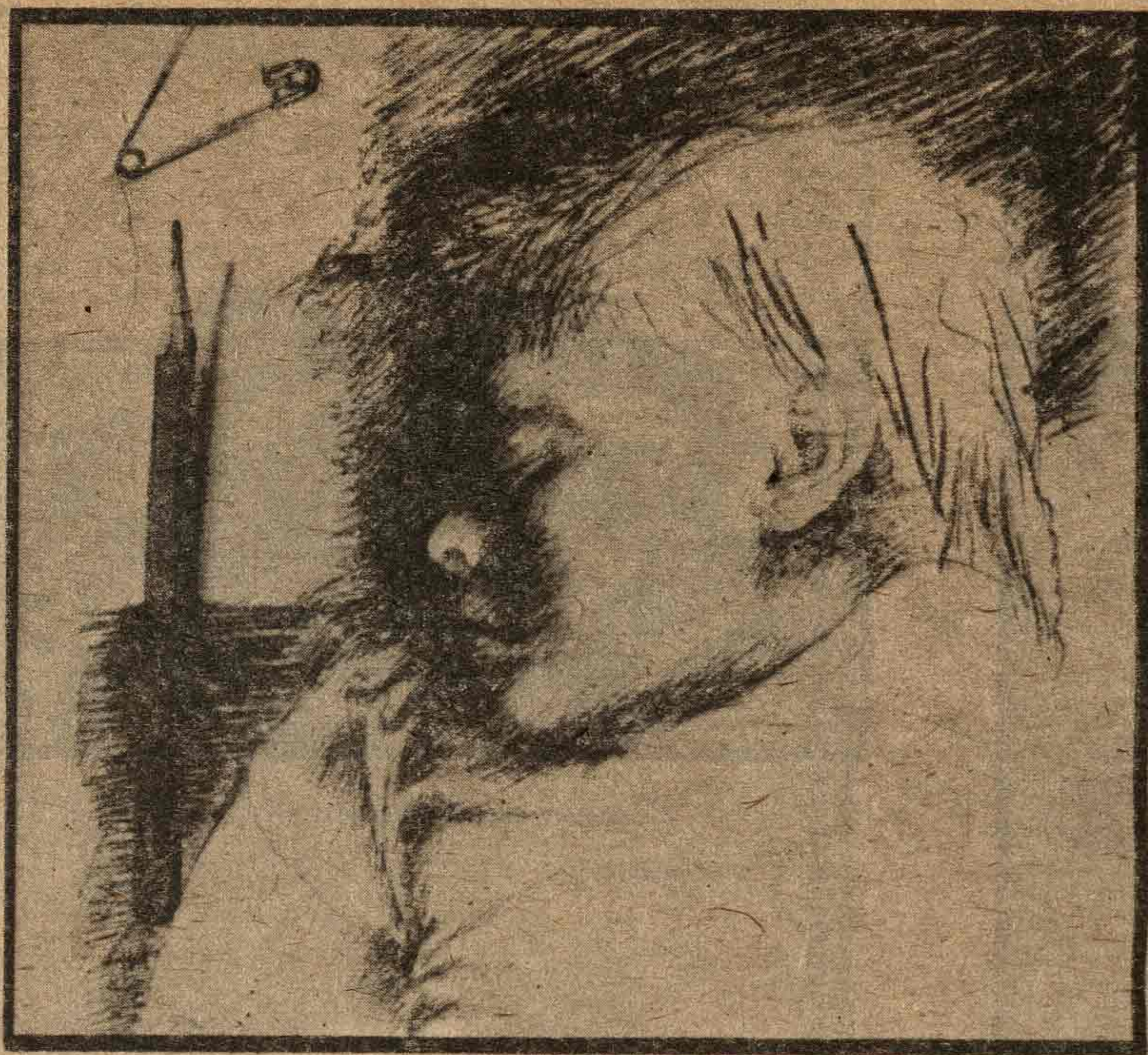
Камни — и много-много домов,
Что приютили людей,
Да еще пирамиды,
Где почивают немногие...

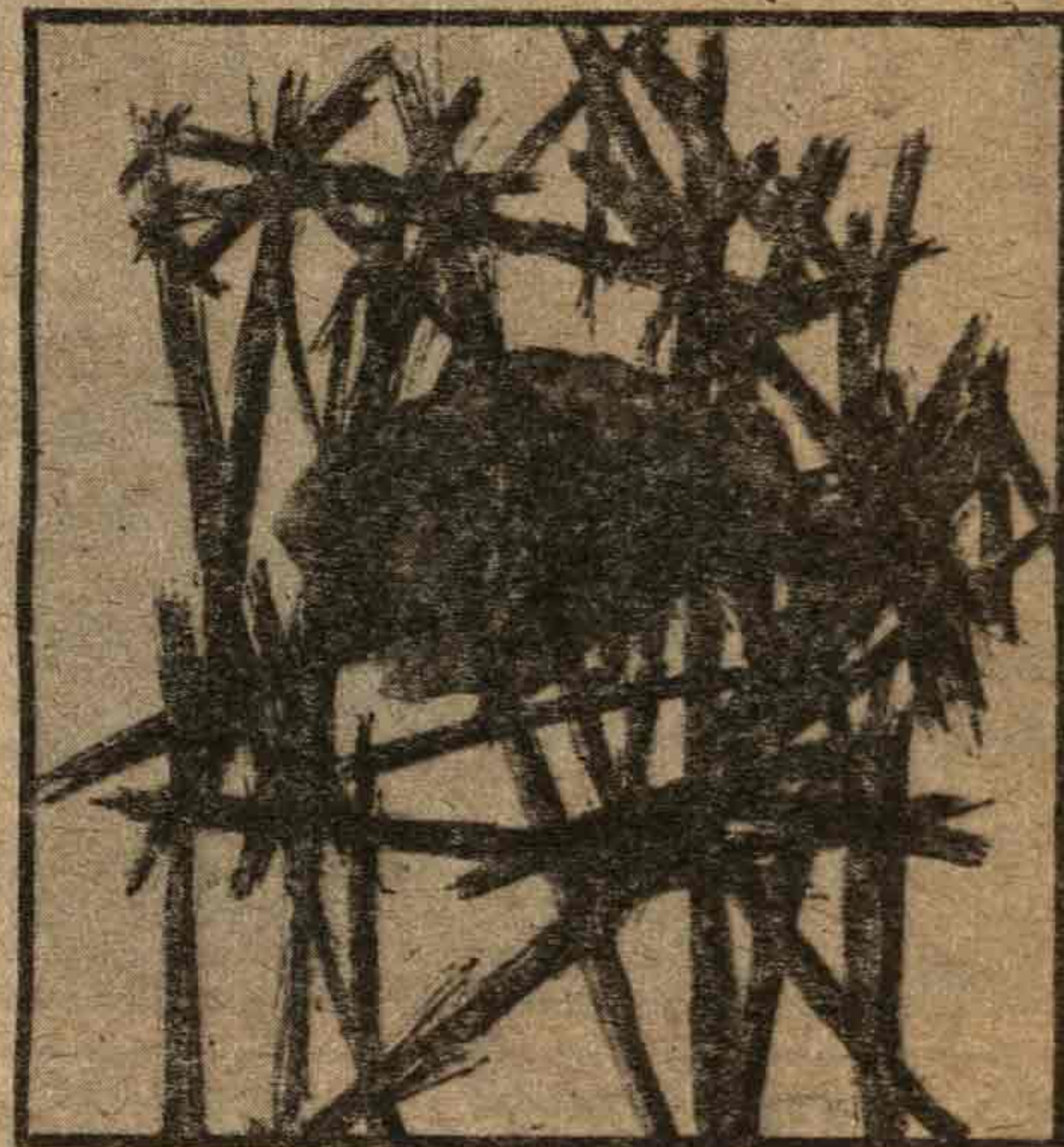
Камни — груда советов,
Мчащихся вниз с горы,
Да еще исполнения их
Долгий путь вверх
С грузом большим за спиной...
Камни — ужас
Помпей, —
Где-то она теперь?
Камни в душах — и баня,
Но уже адова...
Как избежать ее?

Так вот, эти стихи — и об этих камнях. Есть камень, который просто валяется на дороге, а есть, к которому подъезжает богатырь на распутье, на втором камне должно быть что-то написано. На Колиных камнях нет "Направо пойдешь..." Но так и кажется, что если не увернешься, то точно, голову потеряешь.

А. ТИХОМИРОВ

"Портрет..?".

"Объем".

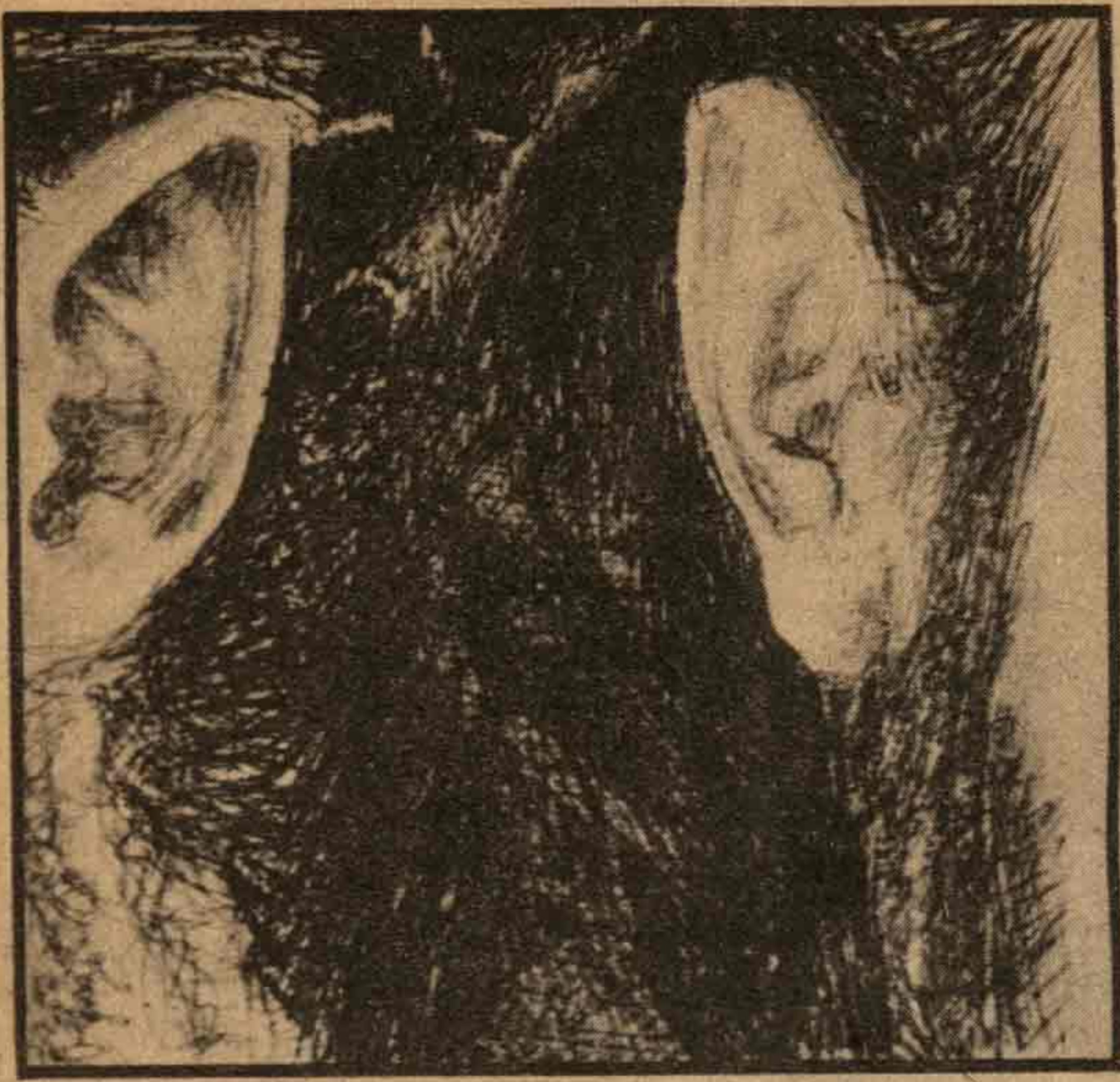
ТРИПТИХ "ЛУННЫЙ СВЕТ"

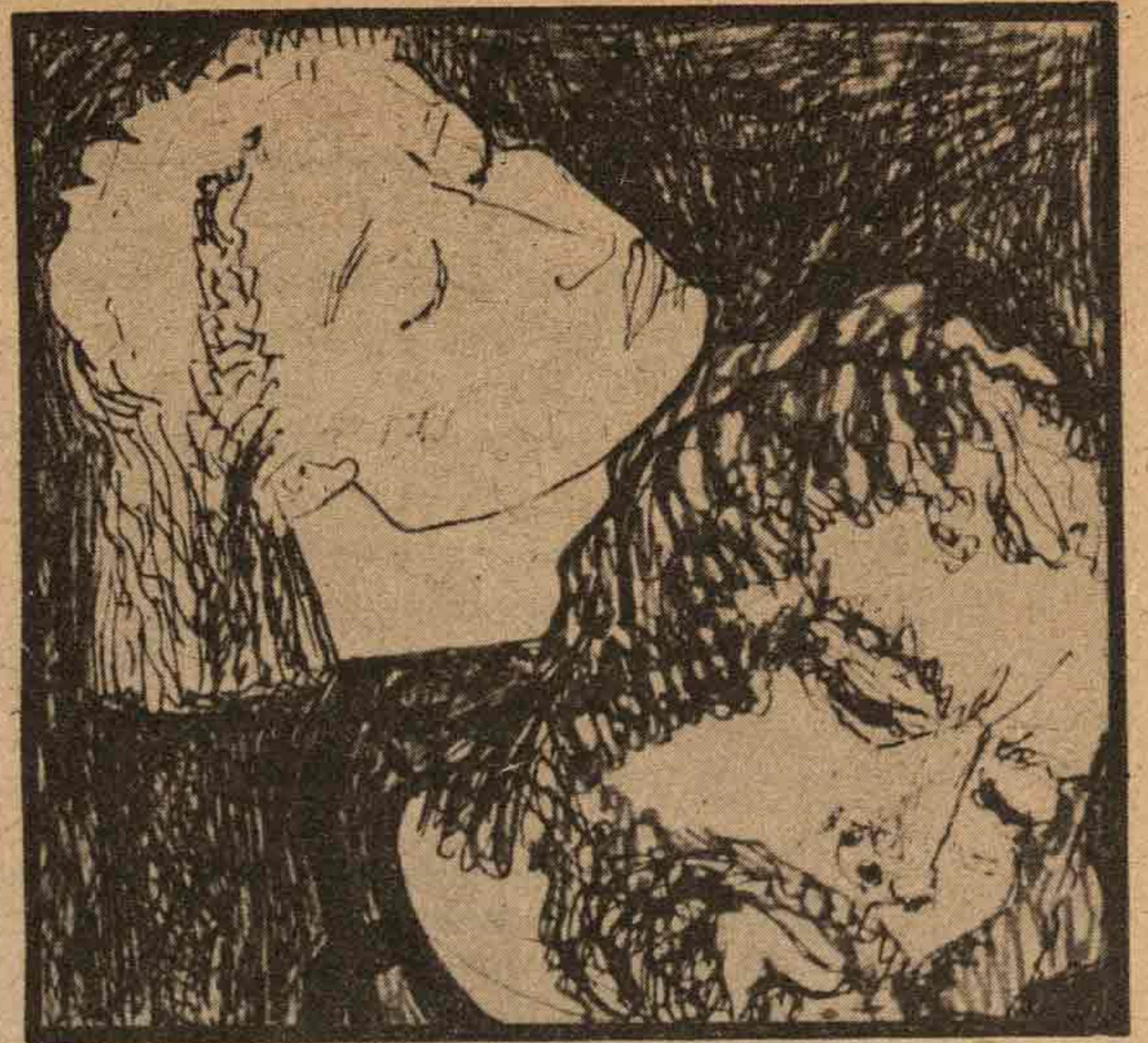
"Елена".

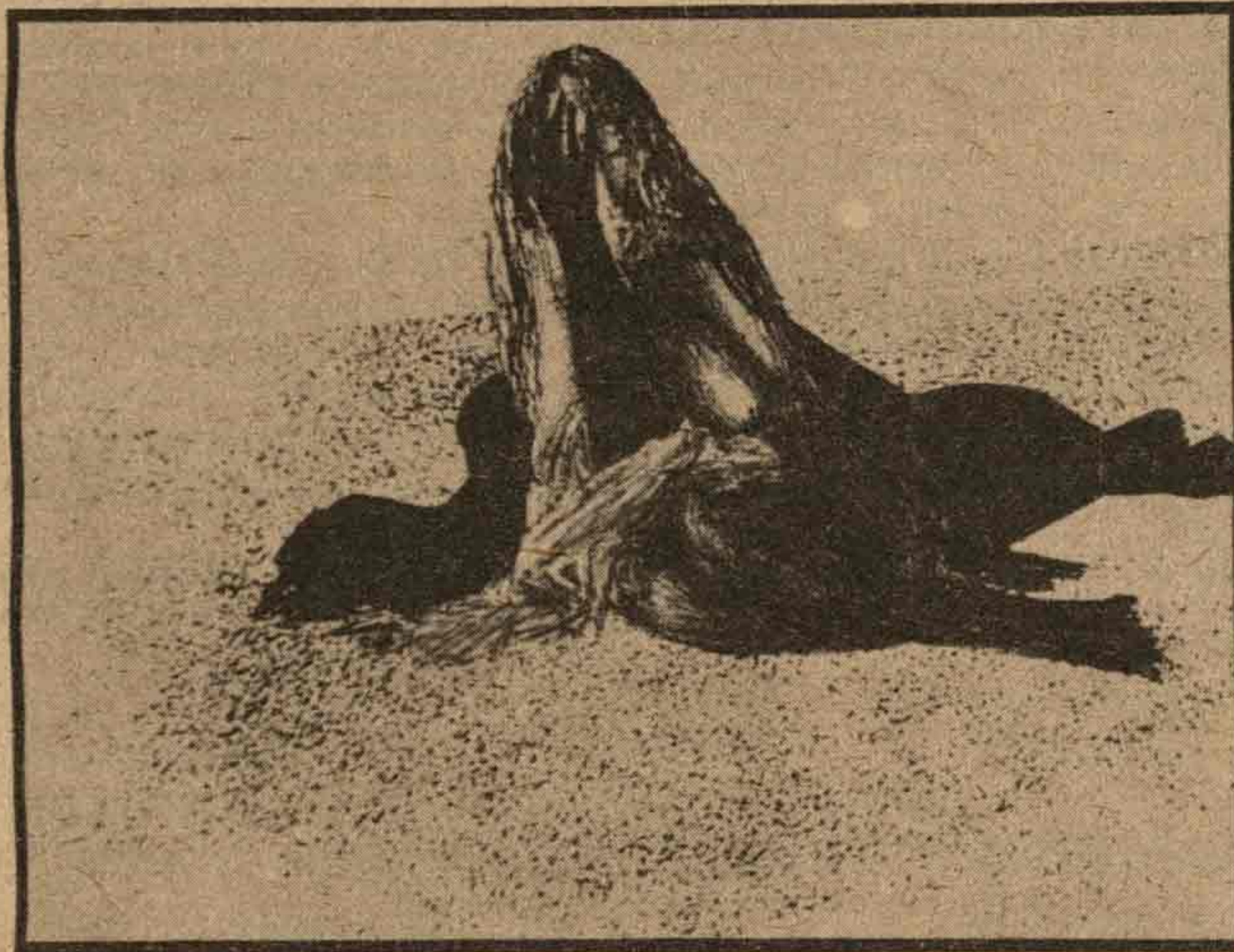
"Из детства".

"Грибники".
Из цикла
"Части тела".

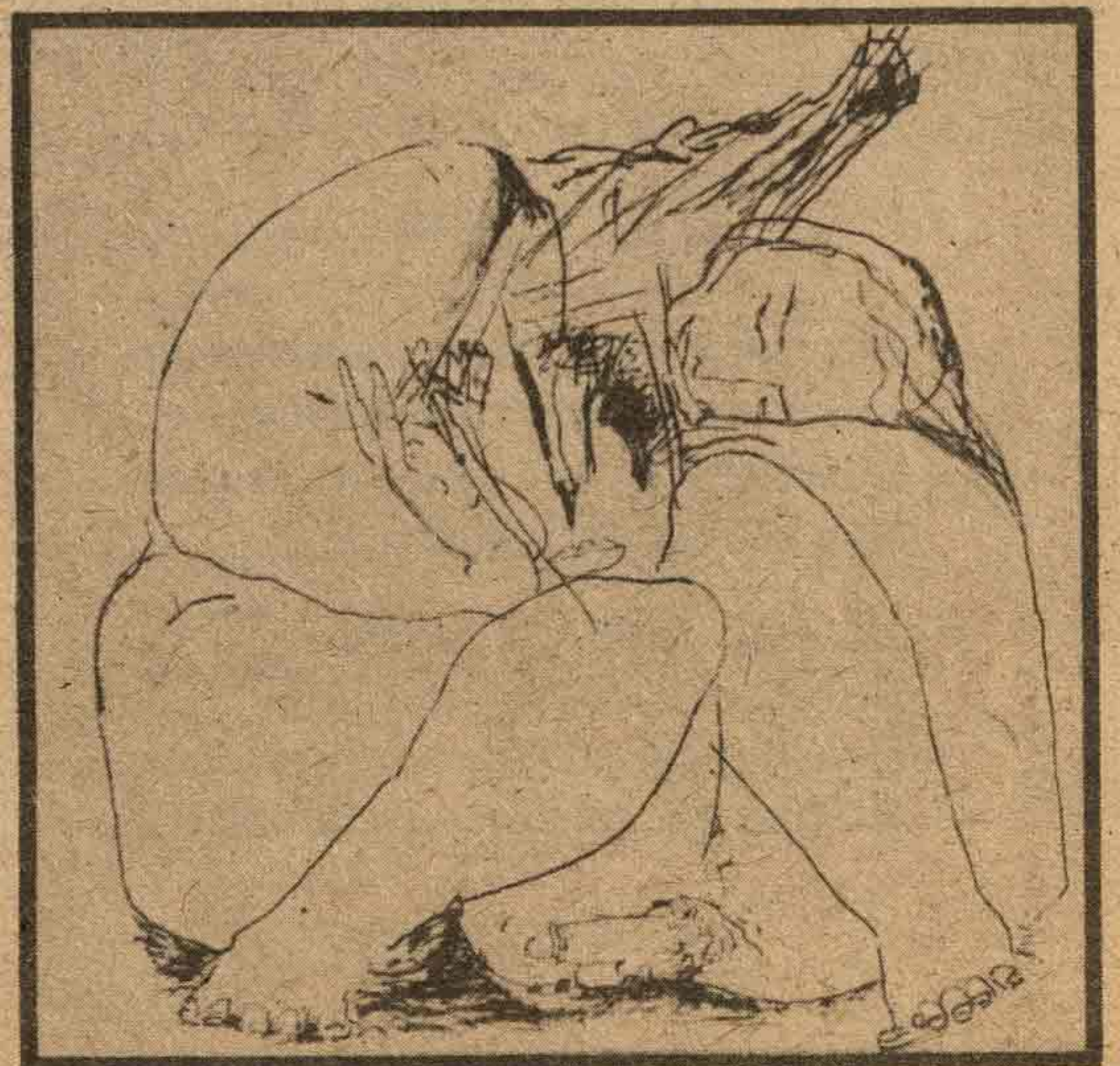
"Голова Голова".
Из цикла
"Части тела".

"Тело. Душа".

"Взгляд".

"Клубок".

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

(Переводы стихов китайских поэтов)

Наконец-то у нашей писательской организации начали завязываться творческие отношения с коллегами из-за Амура. В октябре 1991 года с нашей областью познакомилась группа видных литераторов из провинции Ляонин, в марте 1992-го нас посетил поэт из Цицикара Ли Янлен. В последних числах мая — начале июня 1992 года состоялся наш ответный визит в Ляонин. Мы посетили, кроме столицы провинции Шэньян (быв. Мукден), города Ляоян, Инкоу, Дальян (быв. Дальний), Цзинчжоу, Харбин, провели творческие встречи и переговоры.

Общение с китайскими писателями неожиданно открыло дар переводчика у известного амурского поэта Станислава Демидова. Читатели имели возможность познакомиться с его работой в этой области в газете «Амурская правда».

Сегодня публикуются новые переводы С. Демидова из стихов ляонинских поэтов Сяо Фана, Лю Чжэня, Лю Чучуна.

И тут же рекомендую вниманию читателей стихи Ли Янлена — не переводы, а переложения оригинальных стихов, написанных на русском языке.

Ли Янлен — второй в истории современного Китая поэт, пишущий по-русски. Первым был известный поэт Эми Сяо (Сяо Сань), работавший в 20-е годы. Ли Янлен перевел на китайский язык «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева, роман В. Кожевникова «Корни и крона». За последний перевод он получил премию правительства провинции Хэйлунцзян.

Думаю, новые встречи с творчеством наших соседей еще впереди.

С. ФЕДОТОВ,
ответственный секретарь
Амурской писательской организации

Лю Чучун

Лю Чучун родился в 1941 году в уезде Линь провинции Хэнань. С 1958 года работал в культурно-просветительной сфере. В 1960 году был призван в армию и направлен в Дунбэй. Впервые опубликовал свои стихи в 1961 году. Через семь лет демобилизовался и переехал в Шэньян. В настоящее время работает в редакции литературной периодики Ляонинского отделения Союза писателей. Автор сборников «Высокий обрыв», «След печати», биографических очерков и других произведений.

ЧАСЫ

Стрелка моих маленьких часов
Черепашу мне напоминает.
С зайцем я себя сравнить готов,
Что ее повсюду обгоняет.

Но она, упрямая, ползет.
Как устал я от ее погони!
Отдышусь, опять спешу вперед,
Но она настигнет — и обгонит.

СОЛНЦЕ

Неуничтожимая надежда,
Ты сегодня в сонме облаков,

Завтра засияешь вновь, как прежде,
Станет снова на душе легко.
Ты порою иссушаешь реки,
Губишь хлеб, деревья и цветы,
Но благодарю тебя вовеки:
Ты — источник жизни, только ты.

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Только взмыл в небеса,
Все забыл, что тебя вознесло:
Руки, чьи-то глаза,
Нить, и ветер, и чье-то чело.

Ты парил величаво, глядел свысока.
Ты был властен и непредсказуем,
И дорога была далека,
Но ты стал на свободе безумен.

Вот упал — просишь милость руки,
И от нити ждешь утешенья,
И сочувствия ветра с реки,
Только нет тебе больше прощенья.

И попробуй теперь поднимись
В эту даль, в эту синь, в эту высь!

Сяо Фан

Сяо Фан — современный китайский поэт. Родился в Шэньяне в 1937 году. Литературным творчеством занимается с 1955 года. Член Ляонинского отделения Союза писателей, член Союза писателей Китая. Автор нескольких поэтических сборников, биографических очерков, путевых заметок (некоторые из них написаны в соавторстве).

ОЖИДАНИЕ

Ожиданьем жить, конечно, можно,
Ожиданье лучшего — прекрасно.
Ожиданье выдержать не сложно,
Но как быть, когда ты ждешь напрасно?
Вянущие листья пожелтели,
И вода в колодце замутилась.
Старческие ноги онемели,
Сердце в споре с жизнью утомилось.
То, что было, — тихо отступило,
Что грядет — придет без опоздания.
Но душа, отчаявшись, спросила:
“Кто сказал: не сложны ожидания?”
Ожиданьем жить, страдать — прекрасно,
Но как быть, когда ты ждешь напрасно?

НАПИТОК ЖИЗНИ

Сон — залив,
Как фрукт — луна,
Ну, а жизнь подобна чаше.
Чем наполнена она?
Тем, что судьбы дарят наши.

Сладок желтый свет луны,
Вкус у сна солоно-горький.
Чашу мы испить должны,
Закусив сомнений коркой.

БЛАГОВЕЩЕНСК

Этот город полон тишины...
Тихие прохожие видны,
Улицы тихи, тихи улыбки,
Всюду листьев золотые слитки.
Зрелости, терпенья тишина —
Словно океана глубина.
К тяготам, лишениям готовность,
И певца упорство, непокорность,
Сила и уверенность в себе, —
Тишина высокая в судьбе.
...Этот город полон тишины.

КАМЕННЫЙ ЛЕС

Тихий каменный лес.
Каменный лес спокоен.
Сколько в камнях чудес,
Каждый поэм достоин!

Один глядит в небеса,
Другой же слушает землю,

Третий смежил глаза...
Всех вас в тиши приемлю.

Спрошу я каменный лес:
Что пережил он за эти
Двести миллионов лет,
Какие видел рассветы?

Движение земной коры,
Поднятие дна морского,
Разрушенные миры,
Обвалы, грохот прибоев,

Течение встречное рек,
Сраженья, паденья, взлеты?...
Природа — как человек,
Много было работы.

...А этот камень — мертвец,
Раны его одолели,
Нашел он здесь свой конец,
На щебне, жесткой постели,

Где тихий каменный лес
Стоит, как всегда, спокоен...
Сколько в камнях чудес!
Каждый поэм достоин.

Иду я сквозь груды камней,
Что борются меж собой:
Их доблесть нравится мне,
Готовность к вечному бою.

Вы столько разбили голов,
Летя из пращи со свистом...
Теперь среди ваших стволов
Петляют тропы туристов.

Им есть здесь где отдохнуть
И сделать фото на память.
Заставили их вы взглянуть
По-братски на каждый камень.

Заставили их полюбить
Всем сердцем величье это
И гордо, как камни, жить
По дедовским древним заветам.

Камням воздавая хвалу,
Стою я, дитя прогресса,
И ветер меня превращает в скалу
Среди скалистого леса.

...О, тихий каменный лес!
Каменный лес спокоен.
Сколько в камнях чудес,
Каждый поэм достоин!

Лю Чжэнь

Лю Чжэнь родился в 1938 году в уезде Тай провинции Цзянсу. После окончания среднего специального училища работал на заводе. В 1980 году был направлен на творческую работу в Ляонинское отделение Союза писателей. Член Союза писателей Китая, сотрудник редакции журнала "Современная поэзия". Автор сборников "Красное яблоко", "Шумный пейзаж", "Голубое танго", "Слезы и улыбки" и других. Ряд его стихотворений удостоен ежегодной литературной премии Народного правительства Ляонина. Некоторые стихи Лю Чжэня переведены на английский, французский и русский языки.

ГОРА В ДЫМКЕ

Снизу вверх посмотришь — это облако,
Сверху вниз — лишь дымка и туман.
И гора постанывает, охает,
И роса течет, как кровь из ран.
Все же не сковать орлиных крыльев,
Поступь тигра не остановить.
Облако, туман гору не скрыли,
Ветер им не дал ее закрыть.
Солнце тихо гору осветило,
Вид вполне обычный у горы.
Тайну мне природа приоткрыла,
Посвятила в правила игры.

НЕПРИКАЯННОСТЬ

Оглянись!
У нас было глубокое чувство,
Мы на флейтах играли
Друг другу довольно искусно,
Нас с тобою
безбрежное море качало.
Ты за нежность мою
Мне так много простила...
Не прощайся!
Я жду,
Пока в сердце не умерли мысли.
Оглянись,
Посмотри,
В небе яркие звезды повисли,
И манит горизонт,
И волнует по-прежнему море,
Нам с тобой хорошо
В этом синем,
Бескрайнем просторе.
Жаль, что нету гнезда
У любви,
Нашей сказочной птицы.
Неужель никогда
Ты не сможешь
Ко мне возвратиться?

РУССКАЯ ВОДКА

Да, в ней человечества опыт.
Не к счастью бокал, что не допит.
Не потому ли в охотку
Пьем мы с тобою водку,
Свое обсуждая житье?

Не потому ли ночью
Дружбу скрепляем воочью,
И жгучая русская водка,
Как парус над пляшущей лодкой,
Огнем жжет сердце мое?
За окнами ветер осенний
И грустный шелест берез,
А в комнате нашей весенней
За тостом следует тост.
Ты, русский, хвалишь меня за то,
Что я в состоянии пить,
А сам ты, как стеклышко трезв, и никто
Не мог бы тебя не хвалить.
Смеемся до слез мы — и я, и ты, —
И слезы, как русская водка, чисты.

СТАРАЯ ЛОШАДЬ В СНЕГАХ

Вот лошадь бредет вдоль дороги,
Пронзительный ветер и снег.
Разбиты, изранены ноги.
Ну, где же найдешь ты ночлег?

В лачужке вздыхает хозяйка,
Но даже она не спасет.
Бессильно взлетает нагайка
В руке потерявшего все.

Он сам без дороги плутает,
В сердцах проклиная пургу.
Его самого ожидает
Пустынное поле в снегу.

Округу метель забелила,
Мороз наточил острие.
Несчастную лошадь сгубило
Смиренное рабство ее.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Солнце и дождик,
Мужчина и женщина.
Мир обновился,
Волнуется, плещется.
Травы, кусты,
Роща, свежести полная...
Все ослепила любовь,
Словно молния!
Ветер для нас запеваает
Взволнован и рад,
Каждый цветок отдает нам
Весь свой аромат.

Милая, в путь!
Горизонт перед нами искрится,
Пусть ожидание
В поиск
Для нас превратится.

ПИОНЕРЫ АМУРСКОГО ТЕАТРА

Становление и развитие русского драматического театра на берегах Амура шло одновременно с освоением Россией этого обширного региона. 5 июля 1858 г. указом императора Александра II был учрежден город Благовещенск, а 26 декабря 1860 г. солдаты Восточно-Сибирского линейного батальона и артиллерийской батареи в одной из казарм устроили любительский спектакль. Были показаны драма "Дочь станционного смотрителя" Н. И. Куликова и одноактный водевиль "Много шума из пустыков" А. А. Яблочкина. Первая пьеса представляла переделку повести А. С. Пушкина "Станционный смотритель".

30 декабря гражданские любители драматического искусства сыграли "Женитьбу" Н. В. Гоголя и водевиль "Сиротка Сусанна" (перевод с французского П. И. Григорьева). Пушкин и Гоголь в начале пути — хороший творческий старт не только для любительского театра.

— Первые спектакли устраивались в случайных и непригодных помещениях — казармах, армейских столовых, учебных заведениях. Значительный стимул развитию сценического искусства в Благовещенске дало сооружение Общественного собрания (1882 г.) с большим зрительным залом. Сначала в нем устраивались семейные вечера, балы, маскарады, концерты. Дом собрания принадлежал войсковому старшине А. М. Караулову, который сдавал его в аренду. Осенью 1883 г. к дому была пристроена постоянная сцена глубиной шесть с половиной и шириной около четырех метров. В театре Общественного собрания на Большой улице (впоследствии — улица им. Ленина) были также двухъярусный зрительный зал, уютное фойе и ряд вспомогательных помещений.

Тогда же был создан кружок любителей музыки и литературы (организатор — Э. Ф. Циммерман). Кроме еженедельных (по средам) музыкально-литературных вечеров, кружок изредка, обычно по праздникам, давал спектакли. Так, в сезоне 1883—84 г.г. им было запланировано 4 спектакля и 4 концерта.

Первый спектакль на новой сцене Общественного собрания состоялся 4 декабря 1883 г., второй — 4 января 1884 г. Театральные представления любителей носили ярко выраженную благотворительную направленность. Сами нуждаясь в средствах, кружковцы отзывчиво относились к нуждам края, к сиротам и обездоленным. Еще до открытия театра они устроили музыкально-литературный вечер в пользу учреждаемой больницы для бедных (24 октября 1882 г.), любительский спектакль в фонд Алексеевской женской прогимназии (23 января 1883 г.), а 25 января 1884 г. дали очередной спектакль в пользу переселенцев в Амурскую область. Весь чистый сбор поступил в распоряжение военного губернатора для передачи семьям переселенцев. Чтобы увеличить сумму собранных средств, цены на благотворительные представления сознательно завышались. Но это не отпугивало состоятельную публику, которая, помогая страждущим, культурно проводила свой досуг.

Постановка гоголевского "Ревизора" (1886 г.) дала ему 1739 рублей чистого сбора. Вся эта сумма была передана лечебнице для бедняков. В то время как артисты-любители радели о нуждающихся в помощи, власти ставили им палки в колеса. Так, из комедии Н. В. Гоголя были вычеркнуты отдельные места (первоначально городские власти вообще хотели запретить "Ревизора" как "неблагонадежную" пьесу). "Горе от ума" А. С. Грибоедова было разрешено в 1889 г. к постановке с тремя большими сокращениями: в сцене со Скалозубом, в беседе с Молчалиным и в заключительном монологе Чацкого. Представленную на утверждение афишу местный чиновник в 1892 г. украсил следующей резолюцией: "Пьесу г-на Мольера "Тартюф", как насмешку над религией, хотя и французской, к представлению не разрешаю". Только после неоднократных обращений удалось добиться разрешения на постановку.

С появлением в Благовещенске профессиональных артистов любители отнюдь не снизили своей активности. Антрепренеры охотно прибегали к их услугам, поскольку любителям не надо было платить жалованье. Так любительский театр становился полупрофессиональным, что характерно для развития сценического искусства на Дальнем Востоке, где на зиму рисковали оставаться лишь немногие артисты, пока там условия жизни и передвижения не приблизились к европейским.

В 1888 г. на актерской бирже в Москве была сформирована первая драматическая труппа для Благовещенска. Сформировал ее умный и расчетливый актер М. К. Шумилин (его настоящая фамилия Пятунин). Отставной канцелярский служащий, Шумилин решил вторую половину жизни посвятить служению Мельпомене, — конечно, не бескорыстно. Он понимал, что только на Дальнем Востоке не встретит конкуренции. Собрав труппу — числом поменьше, ценою подешевле, он отправился на Амур, надеясь обслуживать жителей не только Благовещенска, но и других городов Приамурья и Приморья. Зиму труппа обычно проводила в Благовещенске, остальное время года — во Владивостоке, заезжая по пути в Хабаровск.

Однако полный зимний сезон профессиональная драматическая труппа хотела провести в Благовещенске еще в 1886—87 г.г., правда, с помощью любителей. Вернее, это был обычный любительский театальный сезон с участием нескольких артистов. Спектакли давались один, иногда два раза в неделю. Участие артистов прежде всего отразилось на повышении цен: билеты стоили от одного рубля до четырех, что было не по карману большинству зрителей. В январе 1887 г. из Благовещенска сообщали в "Сибирскую газету": "Репертуар настолько разнообразен, что о нем вполне можно сказать пословицей: "Чего хочешь, того и просишь", только мало серьезного. Исключение представлял лишь спектакль 26 октября, когда на сцене поставлена была пьеса знаменитого драматурга Островского "Доходное место". Но и он прошел не особенно удачно: главные мужские роли были не поняты и изуродованы. Истинное удовольствие зрителям доставил своей артистической игрой г-н Стрельский, исполнявший роль Юсова. Мы видели перед собой не актера, а олицетворение чиновника-взяточника. Комедия понравилась публике, если не по исполнению, то по своему со-

держанию, что, нам кажется, указывает на желание публики видеть на сцене не одни бессодержательные переводные драмы и комедии и пустые водевили, но и что-нибудь посерьезнее этой дребедени”.

Кто же были они, пионеры дальневосточного театра?

Первой профессиональной актрисой, появившейся на Дальнем Востоке, являлась Клеопатра Александровна Глухарева-Каратыгина. Она родилась в 1848 г. и обучалась в Петербургской театральной школе. Прослужив недолго в Александринском театре, молодая актриса в 1869 г. уехала в провинцию. Ее муж А. А. Каратыгин был племянником знаменитого русского трагика В. А. Каратыгина. Во время скитаний по Сибири Каратыгина добралась до Сахалина. Готовясь к поездке на “калужский остров”, ее советами пользовался А. П. Чехов. К сожалению, до нас не дошли сведения о выступлении актрисы в Благовещенске.

“Бабушкой” дальневосточного театра можно назвать Елизавету Никитичну Шван (до замужества — Данилова). Она прибыла во Владивосток в 1885 г. вместе со своим семейством (тоже артисты) и прожила здесь почти безвыездно до самой смерти 15 ноября 1894 г. Уже тогда за ней было 50-летие сценической деятельности. Юная Лиза Данилова играла преимущественно в городах южной России и Украины. Почти все отзывы о ее выступлениях носили похвальный характер. Молодая артистка участвовала в спектаклях, в которых выступали гастролировавшие в Воронеже, Киеве, Одессе великие русские артисты М. С. Щепкин и П. С. Мочалов. Это было хорошей школой для нее. Данилову приглашали антрепренеры на первые роли. С возрастом она пользовалась особым успехом в образах драматургии А. Н. Островского.

В качестве гастролера или содержателя небольших трупп приезжал на Дальний Восток актер и антрепренер С. А. Ярославцев-Сибиряк.

Труппа М. К. Шумилина до 1893 г. называлась благовещенской, хотя работала и в других городах. Ее руководитель имел опыт актерской и антрепренерской работы в Киеве, Владимире и других местах. При всех его недостатках этот коллектив сыграл важную роль в становлении театрального искусства в Примурье и Приморье. Ведущим его актером был Василий Александрович Стрельский. К тому времени это был старый и опытный артист, любимец дальневосточной публики, обладатель комедийного дара. “Даровитый артист с головы до пяток”, — отзывалась о нем одна из газет. Даже из маленькой эпизодической роли Стрельский умел сделать “положительно цельный тип и вызвать всеобщее, вполне заслуженное одобрение”.

Всесторонне одаренной актрисой шумилинской труппы была А. Н. Савостьянова — играла, пела, танцевала. В ее исполнении никогда не встречалось “резких шероховатостей”, а в ролях — “недоделок”. Великолепно играла Савостьянова главную роль в водевиле “Дочь русского актера” П. И. Григорьева. “Помимо своего природного таланта, — писал о ней рецензент, — прилагает труды и считает неловким выйти на сцену, не выучивши хорошо свою роль”. Знание роли считалось тогда большим достоинством артиста, так как многие играли с помощью суфлера.

Но, пожалуй, лучшей актрисой первой благовещенской труппы была М. И. Сергеева, хотя на страницах печати даже не приводились ее инициалы. Целый букет восторженных отзывов получила она от газеты “Владивосток” только за одно лето 1892 г. “Сергеева — артистка с далеко недюжинным сценическим дарованием — в последнее время более и более располагает публику в свою пользу, и особенно тогда, когда она появляется в ролях наивных” (5 июля). По словам рецензента, она “неподражаемо” провела роль Любви Гордеевны в комедии А. Н. Островского “Бедность не порок”, и вообще “своей замечатель-

но эластичной игрой в ролях наивных производит сильную сенсацию, доводит зрителей до полной иллюзии; ее игра совершенно ускользает от внимания зрителя, он видит перед собой в лице ее вполне реальное лицо, выводимое автором пьесы” (там же).

По каким-то причинам закулисного характера Сергеева недолго находилась в шумилинской труппе, как, впрочем, и И. Н. Фомин, который обосновался в Хабаровске и вместе с актрисой Л. М. Вольской активно способствовал развитию здесь любительского театра. Следует назвать и других артистов из первых дальневосточных трупп Шумилина, Ярославцева-Сибиряка, Мочалова — пионеров русского театра на восточной окраине России: Н. К. Айдарская, И. Н. Аполлонский, А. Ф. Арская, В. А. Бетипаж, М. В. Васильев, В. К. Дарьялова, И. И. Ольшанский, Д. С. Орлов-Семашко, И. С. Фроловский, Я. Н. Минский.

Сезон 1887—88 г.г. прошел в Общественном собрании под фирмой кружка любителей музыки и литературы. Артисты труппы А. Н. Мочалова, оставшиеся зимовать в Благовещенске, играли вместе с кружковцами, в числе которых были талантливые люди. Не без гордости из Благовещенска писали во Владивосток: “Мочалову бог послал любительницу драматического искусства, молодую особу, выступившую для дебюта в роли Елизаветы Дмитриевны (“Медведь сосватал”) под псевдонимом Байкалова”. Однако репертуаром корреспондент остался недоволен, сообщая, что артисты и любители дают “представления белиберды, как-то: “Бедовый процесс”, “Старое по-новому”, “На зыбкой почве”, “Золотая ручка”, а в заключение всегда бывают глупейшие водители вроде “Медведь сосватал”.

Сезон 1888—89 г.г. прошел оживленно. “Весь осенний и зимний сезон, — сообщали из Благовещенска, — мы веселились очень много: спектакли, вольные маскарады, танцевальные и музыкальные вечера... Успешно действовал и здешний кружок любителей драматического искусства и музыки. Спектакли шли безостановочно один за другим, и благодаря тому, что в числе исполнителей кружка есть хотя и немного, но безусловно талантливых лиц, а также благодаря участию в них приезжего артиста Глебова, направлявшегося во Владивосток, в труппу Мочалова, но случайно зазимовавшего у нас, спектакли привлекали такую массу публики, что редко хватало мест”.

Перед городом открывались хорошие театральные перспективы: “Теперь, — продолжал свой рассказ тот же корреспондент, — главное внимание благовещенского общества сосредоточено на новом каменном здании Общественного собрания. Постройка его настолько поучительна, что нельзя не сообщить некоторых подробностей. До сего времени Собрание помещалось в деревянном ветхом здании и отличалось, кроме наружной своей неприглядности, всеми неудобствами. Владелец дома, благовещенский денежный туз, хотя и выбившийся на настоящий путь из писарей, но очень приличный и на вид симпатичный, к тому же, несмотря на свой солидный возраст, страстный танцор, драл за это покривившееся здание немилосердно по 3500 рублей в год. В прошлом году окончился пятилетний срок контракта найма, и когда зашла речь о ремонте здания и о новом контракте, то получивший с собрания за эти развалины 37000 рублей, с лихвою окупившие его стоимость, владелец симпатичным голосом заявил, что производить ремонта он не намерен, но и сбавить цены тоже не может, а готов отдать здание на прежних условиях, по контракту на 5 лет”.

“Вероятно, только привычка танцевать непременно в собственном доме, — иронически замечал автор корреспонденции, — подсказала подобный ответ, поставивший в безвыходное положение, потому что в городе нет ни одного свободного дома, который возможно было бы приспособить специально для собрания. Но между членами собрания появились протесты, не-

которые члены иначе объяснили причину ответа симпатичного денежного туза и объяснили так логично, что общее собрание членов постановило закрыть Собрание и до благоприятного времени сложить все имущество в сарай. Когда эта вещь дошла до симпатичного туза, то он заявил готовность уступить 500 рублей в год и, вероятно, уступил бы, но было уже поздно.

Протестовавшие тем временем не дремали, а проявили полную энергию: они открыли подписку на постройку нового здания между членами собрания и в короткое время собрали 5 тысяч рублей. К этой сумме Собрание присоединило 3 тысячи рублей, выданные ему генерал-губернатором бароном Корфом в ссуду на 5 лет, и решило построить скромное деревянное здание. Один из энергичных "протестантов" принял на себя и самую постройку, а так как в этот год он предполагал строить себе дом, то весь заготовленный строительный материал предложил Собранию по такой дешевой цене, что постройка здания могла быть осуществленной. Члены собрания ожили, протестовавшему выразили глубокую благодарность, а по адресу симпатичного туза послали несколько не симпатичных, но прочувствованных слов. Тем и завершилось решение о постройке".

"Но свет не без добрых людей", — напомнил корреспондент известную поговорку, раскрыв на конкретном примере ее содержание. "Местный губернатор, как почетный член Собрания, тоже принял самое горячее участие в его судьбе. Он письменно обратился к золотопромышленным компаниям и крупным коммерсантам Амурской области с простым, но сильным словом о необходимости дружной помощи в таком деле, и это обращение неожиданно дало собранию более 10 тысяч рублей. Тогда энергичный "протестант-строитель" представил собранию новый проект постройки, но уже не деревянного, но каменного здания, взыскав при содействии губернатора возможность получить от одного учреждения (под залог, когда здание будет возведено вчерне) еще 6 тысяч рублей. Проект был утвержден Собранием, и постройка началась... И симпатичный туз на постройку каменного здания неожиданно пожертвовал 500 рублей".

Далее автор статьи писал, что осенью 1888 года, "как будто каким-то чудом, выросло из земли 2-этажное каменное здание Собрания, отстроенное вчерне. Всю зиму внутри него производилась самая бдительная работа, "протестант-строитель" не жалел своего труда: во всякое время его можно было встретить на постройке, которая зато теперь приведена в такое положение, что в мае ожидается открытие Собрания. Когда зимою истощился весь строительный капитал, любители драматического искусства поставили несколько спектаклей, назначив двойную цену за места, специально на постройку собрания, о чем и объявили. Симпатия благовещенской публики к этому делу оказалась так велика, что почти все без исключения платили за билеты выше назначенной цены, а некоторые по 100 и 150 рублей за билет, и небольшой театральный зал не мог вместить в себя всех желающих быть в театре. Не далее как в феврале сего года сделалось известным, что "протестант-строитель", чтобы не остановить постройки и непременно ее закончить в мае, затратил уже своих денег более 3 тысяч рублей. Это известие так подействовало на благовещенское общество, что оно вновь встрепенулось без всякого к нему обращения. Супруга губернатора, сделав сама пожертвование, стала во главе всего общества и собрала по подписке около 4 тысяч рублей, которые и препроводила к строителю при письме самого душевного содержания. Вот какие чудеса может творить возмущенное чувство, и какую силу представляет общество, когда во главе его стоят представители, не кичащиеся своим высоким положением, а идущие дружно рука об руку с этим обществом".

Каково же было положение ко времени написания этой корреспонденции? "Всего собрано на постройку 28000 рублей и, по соображениям строителя, не хватит на все расчеты около

2000 рублей, но теперь уже не подлежит сомнению, что и эта сумма будет покрыта пожертвованиями при открытии Собрания. Вот причина, по которой благовещенское общество сосредоточено на этой постройке. Оно теперь с гордостью взирает на свое 2-этажное каменное здание, необыкновенно красивое, стоящее в лучшей части города, на Большой улице, в углублении сада городского. Здание построено театром, имеет 20 лож, две галереи и вышку для простого народа. Театральный зал 7 саженьей длины и 6 саженьей ширины. Сцена обширная, 6 саженьей в квадрате, с 4-мя уборными. Для галереи и вышки особый вход и буфет. По одной стороне театрального зала и сцены расположены: столовая, буфет, биллиардная и карточная комната, а по другую: гостиная, дамская уборная, библиотека и тоже карточная комната. Не в дни спектаклей устроенное на 2-м этаже фойе для лож будет служить обширной карточной комнатой. В подвальном этаже помещаются: кухня, кладовые и комнаты для прислуги. Все уютно, красиво и удобно. Знатки построек уверяют, что такое большое здание по архитектурным и инженерным сметам не могло бы обойтись дешевле 50 тысяч. Но экономия была положена в основу постройки, и бог миловал нас всяких ученых смет. За отказом местного архитектора безвозмездно заняться постройкой этого здания Собрание обошлось без всяких дорого стоящих зодчих. Между членами Собрания нашелся инженер-технолог, он утвердил план и дал администрации обязательство наблюдать за прочностью постройки и за выполнением технических условий. Только наш муниципалитет оказался не причастен к этой злобе дня и не принес никакой лепты на это общественное, полезное для города дело".

Через две недели после этой корреспонденции из Благовещенска сообщали: "Здание общественной услады, воздвигнутое на 13—19 саженьях, строящееся уважаемым Н. И. Акимовым, возбуждает всеобщий восторг и по справедливости лучшее в городе".

Но уже в сентябре поступило тревожное сообщение: "Театр, наконец, построен, Собрание перебралось в новое помещение, и все довольны... Но проходит месяца три, смотришь, в этом самом собрании, по-видимому, ни с того, ни с сего балки вздумали оседать и грозить своим падением. Вот тут-то поднимается новый гвалт, и уже начинают отыскивать архитектора и кричать: "Да кто же, наконец, составил чертеж, ведь это безобразие!" и т. д. Ищут архитектора, им оказывается тот же самый строитель, который вообразил, что он и сам инженер, а потому может обойтись без архитектора. И вот строил он этот клуботеатр, как бог на душу положит, заботясь только о том, чтобы вышло подешевле. Может быть наплыв публики, и ее жизнью нельзя рисковать — надо бы помнить об этом".

СЕЗОН 1890/91 г. г. открылся раньше, чем обычно. "Едва дали привести в порядок после небольшого ремонта Общественное собрание, как назначили первое представление нагрянувшие к нам с разных концов артисты. Давали 20 сентября незамысловатую пьесу "Наша утеха Варя", которая прошла удовлетворительно. Публики было немного по случаю проливного дождя, да и следующие представления полного сбора не давали. Публика, как видно, ждет чего-то особенного, кажется, обещания, согласно театральному объявлению: пьес: классических, драматических и разных опереток. Для пробы были поставлены "Птички певчие". Исполнена оперетка незavidно; виной не актеры, а духовая музыка, плохо подготовленная, да и не подходящая для опереток. Хор, составленный из любителей, дело не портил и, благодаря трудам хормейстера, обещает быть лучшим и годным для сцены".

В эту зиму играла труппа М. К. Шумилина. Подводя итоги ее работы, газета писала: "Сезон этот в настоящем составе труппы артистов доставил бы немало удовольствия местной публике, если бы антреприза и режиссерство было в других ру-

ках, менее пристрастных. Состав труппы был из драматического любовника Шумилина и любовницы Немировой (она же грандам), опереточных Савостьяновой и Бетипаж (уехавшей до Рождества), комиков — серьезного Глебова (резонер тож) и простака Соколова (резонер тож), опереточных Стрельникова и Дольского и выходной Алексеевой (иногда грандам).

За малым исключением, пьесы проваливались одна за другой по причинам, не зависящим от труппы, так как ее составом в настоящее время благовещенцы не обижены. Неудачное исполнение ролей даваемых пьес всецело зависело от неправильной раздачи их артистам. С самого начала сезона и приезда Немировой и Соколова — артистов не без дарования — сильные драматические роли давали Савостьяновой, а пустяшные — Немировой. Из этого выходило, что лучшие пьесы терпели фиаско, а слабые выигрывали. Точно так же некоторые опереточные и водевильные роли давали Немировой, артистке буквально драматической. Словом, выходило так, что Немировой в целый сезон не давали ни одной сильной драматической роли из справедливой боязни дать ей возможность выдвинуться, а отдавали их Савостьяновой — артистке от пят до головы опереточной. Раздавались также и мужские роли, причем лучшие из них брал Шумилин, хотя бы и не подходящие к его амплуа, вроде Ивана Грозного в “Василисе Мелентьевой” и Скобелева в “Белом генерале”.

Громадное влияние на дальнейший ход театральных событий имела постановка пьесы “Василиса Мелентьева” А. Н. Островского и С. А. Геденова 10 января, в бенефис Шумилина, и “Блестящая партия” В. А. Дьяченко 31 января, в бенефис Немировой. В первой роли исполняли: Иоанна Грозного — Шумилин, Василисы — Савостьянова, царицы Анны — Немирова, Малюты — Потолов (любитель), Колычева — Зыков (любитель). И по фигурам актеров роли были розданы исторически неправильно, то есть большой рост маленькому и наоборот, не говоря уже об игре актеров... Шиканьем и свистом публика заявила свой протест на неправильное распределение ролей. Во всей пьесе доставила удовольствие своей игрой Немирова; она выделялась из всех артистов, несмотря на то, что ее пригласили только по случаю отказа от участия любительницы Л. после двух репетиций. Следовательно, она играла без большой подготовки. В “Блестящей партии” роль княгини Каировой играла бенефициантка, а француженку Сесиль Орас — Савостьянова. Здесь публика достаточно могла убедиться в превосходстве Немировой над Савостьяновой в драматических ролях. Немирова так отлично провела свою роль, такое произвела впечатление в публике, что аплодисментам не было конца, а также и вызовам. Этим она вполне заслужила поднесенные ей после каждого акта подарки. Все драматические роли она проводила с успехом, как, например, в “Привольном житье”, “Водвороте”, “Жидовке”, “Сестре милосердия” и др. Если можно что считать у нее недостатком, то это — жестикуляция головой и руками и частое прикладывание платка к лицу.

Савостьянова в комедиях и оперетках была довольно хороша, но в драмах суха, безжизненна, нетипична и с опереточными манерами. Соколов по амплуа весьма разнообразен: чего-чего он только не играл. Более всего к нему шли роли еврея, комика, простака и в оперетках — сановитого лица. Он отлично сыграл Юпитера в “Орфее в аду”, губернатора в “Птичках певчих”, Менелая в “Прекрасной Елене”. Игра его очень хороша, но иногда он портит ее утрировкой. Шумилин в некоторых ролях, как в роли фата и некоторых драматических любовниках, был довольно хорош, некоторые ему не удавались, но в общем, нужно сказать, что он играл старательно. Стрельников, как опереточный, иногда бывает недурен, обладает небольшим тенором, игру ведет оживленно, порядочно. Дольский — выходной и второй опереточный. Иногда играет недурно, поет тенором сильнее Стрельникова, но плохо знаком с музыкой. Игра

его публике не нравится. Глебов на ролях серьезного комика, а также резонера, играет недурно, публике нравится. Никольская — старуха драматическая и комическая, играет старательно, но не всегда удачно. Алексеева с неизвестным амплуа, по преимуществу выходная. Игры у нее нет никакой. Публике как по манерам, так и по тембру голоса не нравится. По недостаточности артистов, когда требовалось много персонажа, то принимали участие любители: Готский-Данилович, Потолов, Зыков, Михайлов и Афанасьева, выполнявшие свои роли насколько у них хватало сил и знания”.

Таким образом был проведен первый опереточно-драматический сезон в Благовещенске. Публика любила оперетку, и это приходилось учитывать антрепренерам, хотя они не располагали достаточным оркестром и хором, а многие артисты были “безголосые”.

Очередной сезон открылся 26 сентября 1891 г. постановкой драмы “Кручина” И. В. Шпажинского, которую выбрал для своего дебюта в Благовещенске Я. Н. Минский. “Пьеса сыграна дружно, — писал рецензент, — видно, что все освоились и сыгрались. Минский мастерски провел роль Недыхляева, так что привел своей игрой в неописанный восторг собравшуюся в большом количестве публику и был вполне заслуженно награжден несмолкаемыми аплодисментами и вызовами после каждого акта. Из остальных исполнителей выделялась г-жа Савостьянова, которая очень жизненно и реально провела роль жены Недыхляева, бессердечной кокетки, обманывающей своего мужа.

В водевиле “На хлеб и на воду” выступила в первый раз еще очень молодая артистка г-жа Сергеева и была чрезвычайно мила. У нее довольно симпатичный голосок, жаль только, что оркестр мешал и сбивал ее в пении.

29 сентября шла пьеса “Без вины виноватые”, соч. Островского, для дебюта г-жи Шван-Стрельской в роли Отрадиной и г-на Вольского в роли Незнамова. Спектакль привлек, как и в первый раз, много публики, но сошел хуже, чем первый. Не было того ансамбля, а главное, портили впечатление г. Стрельников, который играл Мурова и был из рук вон слаб, и г. Флоровский в роли Миловзорова много ломался, что неприятно было смотреть. Г-жа Шван-Стрельская, уже знакомая благовещенской публике в бытовых ролях и как опереточная артистка, была немного груба для Островского, но вообще она очень толково передала свою роль. Г-н Вольский в роли Незнамова произвел самое приятное впечатление: с первого выхода он овладел вниманием публики и всю роль провел вполне обдуманно и экспрессивно, так что не оставалось желать ничего лучшего, а в последнем действии с таким чувством прочел монолог, что невольно многие из публики плакали. Минский в роли Шмаги был так комичен и так верен правде, что доставил истинное наслаждение своей игрой. Сергеева старательно исполнила роль актрисы Коринкиной, но была мало подходяща к этой роли благодаря своей миниатюрной фигуре”.

3 октября труппа Шумилина показала новую драму К. В. Назарьевой “Чужая”. Главные роли исполняли Савостьянова, Шумилин и Минский. “Савостьянова, как и всегда, отнеслась к роли с полным вниманием и была очень хороша, верно передала борьбу чувств с долгом молодой сиротки, которую приютила у себя ее старая подруга и в мужа которой влюбилась сиротка Люся. Шумилин очень дельно и обдуманно провел роль Канатова, но при всем его старании ему теплые роли страдальцев не по плечу, тогда как в холодных ролях и в ролях фатов, как, например, Пропорьев в “Цепях” А. И. Сумбатова-Южина, он безукоризненно хорош. Опять-таки в этом спектакле все внимание публики было обращено на г-на Минского. Исполнением роли добряка генерала он окончательно подавлял игру других артистов. На долю Вольского выпала совершенно пассивная роль адвоката Талаева, так что пришлось пожалеть, отчего

роль Канатова не играл г. Вольский. Судя по его дебюту, мы вправе предполагать, что в этой роли он был гораздо больше у места, чем г. Шумилин". Мы видим, что антрепренер обновил свою труппу. Он оставил в ней Савостьянову и Дольского, семью Стрельских - Шванов, постоянно живущую во Владивостоке и пригласил новых артистов: Н. И. Вольского, Я. Н. Минского ("известного по Сибири, служившего в Иркутске к ряду пять лет, пользовавшегося громадным успехом") — на комические и характерные роли, М. И. Сергееву — водевильная актриса, И. Н. Фомина — драматический резонер, И. С. Флоровского — любовник и куплетист (все из Иркутского театра), а также мать и дочь Грузинцевых (комическая старуха и инженер) и Ленина — опереточного простака. Для провинции это была хорошая труппа, исключая 3—4-х актеров.

В следующем сезоне, кроме прежних артистов, в шумилинскую труппу были приглашены простаки Александров и комическая старуха Отрадина. Сезон открылся 5 октября. После восьми спектаклей "Неизменный театрал" сообщал, что среди них не было ни одного удачного". С какою только целью, но факт тот, что директор театра Шумилин не выпускает артистов в своих амбуа, профанируя тем искусство. Сам же он не стыдится брать на себя такие роли, как Иоанн Грозный в "Василисе Мелентьевой" и Чацкий в "Горе от ума". Хоры невозможны и реклама на каждой афише о количестве хористов и о том, что хоры разучены Латышевым, не помогает. Было бы лучше, если бы их совсем не выпускать при тех акустических условиях, какие здесь выполнены. Было бы желательно, чтобы не выпускались на сцену и такие артисты, которые ждут лишь реплики, чтобы отзвонить и с колокольни долой. Часто приходится вместо пьесы слышать крик малюток или неуместные восторги пьяного мужика... Для последнего существует особый буфет, где некоторые напиваются до положения риз. Удивительно еще и то, что во время представлений слышишь игру на биллиарде или публика начинает занимать свои места тогда, когда пьеса или действие давно начались. При этих условиях и извольте слушать и наблюдать за ходом представления. В самом патетическом месте или ребенок закричит, или мужик заорет, или сосед толкает вас в бок, чтобы дать возможность ему пройти. Что резко бросается в глаза, это то, что вместо вызываемого артиста на сцене появляется большей частью г-жа Савостьянова и достаточно одному раешнику крикнуть "браво", как занавес взвился. Истинного эстетического наслаждения не испытываешь, и никакой иллюзии не получается. Так, в пьесе "Жидовка" палачом предстал мужик-русак с пробором посередине головы, с рыжей бородой, делящейся пополам, то и дело засучивавший рукава у рубахи, как бы желая вступить с осужденными в рукопашный бой. Суфлер немилосердно кричит и пьесу слушаешь вдвойне".

В заключение критик еще раз подтверждал: "Между артистами первое место занимает Минский. И нужно отдать ему справедливость как опытному и серьезно относящемуся к делу артисту. Из опереточных выделяется г-жа Сергеева. Александров, как простаки, не дурен. Сборы пока не удачны".

В 1893 г. Театральный зал Общественного собрания на три зимы снял артист Д. С. Орлов-Семашко (или Семашко-Орлов), игравший в труппе Шумилина во Владивостоке. Лучшая пора его сценической деятельности связана с Сибирью и Дальним Востоком. Он играл в Томске, Иркутске, Владивостоке, Благовещенске, а в 1901 г. дебютировал в Александринском театре (Петербург) в роли Городничего ("Ревизор"). Однако на столичной сцене пробыл недолго. Последние годы Орлов-Семашко изредка выступал на клубных и дачных сценах. Лучшими его ролями были упомянуты Городничий, а также образы, созданные в спектаклях по пьесам Островского, — Ахов ("Не все коту масленица"), Несчастливцев ("Лес"), Любим Торцов

("Бедность не порок"). Артист скончался в дачной местности Салтыковка под Москвой 15 августа 1914 г. Сообщая об его кончине, столичный журнал назвал Д. С. Орлова-Семашко пионером театрального искусства в Сибири.

Нелегко далась Орлову-Семашко благовещенская антреприза. В апреле 1893 г. совет старшин Общественного собрания телеграммой в Москву сдал ему свой театр на три года. Орлов-Семашко заложил свое недвижимое имущество, набрал труппу, заключил с артистами контракты на три года, приобрел необходимые вещи и отправился в дорогу, получив от старшин всего 1400 рублей. В пути он заболел тифом и пролежал в томской больнице полтора месяца, а часть артистов вернулась в Москву. Прибыв в Благовещенск, антрепренер откровенно рассказал о положении дел, заявив, что в первом сезоне труппа будет не совсем полна и ставить требуемых контрактом опереток не может, но в следующие два сезона они непременно пойдут. Старшины вошли в положение и подписали контракт.

В 1893—1896 годах в Благовещенске работали (в течение трех сезонов или меньше): В. Н. Варламова, В. А. Вольская, Н. И. Копылов, Л. М. Ленин, И. Н. Неведомов, Н. Н. Неверова, Н. М. Синский, В. А. Стрельский, А. Н. Савостьянова, П. С. Станиславская, И. С. Флоровский, М. К. Шумилин и некоторые другие. Одни из них уже играли здесь, другие были приглашены Д. С. Орловым-Семашко, который выступал и в качестве актера. Не все они были талантливы в одинаковой степени, но сразу же хочу заметить, что в отношении некоторых из них рецензенты отдельных изданий, отстаивая групповые интересы, являлись необъективными и по-мелочному придирчивыми. Особенным нападкам подвергались актрисы в летах, игравшие роли молодых. Критики избежал, пожалуй, один Стрельский, артистическая репутация которого была высока во всех слоях зрителей.

Приняв театр "в самом отчаянном виде", Орлов-Семашко обставил его мебелью, декорациями. В первый же год он выплатил 600 рублей из 1400 рублей, аккуратно выплачивал жалованье служащим, хотя сам влезал в долги. Но в разгар сезона появилось заявление, что контракт надо расторгнуть и передать театр в ведение особой дирекции. Все протесты Орлова-Семашко остались без внимания. Антрепренер потерял все свои средства (по документам — 7161 рубль) и оказался к тому же связанным двухгодичными сроками и неустойками со своими служащими. В то же время образовавшаяся дирекция приглашает почти всех артистов Орлова-Семашко на те же самые амбуа. "Судиться — затянуть дело на несколько лет; кроме того, по роду деятельности Орлов-Семашко не имеет оседлости". Публикуя эту корреспонденцию, газета призывала читателей стать судьями между Орловым-Семашко и Благовещенским общественным собранием.

Труппа Орлова-Семашко открыла сезон 15 октября 1893 г. и давала по два спектакля в неделю. Корреспонденции о труппе и репертуаре, посланные из Благовещенска во Владивосток, были резко негативными. "Рука не поднимается писать об этом где-то набранном старье. Пьесы ставятся все из заученных публикой, но и из них ни одна не удалась как следует, а потому у зрителя совсем отбивается желание посещать театр. Ни манер, ни костюмов, привлекающих взор, нет. Главная примадонна г-жа Неверова, 50-летняя гранда, играет 20-летнюю кокетку; г-жа Варламова 40 лет на ролях 16-летних девиц. Все это выходит посмешищем", — говорилось в одной из них.

Члены клуба, прежде платившие за билет 50% его стоимости, теперь платят полностью. Многие перестали ходить в театр. Кроме того, значительную часть населения составляли по своему вероисповеданию сектанты, для которых всякое развлечение — "чертово веселие". На представлениях возникали скандалы. Перед началом одного спектакля пьяный субъект в военной нестроевой форме вздумал речь держать к музыкан-

там. И пока он не кончил, все терпеливо ждали: и артисты, и публика. Где-то наверху даже аплодировать стали было оратору! А к концу спектакля некий чиновный туз Б-ъ привел под руку одну прелестную особу и посадил ее в первом ряду кресел... Дамы, сидевшие в том ряду, устроили демонстрацию: встали со своих мест и торжественным маршем удалились из залы".

Контингент зрителей был очень узок, о чем свидетельствует следующая заметка того времени. Сообщая о достопримечательностях Благовещенска, некто "Сибиряк" на первое место поставил драматическо-опереточную труппу под управлением дирекции, которая, то есть труппа, "весьма удовлетворительна во всех исполнениях". "Требовать для провинциального города лучшего — грешно, так как сборы идут почти с одних и тех же лиц, исключительно составляющих кружок публики, на средства которого труппа и существует".

Узкая зрительская база требовала гонки премьер (одни и те же лица дважды на спектакль не пойдут), поиска новинок, беззастенчивой рекламы. 18 декабря 1893 г. труппа драматических и опереточных артистов театральной дирекции первый раз на местной сцене поставила драматический эскиз в 4-х действиях с хорами и пляской "Ванька-ключник" Л. Н. Антропова, сюжет которого заимствован из народной небылицы и повести Д. В. Аверкиева. С большим удовольствием сообщал об этом спектакле благовещенский корреспондент владивостокской газеты: "Нельзя было ожидать встретить в такой отдаленной провинции таких исполнителей, могущих стать украшением и столичной сцены, как г-жа Вольская в роли Дашутки, сенной девушки. По замечательно талантливой игре Вольская вышла далеко из ряда посредственностей; она завоевала себе вполне заслуженную дань восхищения и провела свою роль при шумных, вполне заслуженных и долго не смолкавших аплодисментах публики. Дамы плакали. И действительно, трудно себе представить более умелую талантливую передачу, до самых мельчайших деталей, такой трудной роли. С полным успехом провел свою роль дьяка г. Стрельский и в общем недурно играл г. Синский Ваньку-Ключника".

Своим преуспеванием театр был обязан меценату — купцу 1-й гильдии Н. А. Першину, пожертвовавшему Общественному собранию 12 тысяч рублей. Интересно отметить, что прадед и дед богача-золотопромышленника были простыми горнозаводскими рабочими, отец родился на Петровском заводе и смог освободиться от обязательных работ только через 18 лет. Его первым учителем был декабрист И. И. Горбачевский. С благодарностью писал о Н. А. Першине современник: "Благодаря его трудам и постоянной внимательности сценическая постановка дела в театре тоже не оставляет желать ничего лучшего и вызывает искреннее удивление своим богатством и разнообразием. Благодаря его щедрости и пониманию дела и нужд театрального персонала артисты и артистки вполне довольны своим положением на нашей далекой окраине, куда порядочные, а тем более артистические силы трудно привлечь и за большие деньги, и если таковые имеются здесь (особенно обращает на себя внимание режиссер и декоратор труппы) и не раскаиваются в этом, не бедствуют и проч., то это следует отнести на счет внимания к ним Н. А. Першина".

Заполучив такого жертвователя, старшины не побоялись расторгнуть контракт с Орловым-Семашко. Была создана театральная дирекция из следующих лиц: Н. А. Першин (главный распорядитель, который всецело жертвует своими средствами), Н. Н. Будакович, С. П. Дубровский, И. К. Нордстрем (без материальных затрат и даже обязательств).

Дирекция — новое слово в театральном деле. Её неудача на окраине объяснялась тем, что антрепренеры не имели средств, чтобы приглашать хороших артистов. "В настоящее время город Благовещенск — один из самых счастливейших го-

родов в Приамурском крае, потому что в нем учреждена с лета прошлого года "театральная дирекция" — сообщали из Благовещенска весной 1895 г. Дирекция израсходовала большие деньги на выпуск из Европейской России артистов и примадонн, парикмахера, музыкантов для оркестра (дополнительных) и хорошего декоратора. К открытию сезона были приготовлены костюмы из атласа и шелка для опер, оперетт, драм и новые декорации. "Я был, — продолжает рассказ корреспондент, — на нескольких представлениях при этой прекрасной обстановке и чувствовал себя как в столичном театре". Дирекция не преследует личных интересов и задалась целью "доставить удовольствие эстетическому вкусу всего благовещенского общества".

До выхода "Амурской газеты" рецензирование спектаклей Благовещенского театра происходило на страницах газеты "Дальний Восток" (Владивосток). Приведем несколько рецензий и заметок.

3 января 1895 г. в бенефис Стрельского шла оперетта "Прекрасная Елена" Жака Оффенбаха. "С обычным своим мастерством" роли Менелая и Елены исполнили Стрельский и Ахматова, хорош был Чернявский в роли Калхаса, Однако и "Прекрасная Елена" прошла так же незаметно и бесцветно, как и десятки других опереток и комедий, ставящихся здесь с лихорадочной поспешностью одна за другой. Одно только бросилось в глаза и где действительно виден труд и вкус, — это работа декоратора г. Преловского".

6 января шла опера-буфф "Зеленый остров" Шарля Леккока (Габриела — Ахматова, начальник колонии — Стрельский, фабрикант — Чернявский). Во втором действии раздались обычные аплодисменты, до того надоевшие, что часть публики стала унимать хлопавших. Ахматова приняла это за шиканье и, обращаясь к публике, сказала: "Если вам не нравится моя игра и пение, то можете молчать".

13 февраля труппа драматических и опереточных артистов представила "комедию-сон" в 4-х действиях и 6-ти картинах "Со ступеньки на ступеньку" А. А. Соколова и Г. Н. Жулева (содержание заимствовано из одноименной комедии Г. Мюллера). Главную роль девицы Доновой исполняла В. А. Вольская и "вызвала своей талантливой игрой громкие и не смолкавшие аплодисменты. Эта артистка — положительно наша дива. Если какая-нибудь вещь, особенно драматического характера, поставлена не спеша..., если В. А. дали время вдуматься в свою роль, то игра артистки оставляет за собой далеко все виденное нами в Сибири и в особенности на нашей окраине. Г-жа Вольская после исполнения сильных драматических ролей физически ослабевает и даже бывает больна. Из этого видно, как серьезно и добросовестно относится она к своему искусству, сколько чувства влагает она в исполнение. Сильный, приятный голос г-жи Вольской, ее пение доставляют всегда публике громадное удовольствие". Рецензент отметил также Ростовскую (подруга Доновой) и Копылова (адвокат), однако пение последнего — "бесшабашный рев".

В заключение был дан одноактный водевиль из украинской жизни — "Иды жинка у солдаты". Роли Панаса и Хиври исполняли артисты — супруги Чернявские "с большим успехом". "Эти артисты очень любимы здешней публикой и пользуются вполне заслуженным уважением, как отличные исполнители, особенно украинских ролей".

22 и 24 января артисты "сломали две оперетки". Рецензент писал, что с обывательской точки зрения все идет отлично: подарки, подношения и т. п. Но исполнителям не хватало естественности, и критик приводил примеры из опыта знаменитых артистов. Если публика, считал он, аплодирует неестественной игре и бездарной пьесе, значит она солидаризируется с ними. Хлопает "до боли в плечах", вызывает — "до хрипоты". "Здесь публика так избаловала исполнителей, что те сами смеются над

публикой и уж нисколько, кажется, не заботятся о более тщательной отделке исполнения. Для чего? Все равно, так и этак будут вызывать и во всяком случае хлопать! Лучше, чем там вдумываться, как и что, — и так далее! А в силу таких соображений все идет, как говорится, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Пред глазами все то же старание к картинности, а со стороны, особенно артисток (за исключением Вольской), — все то же старание действовать на самые низменные инстинкты публики (особенно галереи), и это старание делается понятным, если мы припомним, что наш город наполнен золотыми мешками, как равно и разными мышинными жеребчиками... Бог знает, откуда все эти бесталанные головушки к нам наплывают? Надо полагать, что это отброс Европейской России или более интеллигентной части. Сами мы, насколько нам помнится, никогда не выделяли из своего общества профессоров”.

Рецензент давал краткую характеристику ведущим актрисам: отрицательную одной, восторженную — другой. По его мнению, Ахматова играет, “заметно рисуясь”, и своими “давно усвоенными манерами делать какие-то авансы во время пения к рампе удивляла свежего человека. Все внимание этой артистки сосредоточивалось на собственном торсе, глазках и публике, куда она и посылала разные улыбки и т. п. Приблизительно к такому исполнению она играет все свои дежурные роли, причем получает 300 рублей в месяц с обязательными при том бенефисами и всякими льготами”.

По словам рецензента, зрители с большим наслаждением слушали пение и следили за игрой даровитой Вольской. У нее видно замечательное мастерство, искусство перевоплощения, а главное — “все так естественно, так ярко просто и реально”.

Но даже в плохих спектаклях декорации “бросались в глаза своим художественным исполнением и делали честь г. Преловскому”.

15 января первый раз в Благовещенске была показана “Материнская любовь” (“Фальшивомонетчик”), драма в 5-ти действиях и 6-ти картинах, “взятая с немецкого А. А. Майковым и В. И. Родиславским”. Главную женскую роль в пьесе Марии Жанны артистка Вольская сыграла “с таким талантом, что многие, даже мужчины, плакали”. Попеременные моменты отчаяния и радости артистка “исполнила с таким чувством, с таким знанием человеческого сердца, что игра положительно очаровывала зрителей и всецело переносила в реальную обстановку жизни... В общем, драма вышла одной из удачных”.

Сезон закончился к великому посту. Было дано 49 спектаклей, из них 14 — бенефисных. Два спектакля были благотворительные: в пользу инвалидов и в фонд Лечебно-благотворительного общества. Всего выручено, кроме абонементных, 22663 рубля. Шесть ложей бельэтажа по распоряжению Н. А. Першина были предоставлены бесплатно учащимся. Расходы далеко не оправданы. Но в договоре, заключенном театральной дирекцией с Общественным собранием на аренду помещения записано, что если в течение сезона останутся дивиденды, то все они должны поступить в пользу Собрания, а все убытки дирекция принимает на себя.

Когда создавалась театральная дирекция, то у инициаторов не имелось “никакого определенного взгляда или плана на репертуар”. Приглашенные артисты не помогли делу, “а только все спутали”, заботясь главным образом о средствах. Материально ответственному Першину “не хотелось играть роль простого наблюдателя”, а опыта ведения театрального дела он не имел. Поэтому начались “некоторые недоразумения” (например, Рождество прошло без спектаклей). Затем промелькнул ряд спектаклей, поставленных на скорую руку (заслуживали внимания одни декорации): “Путешествие на Луну...”, “Все мы жаждем любви” и проч. Наспех подготовленная “Гроза” Островского также прошла очень слабо. “Декорации во весь

сезон не оставляли желать ничего лучшего, оркестр был совсем плох, лучшие исполнители — сильно утомлены”.

По мнению гостившего в Благовещенске М. К. Шумилина, на потраченные из кармана Першина средства можно было бы выработать содержательный репертуар, устраивать спектакли для народа, и театр дал бы не дефицит (в 15—19 тысяч рублей), а покрыл расходы. “За то вознаграждение, которым пользовались артисты и артистки, — считал автор обозрения, — нужно было бы ожидать исполнения более добросовестного”. Даже игравшие 2-е и 3-и роли получали по 150—200 рублей в месяц с выдачей прогонов и проч. Некоторые артисты выходили на сцену пьяными, а артистки (за исключением Вольской) отказывались играть под разными предлогами.

Режиссер “оказался совершенно не у места и без всякого влияния на труппу”, что порождало беспорядки и халатность. Артисты брали бенефисы “без всякого разбора и меры” и старались главным образом “на поприще эксплуатации кармана ответственного директора”. “Теперь, когда все это кончено, — подытоживал обозреватель, — от всех наших спектаклей осталось впечатление как от какого-то странного сумбура”. Он советует в будущем не бросать деньги на то, что “зывается совершенным безвкусием, старьем и прочим, за малым исключением не имеющим не только никакого воспитательного значения, но почти прямо вредным”. Некоторые говорили, что директоры “вызвали труппу исключительно для себя”. В заключение обозреватель рекомендовал дирекции приобрести сведущего режиссера.

В том же номере газеты была напечатана вторая корреспонденция о театральной жизни Благовещенска, дополняющая первую. Ее автор сообщал, что члены Общественного собрания через своего собрата пригласили для прошлого сезона антрепренера Орлова-Семашко, который “явился с труппой таких актеров, что в первое время посещение театра еще было, но с половины — уже никто ни ногой!” Чтобы поддержать артистов, члены Собрания решили уступить помещение Орлову-Семашко для маскарадов, сбор с которых пошел бы на жалование труппе. Но и это не помогло: “Семашко деньги собирал, но на дело не обращал никакого внимания”.

Наконец, один из членов Общественного собрания заявил, что он с друзьями берет это дело под свое покровительство, для чего устроит дирекцию и по контракту с Общественным собранием обещался все барыши отдавать Собранию, а убытки нести единолично самому. Первым делом взялись за выпуск нужных актеров и за реставрацию театрального зала. Всеми денежными затратами жертвовал инициатор, а приятели его — своим трудом. На открытии сезона поставили оперетту “Красное солнышко” (“Маскотта”) Эдмона Одрана, произведшую приятное впечатление. “Было все безукоризненно: декорации, костюмы, хор и, главное, исполнение артистов вызывало один восторг. Дело пошло хорошо, пока не явились контры, зависть и удручающие сплетни, которые потом всплыли и наверх. Хористку Ц., возмечтавшую себя актрисой, удалось уволить. Дирекция за это поплатилась: власти объявили ее несуществующей, и действия ее закрыли. Об интимной подкладке этого дела отзываются весьма непохвально. Дирекция вошла, однако же, с ходатайством к г-ну министру и получилось распоряжение о восстановлении ее”. 29 декабря дирекцию восстановили.

В начале следующего года печать снова вернулась к истории этого вопроса. Она напомнила, что, заботясь об удовлетворении эстетических потребностей граждан, общество устроило небольшой театр в Общественном собрании. Театральный зал сдавался разным предпринимателям, которые “хотя и не имели больших средств, все же прилагали усилия”. “Нередко при Глеbove, Шумилине и при Семашко-Орлове публика выходила из театра удовлетворенною в своих ожиданиях”.

Автор корреспонденции считал, что Орлов-Семашко не выполнил поставленных условий и договор с ним был нарушен, но общество жестоко поступило, нанеся антрепренеру нравственный и материальный ущерб. Но вот является "Дирекция" — и труппа, признанная негодной, переходит к ней. "Публика вместо удовлетворения своих эстетических потребностей выходит из театра большей частью с чувством съеденного в немалой дозе хинина, — не в облатках". Орлов-Семашко "прилагал все усилия к наивозможно лучшей постановке дела, между тем "дирекция", как видно, не обращает никакого внимания на него. Например, "Фауст" был поставлен "при тьме на сцене". 10—12 человек, изображавших шествие солдат, кружились до крика публики: "Довольно". Встречается лишь кое-что скабрешное для райка. Корреспонденция (ее автор — некто Молоденков) заканчивалась словами: "Театр кроме удовлетворения эстетических потребностей общества имеет и воспитательное значение".

Интересно отметить, что родившаяся в это время "Амурская газета" сразу стала уделять внимание сценическому искусству.

В ее первых номерах была помещена статья "Несколько слов о театре", подводящая итоги сезона 1895/96 г.г. Как бы перекликаясь со статьей "Дальнего Востока", ее автор писал: "Театр есть общественное место, где зрители и слушатели воспринимают со сцены идеи и образы, облеченные в эстетическую форму". Далее он характеризовал зрителей того времени. "За исключением немногих наша театральная публика очень часто не понимает того, что происходит на сцене. Нередко бывает слышен несвоевременный смех и самое превратное толкование пьесы. В минувшем сезоне публика была чрезвычайно щедра на аплодисменты: хлопали без разбора, когда нужно и когда не нужно. Бывали и такие случаи: зритель слышит на сцене остроумную фразу, немедленно раздаются аплодисменты, независимо от того передана ли фраза удачно или неудачно. Очень часто после поднятия занавеса публика продолжала разговаривать и шуметь, мешая слушать остальным зрителям". Одновременно он делал упрек администрации: "Публика в театре иногда чуть не задыхалась от кухонного чаду. Из средних и задних рядов партера вследствие горизонтальности пола ничего не видно. Плата за места, кроме первых рядов кресел и лож бенуара, была слишком высока".

Репертуар минувшего сезона, по словам обозревателя, был "почти удачный". "Было поставлено много содержательных и серьезных пьес. Зачастую приходилось слышать со сцены высоконравственные идеи и видеть отрадные типы. Темным пятном в репертуаре является ряд пьес, поставленных на Рождество". Критик давал рекомендации, пытаясь обосновать их состоянием культуры зрителей. "Средний уровень благовещенского населения невысок и сложный и серьезный репертуар ему не по силам. А поэтому следовало бы давать один раз в неделю общедоступные спектакли. Подобные спектакли немало содействовали бы делу народного образования".

Характеризуя труппу, обозреватель выделил в ней Савостьянову, Вольскую, Маркс-Курчаеву, Шумилина, Курчаева, Орлова-Семашко, Синского. "Эти семь артистов вынесли на своих плечах весь минувший сезон и оставили о себе вполне удовлетворительное впечатление. Общий и главный недостаток наших артистов — поверхностное сценическое образование, полученное преимущественно путем практики. Только этим обстоятельством возможно объяснить неудачный выбор ими пьес для своих бенефисов, непонимание своих амплуа и сил. Мужской персонал очень часто возлагал слишком большие надежды на суфлера. Костюмы артистов-мужчин иногда были более чем скромны".

Спектакль "Роковой шаг" по драме Ф. Д. Кареева показал, что "наши артисты способны не только правдиво, но и художе-

ственно исполнять свои роли. Это был блестящий бенефис всей труппы. Роли были распределены и разучены хорошо, суфлер не кричал, артисты правдиво и обдуманно исполняли свои роли... Впечатление получилось стройное, не оставляющее желать ничего лучшего для наших мест". Ряд актерских удач был в спектаклях "Женитьба Белугина" А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева (Андрей Белугин — Н. М. Синский), "Мадам Сан-Жен" В. Сарду (Катрин Лефевр — А. Н. Савостьянова) и некоторых других. Кроме этого рецензент отметил "два выдающихся исполнения" — роли Маргариты в опере "Фауст" (Вольская) и Фуше в комедии "Мадам Сан-Жен" (Семашко).

Вывод: благовещенские артисты при внимательном и добросовестном отношении к делу и при умелом режиссере могут удовлетворять требованиям интеллигентной публики. "Декоративная часть театра не оставляет желать ничего лучшего. Везде и всегда была видна талантливая рука и добросовестное исполнение. Впрочем, можно сделать некоторый упрек г-ну Преловскому за его любовь к симметрии и за вольности в изображении классических форм".

В работе театра имелось немало недостатков. Желая угодить публике, администрация ставила не только драмы и комедии, но и оперетты и даже оперы (конечно, в усеченном виде). Однако оркестр был "жидок", качество исполнения "неважное". Случались и казусы. Так, исполняя оперы "Жидовка" ("Дочь кардинала") Ф. Галеви и "Фауст" Ш. Гуно, оркестр вставлял в них номера из "Травиаты" Дж. Верди! Слишком увлекался суфлер. "Машинная часть и световые эффекты иногда пошаливали и портили впечатление. На одном бенефисе занавес был опущен раньше времени. Публика нередко уходила до окончания спектакля, измученная длинными антрактами.

Статья (она была без подписи) заканчивалась словами о роли сценического искусства. "Театр есть храм искусства, а не доходное место, где можно срывать барыши при помощи шансонеток и коротеньких юбочек. Только при серьезной постановке театрального дела мы можем надеяться, что наше еще молодое искусство станет на хорошую дорогу и этим даст возможность с честью потрудиться первым начинателям русского искусства на Дальнем Востоке".

За подписью "Кресло 3 ряда" в газете "Дальний Восток" был напечатан еще один материал о Благовещенском театре. Автор пытался ответить на вопрос: в чем причина плохого состояния театра? Всю вину он возлагал на режиссера М. К. Шумилина, взаимоотношение которого с театральными подмостками выражалось, мол, "кровной враждой". "Сцена требует способности, искры божьей, а г-н Шумилин всеми силами навязывает ей свою бездарность и бесцветность. Понятно, ладу никакого не будет".

Рецензент пытался доказать это на конкретных примерах. Так, в труппе два артиста занимают амплуа любовника-фата — Шумилин и Синский, причем у последнего "каша во рту". Однако Орлов-Семашко в свой бенефис (он выбрал для него "Горе от ума") попросил, чтобы роль Чацкого играл артист М. В. Васильев. Критик считал, что хотя Васильев — опереточный артист, он "в миллион раз выше и лучше "заправских" любовников". Вопреки мнению других рецензентов он считал неправильным приглашение Савостьяновой на роли героинь, у которой, якобы, "нет ни голосовых средств, ни фигуры, ни сколько-нибудь сносных манер. В сильных драматических местах она хлопает себя по бедрам и необычайно визжит". По его разумению, с еще большей претензией играть первые роли выступает артистка Вольская, о которой критик нетактично писал: "Эта, видимо, из небольших провинциальных театров, маленькая по росту и по исполнению ролей актриса задалась целью доказать баснописцу Крылову, что лягушка ни за что не лопнет от натуги, равняясь с волком. Ходит она на сцене, как будто ее ежеми-

нутно дергают веревкой за шею. В пении надоедает трескучестью голоса при совершенном отсутствии всякой школы”.

Автор не случайно укрылся за псевдонимом, так как отражал групповые интересы, которые проявлялись не только в театре, но и среди зрителей. Он выступал противником Шумилина и его жены Савостьяновой за пару Васильев-Станиславская, что будет видно во второй части статьи.

Досталось от него и другим ветеранам дальневосточного театра. О Маркс-Курчаевой он заявлял, что она “годна вполне на амплуа комических старух, но никак уж инженеру, которых разыгрывает. Картавит, шепелявит и тараторит. Второстепенные артистки совсем дребедень. Из всей плеяды женского персонала оставила хорошее впечатление г-жа Варламова как комическая старуха, и г-жа Станиславская своим милым умением держаться на сцене и прекрасной постановкой голоса — колоратурного сопрано”. Но Варламова ушла из театра в начале сезона.

Бестактность и грубость содержат характеристики неугодных автору актеров. “У нас были вороны, которые зиму делали в нервах зрителя. Это господа Чернявский и Копылов — два певца народных песен во вкусе водовозов. Они истинные мученики своего дела. Для нашей таежно-приискательской галерки они ничего, но бедная интеллигентная публика. Орлов-Семашко, безусловно, хороший артист на роли комика-резонера, но он играл все, что попало, и, кажется, роли своего амплуа меньше, чем другие. Вследствие этого он не особенно выделялся. Да и как бы ни был хорош актер, но в плохом ансамбле он все-таки теряется”. Комик Курчаев был, по определению корреспондента, как бы “притычкой” к Орлову-Семашко. “Он неграмотен, никогда не знает ролей и, вдобавок, хотя бессознательно, всем старается напортить. После бывшего у нас комика г. Стрельского на г. Курчасва жалко смотреть. Выручал некоторые спектакли г. Неведомов, выступавший за комика, но он, к сожалению, так мало играл ответственных ролей, что положительного о нем сказать нельзя, хотя способность видна. Флоровский был недурной простак, но, кажется, поссорился и ушел”.

Таким образом, причина плохого состояния театра — “в составе труппы и ведении дела”. Труппу составляла отчасти дирекция, а главным образом Шумилин. Бездарность его служила гарантией превратить даже хорошую труппу в плохую, что он и доказал работой с хором и оркестром, руководя ими не только без музыкального образования, но и слуха, вел дело без системы, знания и понимания... Неспособный актер в драме, которую сделал неинтересной. “Теперь г-н Шумилин посмеивается в кулак над дирекционными простачками, а дирекция с истощенным карманом припевает: “Поделом — не будь дураком!”

Однако публика и остальная часть прессы по-иному оценивали деятельность М. К. Шумилина и А. Н. Савостьяновой. После завершения сезона 1895/96 г.г. они некоторое время играли с любителями, а 25 апреля дали прощальный спектакль, поставив многоактную пьесу “Наша утеха Варя” В. Александрова (В. А. Крылова), в которой блестяще играла заглавную роль Савостьянова, и одноактную комедию “Победителей не судят” Н. В. Самойлова (переделка с французского). Анонсируя спектакль, газета писала: “Несмотря на тяжелые условия, в которых находится наше драматическое искусство, они пять лет прослужили у нас. А потому мы надеемся, что публика придет попрощаться с уезжающими артистами и выразит им свои пожелания”.

В отзыве на спектакль говорилось: “Роли были распределены, разучены и обдуманы очень хорошо, постановка и исполнение отличались правдивым изяществом. Г-же Савостьяновой особенно удались две сцены: сцена с Василием (2-е действие) и молитва перед смертью (3-е действие). В последней сце-

не изображение “тупого горя” Вари было передано Анной Николаевной правдиво и художественно. Г-н Шумилин создал вполне определенный тип и в слова автора: “Вчерашний хам разыгрывает роль аристократа и на деньги, добытые трудом и потом десятка тысяч работников заводит музеи, воображая себя ценителем и покровителем родного искусства...” — вложил серьезное чувство, прекрасно тонировал и фразировал слова и отдельные выражения. Г-н Семашко-Орлов, наш талантливый артист, с мастерством настоящего художника передал те полные глубокого смысла и чрезвычайно сложные по составу психические ощущения, которые волнуют и мучат несчастного Ераста”.

Автор статьи напомнил, что год назад “Амурская газета” писала (№ 20 за 1895 год): “Будем надеяться, что начинающийся уже прилив интеллигенции установит более порядочные отношения к артистам. Русский интеллигентный человек и русская пресса всегда были верными друзьями родного искусства”. Ссылаясь на эти слова, автор продолжал: “Мы очень рады, что высказанная нами надежда начинает отчасти сбываться. Этот спектакль как по выбору пьес, так и по роду публики мы склонны назвать реваншем артистов и интеллигенции местному обскурантизму”.

В заключение газета пожелала счастливого пути отъезжающим.

Однако, не успев уехать, Шумилин и Савостьянова пострадали от пожара. Тогда по инициативе артистки В. А. Вольской в пользу погорельцев был устроен благотворительный спектакль — показаны трехактная комедия “Сердце — загадка” Л. Л. Иванова и пословица в 1 действии “Не пойман — не вор” А. С. Суворина. На этот раз публика была не столь отзывчива, сбор составил всего 200 рублей, однако спектакль “был интересен”. “Г-жа Вольская (милочка Василькова) обдуманно и изящно провела свою трудную роль. Сцена объяснения в любви разыграна талантливо и эффектно. Г-н Семашко-Орлов (Чугренев) обнаружил блестящую мимику и недюжинные комические способности. Сцены переходов от нежного чувства к гневу произвели наибольшее впечатление”. Что касается второй пьесы, то, “несмотря на авторский шарж”, Савостьянова и Шумилин “с успехом разыграли пословицу”.

Так завершился первый этап в истории Амурского театра.

*А. ИВАНОВ,
кандидат искусствоведения,
г. Москва*

